This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

62273

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Burenin, V. P.

891
Б90

7643.

КРИТИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

и

ПАМФЛЕТЫ

В. БУРЕНИНА

MOSKAUER DEUTSCHER
BIBLIOTHEK
CLUB.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1884

PG2933
B8

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

I.

Въ качествѣ рецензента и просто въ качествѣ любителя «изящной словесности», мнѣ пришлось на своемъ вѣку прочитать массу романовъ и повѣстей, появляющихся въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Въ этой массѣ, разумѣется, встрѣчалось такъ много посредственныхъ и даже совсѣмъ невыносимыхъ, что, право, я имѣлъ бы полное право (простите за неумышленный каламбуръ) охладѣть къ этому неблагодарному занятію — чтенію новыхъ беллетристическихъ произведеній, фабрикуемыхъ журнальными авторами. И, однако—сообщаю это признаніе для свѣдѣнія моихъ будущихъ біографовъ—на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе: я не только не охладѣлъ, но всегда съ нѣкоторымъ любопытствомъ принимаюсь за всякій новый плодъ отечественнаго творчества, особенно если этотъ плодъ подписанъ именемъ мало извѣстнымъ, или совсѣмъ неизвѣстнымъ,

появляющимся впервые на страницахъ журнала. Мнѣ все думается, что вотъ-вотъ неожиданно попаду я на необыкновенно талантливую, свѣжую вещь; мнѣ, на манеръ пушкинскаго Сальери, все кажется, что быть можетъ журналъ

Мнѣ принесетъ внезапные дары,
Быть можетъ новый Гоголь сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...

Конечно, «даровъ» не обрѣтается въ результатѣ знакомства съ новыми произведеніями, конечно, новаго Гоголя даже въ эмбріональномъ видѣ не находится. Но я, тѣмъ не менѣе, все-таки продолжаю питать надежды, все-таки съ экстреннымъ оживленіемъ продолжаю интересоваться новорожденными романами и повѣстями. Что будете дѣлать: привычка рецензентскаго ремесла.

Вотъ и въ этотъ разъ, «привычкѣ сладостной послушный», принялся я за чтеніе повѣсти «Идеалистка», напечатанной въ журналѣ «Слово». Повѣсть эта подписана именемъ, если не ошибаюсь, совершенно неизвѣстнымъ и притомъ именемъ женскимъ. Авторъ повѣсти г-жа Анна Стацевичъ. Произведенія женскаго пера у насъ, за двумя-тремя исключеніями (Крестовскій-псевдонимъ, Марко-Вовчокъ), обыкновенно отличаются книжностью, отсутствіемъ простоты и естественности и въ описаніяхъ и въ діалогахъ дѣйствующихъ лицъ. Первыя страницы Идеалистки» пріятно поразили меня именно простотою и столько же краткою, сколько удачною и

правдивою обрисовкою трехъ дѣвицъ и особенно набросанной вскользъ оригинальной фигурою ихъ отца-священника. У меня уже было душа слегка заиграла отъ этихъ первыхъ страницъ. Но потомъ, какъ только выступила настоящая героиня повѣсти, играніе моей души прекратилось и я сталъ пробѣгать повѣсть съ меньшимъ любопытствомъ, но однако же прочелъ «Идеалистку», если не безъ скуки, то не безъ нѣкотораго назиданія. Для начинающаго «пера», особенно женскаго, повѣсть вообще не дурна, нѣсколько наивна, мѣстами сдѣлана неискусно и фразисто, мѣстами обнаруживаетъ талантъ. Но, что главное, написана она очевидно отъ души, искренно. Даже въ самыхъ фразистыхъ и «романическихъ» ея страницахъ — въ описаніи дѣтства и первой юности героини, напримѣръ, или въ изображеніи ея феноменальной натуры, звучитъ такое простодушіе, что становится жаль смѣяться надъ нимъ, хотя эти страницы возбуждаютъ невольную улыбку. Во всякомъ случаѣ «Идеалистка» заслуживаетъ вниманія и я считаю не лишнимъ заняться этой повѣстью.

Въ повѣсти изображаются въ нѣкоторомъ родѣ «страданія одной прекрасной души». Прекрасная душа принадлежитъ къ прекрасному полу и называется Надеждой Павловной Ракитиной. Она, разумѣется, прибыла въ Петербургъ изъ провинціи, съ юга. У «хладныхъ невскихъ береговъ» рѣдко зарождаются подобныя «прекрасныя души»: тутъ все барышни больше выходятъ и притомъ съ прак-

тическими, а отнюдь не съ идеалистическими стремленіями и порывами. Какъ подобаетъ настоящей героинѣ, прекрасная душа съ самаго ранняго возраста обнаруживала необычайную впечатлительность. Пяти лѣтъ, услышавъ чтеніе «Хижины дяди Тома», она впала въ бредъ и цѣлую ночь твердила: «мнѣ жалко!.. Ахъ, какъ мнѣ жалко»—значитъ уже поняла тенденцію романа. Въ двѣнадцать лѣтъ она была знакома «со всей русской литературой», прочла «Лира», «Орлеанскую дѣву», «Misérables», статьи Добролюбова и т. п. и «страстно хотѣла все знать». Въ гимназіи была «звѣздой». Въ то время, когда ея сверстницы гимназистки думали лишь о весельи и танцахъ, она сидѣла въ уголку и «анализировала свою душу», готовила себя къ «жизни труда», къ «самоотреченію», воевала съ классными дамами за декорумъ, внося въ гимназію «порывы своего безпокойнаго ума и чуткой совѣсти», и «созерцала небо». Въ этомъ созерцаніи, говоритъ авторъ, она находила невыразимое блаженство. «Какія-то чудныя скрытыя истины раскрывались передъ нею, становились понятны... Что-то великое, сильное, какъ самъ могущественный Панъ, природа-мать, охватывали ее всю своими любящими, мощными объятіями и поднимали на высоту, туда, въ тѣ лучезарныя, прозрачныя пространства невѣдомаго, но уже не чуждаго ей міра. Ничтожна и пуста казалась ей тогда вся жизнь земная съ ея суетой, съ ея преходящими радостями. И эти-то радости

окупались человѣческимъ паденіемъ, грѣхомъ, зломъ!.. Вся душа ея въ эти минуты рвалась къ добру и правдѣ. Она давала себѣ обѣты жить такъ, какъ шепчетъ совѣсть, и никогда, никогда не измѣняться!.. Потомъ молилась до тѣхъ поръ, пока не засыпала—въ слезахъ и съ улыбкой на губахъ». Послѣ этого періода анализированія собственной души въ уголкѣ и порывовъ самоотреченія въ пятнадцать лѣтъ, для героини наступилъ другой періодъ: «изъ аскета, обуреваемаго скептицизмомъ и вопросами о сущности вещей и назначеніи человѣка, она превратилась въ существо, томимое желаньемъ счастья», жизнь земная начала казаться ей столь прекрасной, что она находила возможнымъ «пожертвовать для нея даже вѣчнымъ спасеніемъ въ жизни загробной». Въ этотъ періодъ m-lle Ракитина до такой степени была полна «особой чарующей граціи и поэтичности», что прохожіе оглядывались на нее на улицѣ; въ этотъ періодъ у ней головка была обрамлена «вѣнкомъ волнистыхъ, золотисто-пепельныхъ волосъ», въ этотъ періодъ «молодежь бѣгала за ней толпами», а она «влюблялась безъ конца: въ заѣзжаго пѣвца, въ бальнаго музыканта, въ портретъ Тургенева, въ его глаза—«глубокіе, какъ пропасть» (кто бы могъ подумать, что у Тургенева такіе глаза!), во всѣхъ героевъ, страдальцевъ, борцовъ... въ одного ссыльнаго». Въ этотъ періодъ она «желала всего, не зная сама, чего именно желаетъ», она «плакала, по недѣлямъ ходила въ бреду (!), доставала Либиха, собиралась заняться

химіей, чтобы быть полезной крестьянамъ въ вопросахъ сельскаго хозяйства... Хотѣла изучать медицину», хотѣла «какой нибудь трибуны, шума, блеска, помпы, популярности», и не хотѣла мужа; въ одну зиму, безъ всякаго учителя, по Робертсону, выучилась англійскому языку такъ, что могла «Гамлета» читать въ подлинникѣ, пыталась «разгадать загадку жизни» и т. д. Періодъ этотъ былъ довольно продолжителенъ и у героини все болѣе и болѣе вырабатывалось убѣжденіе, что ей необходимо покинуть ея родину и переселиться въ Петербургъ, представлявшійся ей какимъ-то Сіономъ, въ которомъ она найдетъ все то, чего неопредѣленно жаждала. Въ Петербургѣ ей чудился «гулъ далекаго міра», «ускоренная пульсація жизни», мотивы Оффенбаха, сознательная жизнь, трудъ и наслажденіе.

II.

Пришла, наконецъ, желанная пора и феноменальная героиня переселилась въ невскій «Сіонъ». Этотъ Сіонъ сначала поразилъ ее внѣшней роскошью, блескомъ, движеніемъ. «Библіотеки (?), картины (?), площади, памятники, храмы, клубы мелькали мимо нея» (?). Но потомъ, когда она ознакомилась съ жизнью и людьми Сіона, она впала въ тоску и разочарованіе. Она пріѣхала въ Петербургъ, намѣреваясь, по вульгарному выраженію одного ея знакомаго, «обожраться жизнью,

что называется за обѣ щеки». Но оказалось, что это «обжираніе» далеко не такъ пріятно и увлекательно, какъ представлялось феноменальной героинѣ издали, оказалось, что обжираться-то приходится въ Сіонѣ по большей части такой дрянью, что отъ нея порядочно тошнитъ. Вотъ какъ сама героиня разсказываетъ о своихъ опытахъ «обжиранья»: «Только-что я пріѣхала, доложу я вамъ, начала я метаться по лекціямъ, да по студентамъ: думала по своей провинціальной простотѣ, что только стоитъ хотѣть учиться въ этомъ городѣ наукъ и искусствъ—и вся сія приложится вамъ. Съ мѣсяцъ это я все льстила себя надеждой... Ходила на Владимірскую — послушала Ореста Миллера сладчайшаго, послушала Менделѣева, Таганцева... Потомъ начала соображать: зачѣмъ это я хожу и что изъ этого выйдетъ?.. Кромѣ развлеченія отъ нечего дѣлать, выходило ровно ничего. Вѣдь еслибы еще цѣлый курсъ. А то—нѣтъ. На курсъ денегъ не было. Я стала спрашивать другихъ, присматриваться... То же... Все какъ-то не по настоящему, хотя и сидятъ они съ карандашами въ рукахъ и чиркаютъ себѣ на бумажкахъ—для памяти». Встрѣтилась на курсахъ героинѣ одна изъ ея гимназическихъ подругъ; на вопросъ героини, ради чего та ходитъ на курсы? подруга отвѣтила ей: «да такъ, отъ скуки», и при этомъ объяснила, что она въ акушеркахъ, что ихъ много, онѣ живутъ вмѣстѣ. Героиня сейчасъ зажглась восторгомъ, вообразила, что она увидитъ «коммуну»

и полетѣла къ подругѣ. «Признаюсь — разсказываетъ она свои впечатлѣнія отъ коммуны — не очень вкусно показалось мнѣ это житье вмѣстѣ. Нечесанныя, неодѣтыя и, оттого, некрасивыя женщины, такіе же мужчины. Очень много курятъ, мало и скверно ѣдятъ (что жъ будешь дѣлать, коли не на что много и хорошо ѣсть—замѣчу я въ скобкахъ) и много говорятъ... и такъ, что я ровно ничего у нихъ не понимала: такъ, слова какія-то, безъ связи и все больше о происхожденіи человѣка, о половомъ подборѣ, о тазѣ, да о какихъ-то косточкахъ... каждый день объ одномъ и томъ же!.. А главное, совсѣмъ ничего не дѣлаютъ». Позже, на примѣрѣ своей гимназической подруги, героиня убѣдилась, что иныя изъ акушерокъ, не смотря на все формальное отрицаніе буржуазнаго строя жизни и формальное стремленіе жить самостоятельной трудовой жизнью, въ концѣ концовъ устроиваются на обычный манеръ: эта подруга, какъ только получила дипломъ, сейчасъ же «вышла замужъ за одного изъ наименѣе растрепанныхъ и наиболѣе красивыхъ сожителей— ветеринара и уѣхала съ нимъ въ провинцію. Вѣнчались въ церкви, у настоящаго попа, только подъ вѣнцомъ оба гримасничали. Только-что дьяконъ пробасилъ знаменитое: «жена да повинуется мужу» (да боится своего мужа), невѣста повернулась бочкомъ къ жениху и показала ему кончикъ языка... А сама въ бѣломъ платьѣ, подъ вуалемъ и все какъ слѣдуетъ. Мужъ работаетъ теперь, а

она кушаетъ, спитъ да капризничаетъ—отъ скуки, какъ прежде на лекціи ходила отъ скуки». «Посовавшись» такимъ образомъ съ своимъ ученьемъ, героиня кончила тѣмъ, что пріютилась въ качествѣ переводчицы въ редакцію газеты, начала жить «своимъ трудомъ» и ознакомилась съ «молодымъ поколѣніемъ», или съ «представителями молодой интеллигенціи», какъ теперь именуютъ себя эти господа. Съ этими представителями познакомилъ героиню одинъ семинаристъ. «Семинаристикъ этотъ—говоритъ она—видѣлъ во мнѣ какую-то зарю восходную, знамя ихъ поколѣнія и тому подобное разное... Вдохновленный такими предчувствіями, онъ возвѣстилъ обо мнѣ своимъ новымъ товарищамъ-юношамъ, чающимъ движенія воды... то есть, по моему, просто какихъ нибудь развлеченій, возможности гдѣ нибудь поболтать и поумствовать. И начала ходить ко мнѣ вся эта юность—и толпой и въ одиночку. Какъ я ихъ слушала сначала! Въ каждомъ изъ этихъ юношей я видѣла, конечно, того человѣка, о которомъ мы грезимъ чуть ли не съ третьяго класса гимназіи». Однако всѣ эти «человѣки» дѣвическихъ грезъ въ дѣйствительности очень «скоро надоѣли со всѣми своими спорами, доказательствами и поученіями. Медикъ одинъ, напримѣръ, постоянно просвѣщалъ меня относительно «ненормальности» моей жизни: порицалъ за любовь къ духамъ (онъ понималъ одинъ ароматъ препаровочной: такъ увѣрялъ онъ, по крайней мѣрѣ), къ крѣпкому

чаю, за всѣ мои волненія, стремленія и пр. Все было ненормально, не здорово. Является другой—техникъ—порицаетъ за чистые воротнички и ленточку на шеѣ: аристократизмъ, «кисейная барышня», по Писареву! «Общественный нуль — и никакой идеи!» — «Отчего вы не поступаете въ акушерки?» — Господа! говорю, да я совсѣмъ не хочу въ акушерки! Что же все акушерки да акушерки». Разумѣется, подобные возрѣнія и совѣты раздражали молодую дѣвушку. Она возражала, что не спеціалисткой жаждетъ быть, а просто человѣкомъ и, если можно, образованнымъ человѣкомъ. Ей на это говорили: «Къ чорту ваша образованность! Не до того! Народъ страдаетъ. Приближается время, когда всѣ будутъ свободны, равны и никто не превосходенъ!» и все это, замѣтьте, тономъ невыносимо-отвратительнаго авторитета». Хуже всѣхъ изъ этихъ представителей молодой интеллигенціи оказывались юристы: эти ни о чемъ, кромѣ практическихъ вопросовъ взиманія и комфорта и толковать не желали. Толкнулась несчастная «идеалистка» и къ литераторамъ и тутъ обрѣла мало утѣшительнаго. Одинъ изъ литераторовъ (герой повѣсти, нарисованный авторомъ недурно и довольно правдиво), оказался хорошимъ «пьющимъ» человѣкомъ, другой, изъ поэтовъ, пустымъ и скверным «пьющимъ» человѣкомъ. Вообще, по части литературныхъ знакомствъ героинѣ не повезло: она попадала все къ какимъ-то и холостымъ и семейнымъ литерато-

рамъ кутящимъ, гуляющимъ по клубамъ, устроивающимъ пикники и притомъ пикники самые невѣроятные. Вотъ какъ она изображаетъ одинъ изъ такихъ пикниковъ: «Всѣ въ эту ночь были какіе-то неистовые: воздухъ, да вино, должно быть подѣйствовали. У каждаго мужчины была своя дама — и непремѣнно не жена: conditio sine qua non (!) Танцы были тоже какіе-то импровизированные. Въ одномъ углу пляшутъ и распѣваютъ carmagnole (Господи! какіе ужасы!); въ другомъ самые сливки интеллигенціи, сѣдобородые мужи, должно быть, вспомнивъ Парижъ и бульварныя сцены сорокъ восьмого года, въ шляпахъ, съ сигарами въ зубахъ, топчутъ ногами и распѣваютъ марсельезу... Здѣсь въ бѣшенной мазуркѣ несутся влюбленныя пары... Тамъ какой-то нескладный галопъ почтеннаго критика въ юбкѣ подъ ручку съ мизернымъ лысымъ педагогомъ». Просто шабашъ какой-то, какъ подумаешь. Я не знаю, гдѣ такіе ужасные, неистовые литературные пикники видѣла «идеалистка» и ея авторъ, откуда она получила такое понятіе о петербургскихъ литераторахъ, что будто бы они любятъ шляться по клубамъ и устроивать танцовальные вечера непремѣнно съ незаконными дамами сердца. Сколько мнѣ извѣстно—а я немножко знакомъ съ бытомъ, нравами и нѣкоторыми представителями петербургской литературы—большинство нашихъ литераторовъ-журналистовъ прескромные люди, обыкновенно сидящіе въ своихъ кабинетахъ; ихъ «об-

щество» почти всегда составляютъ немногочисленные кружки тѣхъ редакцій, гдѣ они работаютъ, или какіе-нибудь знакомые изъ порядочныхъ людей адвокатуры, администраціи. Если иной литераторъ заглядываетъ иногда въ клубы, то развѣ затѣмъ только, чтобы взглянуть на какую-нибудь дебютирующую на клубной сценѣ провинціальную знаменитость, да и тутъ почти всегда зѣваетъ и бранится, что онъ принужденъ былъ покинуть свой кабинетъ и явиться въ «публичный кабакъ» — такъ обыкновенно именуютъ петербургскія увеселительныя мѣста наши домосѣдные литераторы. Что касается ужасныхъ и неистовыхъ баловъ и пикниковъ литературныхъ, то о нихъ не слыхать что-то. Помнится, въ разгаръ хищныхъ и безпутныхъ стремленій россійскаго прогресса, завелись-было какіе-то литературные балики, на которыхъ, говорятъ, увлекались бурными танцами даже литературные философы; но эти балики очень скоро прекратились, какъ не соотвѣтствующіе домосѣднымъ и, по истинѣ сказать, нѣсколько угрюмымъ нравамъ нашей литературной среды... Правда, есть между столичными литераторами нѣсколько мелкихъ забулдыгъ, которые иногда пьяными публичными выходками позорятъ себя съ изумительнымъ усердіемъ; да вѣдь какая же общественная среда не выдѣляетъ изъ себя подобнаго рода безшабашныхъ господъ? Выставлять ихъ исключительную наклонность къ развеселости и пустой

жизни общими свойствами литературной братіи по меньшей мѣрѣ наивно...

Я, однако, отвлекся отъ изложенія «Идеалистики» и спѣшу возвратиться къ ней, Идеалистка, закружившись въ литературной средѣ, сообразила, что для игранія роли ей необходимо «увлечься и увлечь». И она принялась приводить въ исполненіе эту фантазію. Но опыты увлеченія оказались неудачными: объекты увлеченій попались несоотвѣтствующіе пламеннымъ требованіямъ идеалистки и она, не испытавъ даже и начала увлеченья, поспѣшила ретироваться отъ разныхъ господъ, подвертывавшихся ей подъ руку. Наиболѣе продолжительныя платоническія, конечно, отношенія завязались у ней съ хорошимъ пьющимъ литераторомъ; но къ нему она не могла питать ничего, кромѣ дружескаго участія. Притомъ и хорошій пьющій литераторъ казался ей иногда лишь мелкимъ собирателемъ копѣекъ за строчки, точно такъ же, какъ и она сама. Наконецъ и хорошій пьющій литераторъ уѣхалъ въ деревню и она осталась одна съ своими неопредѣленными стремленіями и порывами, съ невыносимой тоской о собственномъ безсиліи и неумолимой жаждой жизни, дѣятельности, любви; жаждой, которая подъ вліяніемъ весеннихъ лучей солнца, разумѣется, возбудилась въ квадратѣ. Попробовала она было экономическія науки изучить—и это не помогло. Въ концѣ концовъ вотъ какими чувствитель-

ными тирадами разражается идеалистка въ своемъ дневникѣ:

«Семья! младенчество! вѣра! Счастливое время, мнѣ жаль тебя! Взамѣнъ у меня нѣтъ никого и ничего... Нѣтъ, я жалкая. Я ничего, да—ничего не сдѣлаю. Эта борьба между желаньемъ, стремленьемъ и дѣломъ будетъ до смерти. Она истощитъ, но плода не принесетъ». «Типы все (ужь будто бы все?) понимающіе и ничего не могущіе!» Жалкая натура, скудная воля! Христосъ! Ты, свѣтлый дѣятель, говорившій правду и жившій въ правдѣ, воскресни Ты въ моемъ сердцѣ, великій!... Я такъ страдаю отъ этой мертвой вѣры въ добро и въ истину! Такъ тяжело мнѣ безъ дѣла! Воскресни, Христосъ, и дай мнѣ лучшія силы». Она говоритъ далѣе, что отличается отъ окружающихъ ее новыхъ людей тѣмъ, что они всѣ родились съ «готовыми взглядами», что они рабы «современныхъ новшествъ», а она не хочетъ быть рабою, не хочетъ «забывать жизнь всего человѣчества и не замѣчать собственной жизни»; она желаетъ «носить ее въ себѣ со всѣмъ ея прошлымъ, настоящимъ и будущимъ»; она мечтаетъ о «жизни истинно человѣческой, жизни великихъ, жизни свободныхъ, дѣятельныхъ, страстныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ людей». Но ее одолѣваютъ сомнѣнія въ томъ, что для нея возможно найдти такую жизнь: «гдѣ силы, гдѣ искусство, гдѣ умѣнье?» — въ отчаяніи восклицаетъ она—«ничтожные и жало-

сти достойные Прометеи! Я теперь плачу о невозможномъ. О нашемъ безсиліи... Наши жизненныя силы—на что онѣ уходятъ?!... Всю жизнь мы гонимся за истиной и эта истина отравляетъ все наше существованіе. Потому что ея нѣтъ въ насъ самихъ. Она уничтожаетъ и мертвитъ въ насъ все, до чего ни коснется... все, за что бы мы хотѣли ухватиться... Потому что все, что окружаетъ насъ, что насъ покоитъ и тѣшитъ, все наше счастье и самоуслажденіе—все это ложь, все это зло. Мы не люди. Мы оттого и не народъ».

III.

Надняхъ, по излюбленной литераторской привычкѣ, «охотясь» за книгами у букинистовъ, я обратилъ вниманіе на крохотную брошюрку въ розовой обложкѣ съ изображеніемъ какой-то дѣвицы въ очкахъ, съ стрижеными волосами, въ венгеркѣ, въ панталонахъ на выпускъ и русскихъ сапогахъ. Надъ головой такъ странно одѣтой дѣвицы краткая, но выразительная надпись: «Нигилистка». Я заинтересовался брошюркой, пріобрѣлъ ее за пять копѣекъ, и пробѣжалъ на досугѣ. Брошюрка оказалась поэтическимъ плодомъ неизвѣстнаго автора, порожденнымъ и изданнымъ пять лѣтъ назадъ. Плодъ не великъ: всего двадцать шесть куплетовъ, по четыре строки

каждый. Въ этихъ куплетахъ разсказывается назидательная исторія «нигилистки».

Что ты мрачно сидишь на постели,
Распахнувъ свою бѣлую грудь?
Знать видѣнья тебя одолѣли,
Или труденъ твой избранный путь?

такъ начинаетъ авторъ, обращаясь къ нигилисткѣ. Ты, говоритъ онъ далѣе, «что-то ждешь все съ тревожнымъ рыданьемъ», но ничего не дождешься и «будешь одна». Давно ли ты «съ жаромъ болтала, что свобода и страсть твой законъ и на все ты цинизмомъ метала и не слышала матери стонъ». Ты осуждала законы и бракъ:

Одолѣлъ тебя искусъ лукавый,
Одолѣлъ тебя лютый прогрессъ.

Была ты красива, съ косой «словно соболь», а теперь «совсѣмъ извелась», «косу роскошь завѣтную» обрѣзала,

И очки ты приставила къ носу,
Какъ мартышка Крылова точь-въ-точь.

Затѣмъ, ты одѣлась «словно кучеръ — кутила лихой», усвоила себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя манеры, «растлѣвая стыдливость подругъ» и не обращая вниманія на «испугъ близкихъ».

Ты о швейныхъ читала мотивы,
Женскій трудъ тебя занялъ къ тому жъ.
Для тебя на все нуженъ былъ милый
Твой гражданскій, фиктивный твой мужъ.

Ты «вихремъ полетѣла впередъ», обезумѣвъ «отъ мрака сладострастныхъ и бѣшеныхъ думъ».

И идеи священнаго брака
Не позналъ твой испорченный умъ.

И вотъ, въ концѣ концовъ, «дѣва-краса», ты погибла: для родныхъ ты забыта, матери домъ тебѣ чужой, да и милый твой покинулъ тебя:

Что дѣлать,
Не сошелся характеромъ онъ,
Чтобы вновь нигилизмъ проповѣдать
Онъ разстаться съ тобой принужденъ.

Ты осталась одна, больная, безъ средствъ и льешь «слезы горькія жгучимъ потокомъ», ты въ этомъ сама виновата: ты сама «цинично на пагубу шла»,

Твоя воля опасное жало
Распустила до крайнихъ заботъ.

Ну, однако, не плачь, назидаетъ въ заключеніе авторъ несчастную нигилистку:

Раскайся какъ должно,
Успокойся и—съ долей смирись:
Утѣшенье найдти еще можно
Только въ честномъ трудѣ, и—молись!

Такова печальная исторія «нигилистки», изображенная неизвѣстнымъ рыночнымъ поэтомъ въ нѣсколькихъ плохихъ куплетахъ. Рыночный поэтъ, сочинившій и издавшій эту исторію вѣроятно для того, что ему, по его выраженію, «нечего ку-

шать», конечно не могъ предвидѣть, что ровно черезъ пять лѣтъ все то, что онъ кратко изобразилъ въ стихахъ, г-жа Анна Стацевичъ пространно разскажетъ на десяти печатныхъ листахъ, переименовавъ «Нигилистку» въ Идеалистку. Да, бѣдный рыночный поэтъ не предвидѣлъ этого, а между тѣмъ это случилось: вторая половина «Идеалистки» представляетъ не что иное, какъ прозаическое развитіе баллады неизвѣстнаго рыночнаго поэта. Героиня повѣсти г-жи Стацевичъ, «прекрасная душа» m-lle Ракитина, истерзавшись «въ ожиданьяхъ чего-то съ тревожнымъ рыданьемъ», осиленная «лютымъ прогрессомъ», хотя и не остригла косы и не надѣла очковъ, но тѣмъ не менѣе сопряглась гражданскимъ бракомъ съ достойнымъ себя героемъ, герой не сошелся съ ней характеромъ и покинулъ ее, «чтобы вновь нигилизмъ проповѣдать», да притомъ еще покинулъ не одну, а съ зачатымъ ребенкомъ. Покинутая, она было «извелась совсѣмъ», затѣмъ нашла утѣшеніе въ честномъ трудѣ наборщицы, а потомъ все-таки умерла. Вотъ фабула повѣсти. Читатели согласятся, что я правъ, утверждая, что исторія «идеалистки» г-жи Стацевичъ совершенно тождественна съ исторіей «нигилистки» неизвѣстнаго рыночнаго поэта и представляетъ не больше, какъ только пространное прозаическое развитіе темы его стихотворенія, обработанное сообразно съ современною обстановкою.

Я выше замѣтилъ, что исторія о страданіяхъ

прекрасной души отчасти наивна, но тѣмъ не менѣе она любопытна. Это одна изъ «обыкновенныхъ исторій» самой послѣдней формаціи и обработай эту исторію какой-нибудь сильный современный художникъ, онъ создалъ бы вещь, которая могла бы «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой». Но и въ слабой, простодушной обработкѣ автора «Идеалистки» эта «обыкновенная исторія» производитъ извѣстное впечатлѣніе и далеко не лишена интереса. Читая повѣсть, невольно приходишь къ невеселой мысли о томъ, какъ много въ настоящее время подобныхъ прекрасныхъ душъ терзается подобными «роковыми» страданіями, портитъ свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ, какъ много надрывается и гибнетъ совершенно задаромъ молодыхъ силъ. Народится такая прекрасная душа въ провинціи отъ бѣдныхъ но благородныхъ родителей, напитается она съ самаго ранняго дѣтства всякой романической и популярно-публицистической возбуждающей пищей, не переваритъ эту пищу какъ слѣдуетъ, и вотъ зароятся въ ней тѣ мечтательныя тревоги и стремленія, которыя совершенно сбиваютъ съ толку молодую мысль и молодое чувство, представляя имъ и самую жизнь и ея цѣль въ фантастическомъ свѣтѣ. У прекрасной души, разумѣется, нравственныхъ и умственныхъ силъ въ запасѣ имѣется ровно на столько, чтобы кой-какъ провести обычную, будничную жизнь съ ея мелкой борьбой, мелкими и обычными страстями, радо-

стями, страданіями. А между тѣмъ прекрасная душа въ грезахъ воображаетъ, что въ ней кипятъ необъятныя силы, что она призвана на великую борьбу и великіе подвиги. Съ кѣмъ и съ чѣмъ нужно ей вести великую борьбу, какого рода подвиги совершать, на какомъ поприщѣ фигурировать — во всемъ этомъ прекрасная душа не даетъ себѣ никакого яснаго отчета и только все порывается, все порывается куда-то туда... туда... гдѣ все это, по ея мечтательному представленію, она найдетъ непремѣнно готовымъ, гдѣ во все это она окунется съ головой. Прекрасная душа, конечно, никакъ не можетъ сообразить, что тотъ, кто призванъ на борьбу и на подвиги, тотъ найдетъ ихъ, какъ говорится, у себя подъ рукою, тому вовсе незачѣмъ стремиться непремѣнно въ невѣдомую даль, гдѣ будто бы спеціально пріуготовлены для нея эти подвиги и эта борьба. Нѣтъ, прекрасная душа именно ищетъ этой невѣдомой дали, обѣтованной земли борьбы и подвиговъ, стремится, рвется къ ней, плачетъ о ней и томится, воображая именно тамъ начать настоящую жизнь съ настоящими людьми, то есть съ «героями», съ «дѣятелями». Для провинціальной прекрасной души подобной обѣтованной землей представляется обыкновенно далекій Петербургъ. Тамъ, въ этомъ Петербургѣ, гдѣ пишутся такія чудесныя популярно-публицистическія статейки «съ идеями», гдѣ процвѣтаютъ «новыя» стремленія и «новые» люди, гдѣ «молодая интеллигенція» яв-

ляется драгоцѣннымъ и таинственнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранится великая тайна преобразованія ненормальнаго и прискорбнаго строя жизни въ строй нормальный и развеселый,—тамъ найдетъ она все, чего желаетъ, тамъ ей откроется секретъ настоящаго вполнѣ человѣческаго существованія, тамъ въ двадцать четыре часа новые люди просвѣтятъ ее насчетъ современныхъ наукъ, обучатъ ее совершенію подвиговъ, укажутъ ей великія цѣли жизни и предупредительно поведутъ ее къ этимъ великимъ цѣлямъ. Полная такого фантастическаго представленія о невскомъ «Сіонѣ», прекрасная душа покидаетъ провинцію, прилетаетъ въ «Сіонъ», начинаетъ метаться туда-сюда, какъ угорѣлая, и вмѣсто своихъ отрадныхъ и блестящихъ фантазій находитъ дѣйствительность столь же мизерную, сколько холодную и сухую. Прогрессивный «Сіонъ», блестящій Петербургъ... Можетъ быть нѣтъ города въ цѣломъ мірѣ болѣе пошлаго и холоднаго, болѣе сухого и черстваго, болѣе способнаго убивать всякія радужныя иллюзіи. И небо, природа и люди въ Петербургѣ отличаются скудостью свѣта и тепла, тоскливо-угнетающимъ видомъ. На всѣхъ общественныхъ сферахъ невскаго «Сіона», не исключая даже и сферы «молодой интеллигенціи», лежитъ мрачная печать приниженности, подавленности нравственнаго чувства во имя чисто практическихъ мотивовъ, страшной узости формализма всякаго рода—будетъ ли то формализмъ чиновничій, научный,

литературный, революціонный. Одна борьба, но вовсе не идеальная, не мечтательная, не возвышающая душу, а напротивъ, борьба самая реальная, самая убійственная царитъ въ этомъ громадномъ «Сіонѣ», — борьба за будничное существованіе, борьба карьеры, мелкихъ честолюбій и самолюбій. Этой печальной и часто возмутительной борьбой поглощается почти вся жизнь борящихся группъ и личностей и за невозможностью отдыха отъ нея—ибо отдыхъ можетъ стать гибелью—тутъ нѣтъ ни времени, ни мѣста болѣе широкимъ и идеальнымъ стремленіямъ и усиліямъ. Понятное дѣло, какое впечатлѣніе на прекрасную душу долженъ произвести невскій «Сіонъ» со всѣми его прелестями, когда она маломальски приглядится къ нимъ поближе: впечатлѣніе это будетъ въ родѣ того, какъ если бы прекрасную душу окунули въ январѣ въ прорубь. Иная прекрасная душа, быть можетъ, вынесетъ эту освѣжающую ванну и можетъ быть даже укрѣпится отъ этого духомъ и разомъ закалится уже не для фантастической, а [illegible] настоящей жизни и дѣятельности. Но такіе [illegible]учаи въ нѣкоторомъ родѣ чудо, они, конечно, очень рѣдки. Большая часть прекрасныхъ душъ получаетъ отъ этой ванны нѣчто въ родѣ нравственной перемежающейся лихорадки, которая иногда остается на весь вѣкъ, а иногда проходитъ, но проходитъ уже такъ поздно, въ такіе годы, когда существованіе человѣка теряетъ всю прелесть своей свѣ-

жасти и силы... Да, повторю еще разъ: это самая «обыкновенная исторія» нашихъ дней и горько думать, что теперь въ этой «обыкновенной исторіи» фигурируетъ женскихъ личностей пожалуй еще больше, чѣмъ мужскихъ.

IV.

Что касается до тенденціознаго значенія «Идеалистки», то, выясненная окончательно, ея тенденція, по моему, оказывается совершенно фальшивой и отнюдь не вытекающей изъ характера главнаго дѣйствующаго лица повѣсти. Авторъ съ величайшими усиліями и съ фразистою притязательностью стремится поставить свою «Идеалистку» на пьедесталъ положительной героини и, подобно рыночному поэту, выставляетъ ея погибель слѣдствіемъ того, что идеалистку одолѣлъ «лютый прогрессъ» въ образѣ разныхъ современныхъ его представителей изъ среды литераторской и среды «молодой интеллигенціи». Эти представители, къ которымъ бросилась «прекрасная душа», обуреваемая пламенною жаждой прогрессивной дѣятельности и любви — всѣ оказываются мелкими и даже подлыми эгоистами и шарлатанами, жалкими натуришками, способными лишь на мелочныя и пакостныя страстишки и дѣлишки, непонимающими ея пламенныхъ и широкихъ идеалистическихъ порывовъ къ великой судьбѣ и неутолимой романической страсти. Душа

и жизнь героини разбивается отъ угнетающихъ впечатлѣній мелочности и обмана окружающей дѣйствительности, разочарованіе въ которой поселяетъ въ ней роковое сомнѣніе въ прогрессивныхъ идеяхъ, надеждахъ и мечтаніяхъ. Такъ поставленъ авторомъ замыселъ повѣсти и сообразно съ такимъ замысломъ авторъ чрезвычайно усердствуетъ въ разрисовкѣ главнаго дѣйствующаго лица радужными красками, и остальныхъ персонажей красками грязными и мрачными.

Но именно въ этомъ-то, какъ мнѣ кажется, и заключается главная ошибка автора, придающая тенденціи его произведенія сомнительный и лживый характеръ. Дѣло въ томъ, что «Идеалистка» m-lle Ракитина по своей натурѣ вовсе не положительное, не героическое лицо, а напротивъ комическое, хотя при этомъ и глубоко жалкое, такъ какъ комизмъ не всегда возбуждаетъ только одинъ смѣхъ, но иногда и сожалѣніе. Прежде всего, эта идеалистка, не смотря на всѣ ея громкія фразы и книжные вопли, является очень наивною и исполненною глупѣйшаго самомнѣнія о возвышенности своей натуры. Ея коренное несчастіе заключается не въ томъ, что ея натура слишкомъ глубока и честна, слишкомъ человѣчна для поверхностной и испорченной среды, въ которую ее бросили ея идеалистическія стремленія, а въ томъ именно, что она сама слишкомъ поверхностна и эгоистична, что она схватила одни только верхи и фразы прогрессивныхъ идей, а

не ихъ сущность, что она увлекается только фантазіями, ищетъ въ жизни одну красивую, блестящую и трескучую внѣшность и способна увлекаться преимущественно красивою ложью, отворачиваясь отъ скромной и тусклой правды жизни. Она воображаетъ въ своей наивной ограниченности, что прекрасныя институтскія души средняго калибра, подобныя ея душѣ, призваны на великіе исключительные подвиги; она воображаетъ въ своемъ курьезномъ эгоизмѣ, что жизнь обязана фабриковать спеціально для удовлетворенія идеалистическихъ чувствъ и стремленій m-lle Ракитиной необыкновенныхъ героевъ съ необыкновенными страстями и силами. Въ заблужденіи своей наивностью и своимъ курьезнымъ эгоизмомъ, она бросается на всякую пустую мишуру, которая, по ея понятіямъ, можетъ придать красоту и блескъ ея существованію. Она карабкается на героическій пьедесталъ, не разумѣя того, что настоящіе герои именно тѣмъ и отличаются, что сами не сознаютъ своего героизма, ни на какіе пьедесталы не лѣзутъ, никакихъ необъятныхъ наслажденій подвигами или страстями не жаждутъ, никакими фразами и ходульными «красотами» не отличаются, а дѣлаютъ свое дѣло просто, идутъ избраннымъ путемъ скромно, предоставляя устраивать трескъ, блескъ, помпу окружающей толпѣ и не только не увлекаясь этимъ блескомъ и трескомъ, но даже презирая его.

Прекрасныя души, подобныя «Идеалисткѣ» г-жи

Стацевичъ, по свойству своей поверхностной, ограниченной и легкомысленной натуры, никогда не могутъ понять той простой истины, что къ счастію жизни, къ наслажденію страсти и чувства, къ усвоенію знанія, къ служенію «гражданскимъ» идеямъ, къ подвигамъ самоотверженія и человѣчной любви — однимъ словомъ, къ тому, что наполняетъ душу удовлетвореніемъ красоты и добра — ко всему этому ведутъ самые простые, обыкновенные пути. Прекрасныя души думаютъ совершенно наоборотъ: онѣ предполагаютъ, что только необыкновенными путями и можно дойдти до высокихъ цѣлей, настоящаго счастія, настоящихъ наслажденій и т. п. Положимъ, прекрасная душа увлекается жаждой научнаго развитія и жаждой дѣятельности, не только для себя лично, но и на общую пользу. Обыкновенный путь для научнаго развитія — упорный, долгій, постепенный трудъ, начинаемый съ усвоенія школьныхъ учебниковъ. Обыкновенный начальный путь дѣятельности на пользу общую — посильная помощь близкимъ, окружающимъ людямъ, посильное облегченіе близкихъ людей (напримѣръ родныхъ) отъ ихъ трудовъ и пожертвованій для прекрасной души. Но прекраснымъ душамъ, по ихъ поверхностной и мишурной натурѣ, такіе обыкновенные пути кажутся мизерными и ничтожными. Чтобы усвоить себѣ научное развитіе и знаніе, необходимо совершить нѣчто экстренное: нужно бросить семью, нужно летѣть въ

обѣтованный «Сіонъ» всякихъ прогрессивныхъ идей — городъ С.-Петербургъ, нужно фигурировать на женскихъ курсахъ, въ студенческихъ и акушерскихъ кружкахъ и т. д. Только при этихъ условіяхъ, по мнѣнію прекрасныхъ душъ, настоящее, современное научное знаніе и развитіе можетъ быть усвоено и достигнуто сразу, въ полномъ объемѣ, безъ всякаго подготовительнаго труда. Точно также и для дѣятельности на пользу общую необходимо найдти какого-нибудь необыкновеннаго героя, «увлечь его и увлечься самой» и въ сообществѣ съ этимъ героемъ уйдти въ народъ, проповѣдывать современныя идеи и вмѣстѣ съ этимъ наслаждаться пламенною любовью съ героемъ, какъ вознагражденіемъ за великіе подвиги пропаганды. Вообще желаніе метаться изъ стороны въ сторону, отъ одного начатаго дѣла или, точнѣе, бездѣлья, къ другому, искать всюду сочувствія и «очарованія», мѣшать серьезныя занятія съ дурачествами либерализма или романическими отношеніями—вотъ обычная выдающаяся черта и способность прекрасныхъ душъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ стремленіи къ необыкновеннымъ путямъ труда и счастія прекрасныя души достигаютъ въ концѣ-концовъ только одного: цѣлаго ряда жалкихъ и пустыхъ ошибокъ и увлеченій, отзывающихся нервнымъ разстройствомъ всего организма и крайней путаницей и невыдержанностью мысли. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ направленіи прекрасныя

души утрачиваютъ всякій природный инстинктъ въ отличіи жизненной правды отъ жизненной лжи, принимаютъ картонныя чувства и картонныхъ героевъ за настоящія чувства и настоящихъ людей, терзаются и мучаются всякими своими «паденіями» и страданіями и въ результатѣ всего начинаютъ проклинать тѣ свободныя идеи, которыми увлекались, сожалѣть о покинутыхъ обыкновенныхъ путяхъ и даже вопіять по-дѣтски: хочется опять къ мамашѣ, какъ вопіетъ «идеалистка» г-жи Анны Стацевичъ.

Г-жа Анна Стацевичъ, какъ я уже сказалъ, не такъ понимаетъ ту прекрасную душу, которая фигурируетъ въ ея повѣсти въ качествѣ главной героини. По мнѣнію автора, виновата въ несчастіяхъ и страданіяхъ этой души не она сама, не ея поверхностность, не ея куриный умъ и куриная натура, а виноваты пошлая и подлая прогрессивная среда нашей жизни и пошлые и подлые люди этой среды. Среда эта оказывается обманчивой декораціей, кулисой, за которой нѣтъ ничего, кромѣ мизерности, пустоты, мелочности и всякой гадости; люди эти оказываются мизерными и гадкими шарлатанами, драпирующимися въ гуманныя и радикальныя стремленія, безсильными и дрянными фиглярами, корчащими изъ себя сильныхъ людей, героевъ. «Идеалистка» является въ этой средѣ и между этими людьми свѣтлымъ, симпатичнымъ и прекраснымъ явленіемъ; ея страданія и несчастія достойны всякаго сочувствія и

оплакиванія. Вотъ какъ разумѣетъ г-жа Стацевичъ свою героиню и ея мечтанія, томленія, страданія и несчастія, разсказываемыя столь пространно и мѣстами съ столь притязательными поученіями, обличеніями и фразами. Между тѣмъ ей не такъ бы слѣдовало поставить свою героиню и проводить не такую тенденцію: по всей справедливости прекрасную душу подобало бы утѣшить моралью басни:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Подобная постановка дѣла была бы гораздо шире, правильнѣе, резоннѣе и придала бы произведенію г-жи Стацевичъ болѣе правдивое и жизненное содержаніе. Теперь же, при томъ общемъ смыслѣ, какой вложенъ авторомъ въ повѣсть, ея произведеніе является искреннимъ плодомъ ложной и узкой тенденціи, въ ней слышится слишкомъ субъективный, личный отголосокъ. Вы чувствуете, читая «Идеалистку», что ея авторъ не возвышается надъ своей фальшивой героиней, что поверхностныя прекраснодушныя воззрѣнія и стремленія этой героини представляютъ для самого автора призму, сквозь которую онъ разсматриваетъ жизнь и людей. Ясное дѣло, что жизнь и люди, рисуемые при такомъ условіи, не могутъ быть воспроизведеніемъ живой дѣйствительности, не могутъ представляться правильно освѣщенными и выходятъ искаженными образами.

„СУДЪ ПЕЧАТНОЙ ЧЕСТИ".

Неизвѣстно отъ кого въ редакціи газетъ разосланъ курьезный документъ, по всей вѣроятности измышленный «между жаркимъ и бланманже» послѣ приличныхъ возліяній Бахусу. Вотъ этотъ документъ во всей его неприкосновенности:

Проектъ соглашенія по вопросу о предѣлахъ литературной полемики.

1) Литераторы и журналисты, раздѣляющіе не разъ выраженное желаніе разрѣшить практическій вопросъ о предѣлахъ литературной полемики и роняющіе печать личныя столкновенія, избираютъ изъ своей среды совѣтъ литературныхъ посредниковъ.

2) Совѣтъ литературныхъ посредниковъ избирается на одинъ годъ, считая съ , въ количествѣ не менѣе 12 лицъ.

3) Избраніе совѣта производится закрытою баллотировкою или записками, въ собраніи упомянутыхъ въ 1 пунктѣ лицъ.

4) По образованіи совѣта, онъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и секретаря и опредѣляетъ время и мѣсто своихъ совѣщаній.

5) Совѣтъ принимаетъ къ обсужденію всѣ случаи, возбужденные литературными и журнальными столкновеніями,

не иначе, впрочемъ, какъ по иниціативѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ.

6) Совѣтъ дѣйствуетъ въ примирительномъ смыслѣ, стараясь привести стороны къ соглашенію, для чего, можетъ уполномочивать изъ своей среды одного изъ двухъ членовъ.

7) Въ случаѣ нужды, и опять таки по требованію заинтересованной стороны, совѣтъ образуетъ судъ чести, въ составѣ трехъ лицъ.

8) Каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ предоставляется избрать въ составъ суда чести по одному члену изъ среды совѣта посредниковъ, причемъ, третій членъ назначается по жребію. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, всѣ три члена суда опредѣляются посредствомъ жребія, производимаго предсѣдателемъ и секретаремъ совѣта, при чемъ имѣютъ право присутствовать заинтересованныя стороны.

9) Рѣшенія суда чести публикуются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда о томъ будетъ заявлена просьба хотя бы одной изъ заинтересованныхъ сторонъ.

10) Всѣ случаи уклоненія отъ суда чести, когда требованіе его заявлено, или отъ исполненія рѣшеній этого суд публикуются обязательно.

11) Отчетъ о дѣятельности совѣта литературныхъ посредниковъ составляется ежегодно и представляется общему собранію, въ которомъ возобновляется составъ совѣта, при чемъ наблюдается общее правило, что имена лицъ, возбуждавшихъ дѣятельность совѣта, не упоминаются. Это же общее собраніе рѣшаетъ: печатать ли отчеты и въ какой формѣ.

12) Изложенныя предположенія приводятся въ исполненіе, не взирая на то, если нѣкоторыя редакціи или лица откажутся отъ участія въ этомъ дѣлѣ.

Я не знаю, кто авторъ этого проекта, но судя, вопервыхъ, по его канцелярскому заголовку, затѣмъ по нѣкоторой безграмотности и въ концѣ концовъ по общему безсмыслію—проектъ этотъ не можетъ принадлежать перу литератора. Въ самомъ дѣлѣ вникните повнимательнѣе въ заглавіе: «Проэктъ соглашенія по вопросу о предѣлахъ литера-

турной полемики»—какъ это пахнетъ чиновничьей осторожностью и чиновничьей манерой. Никакого общаго «вопроса» о предѣлахъ полемики быть не можетъ, ибо «предѣлы» всякой литературной полемики зависятъ, вопервыхъ, отъ ея предмета, вовторыхъ, отъ степени образованія и отъ личнаго характера полемизирующихъ лицъ—т. е. отъ такихъ вещей, насчетъ которыхъ никакіе проекты «соглашеній» немыслимы. Въ проектѣ дѣло просто идетъ объ очень неприличной и каверзной вещи—объ учрежденіи какой-то литературно-полицейской управы благочинія; но канцелярская трусливость автора или авторовъ проекта боится опредѣлить настоящимъ именемъ свою затѣю и пускаетъ въ ходъ какое-то «соглашеніе» о какомъ-то немыслимомъ вопросѣ. Далѣе, первый же пунктъ проекта блещетъ поразительно-безграмотной безсмыслицей: «Литераторы и журналисты, раздѣляющіе не разъ выраженное желаніе разрѣшить практическій вопросъ о предѣлахъ литературной полемики и роняющіе печать личныя столкновенія; избираютъ» и т. д. Кто разберетъ что значитъ эта фраза? литераторы ли и журналисты «роняющіе печать» избираютъ совѣтъ или «личныя столкновенія» избираютъ? Просто какая-то невѣроятно-канцелярская чепуха, сама себя не понимающая съ первыхъ же строкъ! Да и въ прочихъ пунктахъ «проекта» грамотность тоже сильно хромаетъ. «Совѣтъ литературныхъ посредниковъ избирается въ количествѣ» —

развѣ этакъ можно выражаться? «Всѣ три члена суда опредѣляются посредствомъ жребія, производимаго предсѣдателемъ и секретаремъ совѣта». Предсѣдатель и секретарь, производящіе жребій—тоже очень мило. «Рѣшенія суда чести публикуются въ отдѣльныхъ случаяхъ». Публиковаться рѣшенія суда по отдѣльнымъ случаямъ могутъ въ газетахъ и журналахъ, а въ случаяхъ публиковать рѣшенія нельзя. «Изложенныя предположенія приводятся въ исполненіе, не взирая»—это хоть не безграмотно, но ужь совсѣмъ по-канцелярски. Однимъ словомъ, всѣ указанныя прелести проекта, равно какъ и общій его тонъ, наводятъ сильное сомнѣніе въ томъ, что «проектъ» писанъ настоящимъ литераторомъ. По всей вѣроятности, это работа какого-нибудь канцеляриста, претендующаго на писательство.

Внѣшней безграмотности и даже безсмыслицѣ проекта соотвѣтствуетъ его внутренняя «хитрая механика» совѣта изъ 12-ти «литературныхъ посредниковъ, образующихъ судъ чести». Я, конечно, не имѣю ни малѣйшей охоты разбирать эту механику, да и нечего разбирать въ ней: кромѣ указанныхъ безграмотствъ, интереснаго въ ней ничего нѣтъ. Но я позволю себѣ по поводу перваго пункта «проекта» сдѣлать вопросъ: когда и гдѣ «не разъ» выражалось литераторами и журналистами желаніе «разрѣшить практическій вопросъ о предѣлахъ литературной полемики?» Сколько я знаю, такой безсмысленный «вопросъ» воз-

буждался всего только однимъ литераторомъ и одинъ разъ — именно г. Боборыкинымъ. Возбудилъ этотъ вопросъ почтенный романистъ, помнится, на литераторскихъ обѣденныхъ собраніяхъ, бывшихъ въ клубѣ художниковъ. Возбудилъ онъ его, если не ошибаюсь, вслѣдъ за появленіемъ рѣзкихъ журнальныхъ рецензій на одинъ изъ его тогдашнихъ плохихъ романовъ. Нелѣпый «вопросъ» былъ, очевидно, мертворожденнымъ плодомъ мелкаго раздраженія, мелкаго самолюбія и таковымъ и остался въ то время. Въ «преніяхъ» по поводу мертворожденнаго плода высказывались разными литераторами разныя сожалѣнія о томъ, что и въ нашей журналистикѣ, какъ и въ иностранныхъ, господствуетъ нѣкоторая грубость; высказывались благія желанія о естественномъ смягченіи ея и даже совершенномъ исчезновеніи; но въ то же время высказывались еще бо̀льшія нежеланія какихъ-либо внѣшнихъ насильственныхъ «мѣропріятій» противъ печальнаго явленія, обусловливающагося общимъ состояніемъ публики и литературы, высказывалась мысль о безполезности и нелѣпости такихъ мѣропріятій. Дѣло на томъ и покончилось и мертворожденный плодъ г. Боборыкина, къ общему удовольствію, былъ схороненъ и забытъ. И вдругъ теперь, у мертворожденнаго, погребеннаго и даже поросшаго «травой забвенья» боборыкинскаго плода нашлись два воспріемника—гг. Гайдебуровъ и Григорій Градовскій: они вырыли этотъ плодъ,

спрыснули его живой водой своего застольнаг окраснорѣчія, завернули въ канцелярско-безграмотныя пеленки «проекта» и на одномъ обѣдѣ преподнесли съ нѣкоторой помпой гг. литераторамъ, на-те, молъ, господа, полюбуйтесь на уродца и понюхайте, какъ онъ хорошо пахнетъ. И господа обѣдающіе литераторы не только не отвернулись отъ этого уродца, но иные изъ нихъ, какъ напримѣръ, стихоточивый г. Оболенскій, даже принялись лобызать его. Нашлись однако между трапезовавшими гг. литераторами двое такихъ, которыхъ сразу ошибъ отвратительный видъ и запахъ мертворожденнаго уродца: это были гг. С. Максимовъ и Таганцевъ. Послѣдній, какъ юристъ, прочиталъ лекцію господамъ литераторамъ о глупости, неприличности и вредѣ какихъ бы то ни было полицейскихъ поползновеній въ журналистикѣ, и господа литераторы, изъ-за мертворожденнаго уродца, должны были выслушать назиданія профессора. Они выслушали и поморщились... Не знаемъ отчего поморщились: отъ стыда-ли за свое невѣжество по самымъ обыкновеннымъ вопросамъ свободы и независимости журналистики, или отъ стыда за свои чиновничьи инстинкты, влекущіе ихъ къ сочувствію всякимъ полицейскимъ стѣсненіямъ литературы, изобрѣтаемымъ «униженными и оскорбленными» посредственностями и канцелярскими писаками съ «подмоченной» литературной репутаціей. Какъ бы тамъ ни было, но господамъ литераторамъ, трапезовавшимъ за тѣмъ столомъ, на

которомъ гг. Гайдебуровъ и Градовскій обязательно поставили сгнившій боборыкинскій плодъ, и принявшимъ этотъ плодъ за ананасъ—дѣйствительно должно было быть нѣсколько стыдно. Да и за нихъ, за гг. литераторовъ, право, тоже стыдно. Оказывается, что имъ нужны школьныя лекціи о школьныхъ вопросахъ. Мало того: оказывается, что иные изъ нихъ неспособны понять даже и такую лекцію...

Безграмотный «проектъ» не излагаетъ основныхъ мотивовъ, которые его вызвали. Мотивы эти были высказываемы въ затрапезныхъ преніяхъ гг. литераторовъ, на упомянутомъ литературномъ обѣдѣ. Главный мотивъ, главная причина, отъ которой весь сыръ боръ загорѣлся—непристойности и грубости малой прессы. Я меньше всего имѣю охоты защищать малую прессу съ этой стороны: наравнѣ съ другими литературными собратами, я подвергаюсь всѣмъ ея грубымъ и непристойнымъ выходкамъ. Но если бы даже малая пресса въ десять разъ была непристойнѣе и грубѣе, чѣмъ теперь, я бы и тогда считалъ постыдными и вредными всякія полицейскія «мѣропріятія» противъ ея разнузданности, исходящія изъ среды самой журналистики. Какъ ни непріятны для каждаго порядочнаго литератора ругательства и выходки органовъ малой прессы, но единственно, что можно рекомендовать имъ въ отпоръ — это презрѣніе. Какая бы гнусная клевета ни расточалась на вашу личность или на ваши литературные труды—эта

клевета можетъ повредить вамъ лишь въ глазахъ невѣжественныхъ людей, литературныхъ забулдыгъ и мелкихъ литературныхъ сплетниковъ, придающихъ серьезное значеніе всякой глупой клеветѣ. Тотъ кто самъ способенъ въ душѣ давать такое же значеніе клеветѣ, тотъ, кому нужно для обороны отъ нея какіе-то двѣнадцать литературныхъ посредниковъ или будочниковъ, засѣдающихъ въ какихъ-то нелѣпыхъ судахъ печатной чести—тотъ признаетъ, значитъ, силу клеветы, тотъ заставляетъ подозрѣвать, что грубая клевета на него имѣетъ нѣкоторое основаніе. По моему мнѣнію, порядочнымъ литераторамъ и журналистамъ, въ видахъ абсолютнаго уваженія свободы печати въ принципѣ, не подобаетъ преслѣдовать клевету на нихъ малой прессы даже въ обыкновенныхъ судахъ, не только основывать для нея свои спеціальные суды: если у васъ не хватаетъ твердости отвѣтить на клевету презрительнымъ молчаніемъ, достаточно простого печатнаго опроверженія ея лживости. Клевета малой прессы живетъ не дольше того дня, въ который она появляется. Что же касается до грубой и безобразной брани малой прессы, то... Позвольте спросить, неужели нужны двѣнадцать литературныхъ посредниковъ суда чести для осужденія пьянаго субъекта, выбранившаго меня въ то время, когда я прошелъ мимо кабака, гдѣ онъ пьянствуетъ, и для исцѣленія моей пострадавшей отъ этой брани чести?

Можно взглянуть на этотъ вопросъ съ другой

точки зрѣнія—не со стороны личной обиды клеветою и бранью, а съ общей стороны исправленія дурныхъ привычекъ и грубости малой прессы. Но развѣ суды литературной чести и публикаціи ихъ рѣшеній могутъ повліять исправляющимъ образомъ на эту прессу? Развѣ она будетъ обращать вниманіе на ту «мораль», которая будетъ исходить отъ какого бы то ни было литературнаго совѣта двѣнадцати? Разумѣется, не будетъ. Напротивъ: эта «мораль» только еще больше усилитъ ея грубость, еще больше дастъ ей матеріаловъ для разныхъ скандальныхъ выходокъ и глумленій. Если бы кары совѣта были практически-полицейскія—чего, вѣроятно, не желаютъ даже такіе усердные городовые печати, какъ гг. Градовскіе и Боборыкины—то и тогда дѣло бы только ухудшилось, ибо вызвало бы понятное озлобленіе; а ужь о платонически-полицейскихъ карахъ и говорить нечего: будучи капитальною глупостью, онѣ дадутъ для малой прессы бездну поводовъ грубо тѣшиться этою глупостью. Стало быть, какъ ни оборачивай главный мотивъ возникновенія литературнаго суда чести, т. е. грубость и разнузданность малой прессы относительно литераторовъ, — мотивъ этотъ, все-таки, оказывается въ сущности вздорнымъ и отнюдь не оправдывающимъ пустую канцелярскую затѣю.

Униженныя и оскорбленныя литературныя посредственности, второстепенности и третьестепенности, въ родѣ гг. Оболенскихъ, Градовскихъ, Боборыкиныхъ, дѣлаютъ эту ссылку на безобразія

малой прессы не совсѣмъ искренно: имъ собственно желательно не малую прессу обуздать—кто на ея безобразія обращаетъ вниманіе?—у нихъ другой умыселъ: имъ хочется парализовать вообще свободу критики и полемики по отношенію къ продуктамъ ихъ худосочнаго творчества, ихъ недомыслія и ихъ фальшиваго либерализма. Вотъ что преимущественно затрогиваетъ и возмущаетъ ихъ—эта свобода; вотъ для огражденія отъ нея они такъ сочувственно относятся къ организаціи судовъ печатной чести и совѣтовъ двѣнадцати литературныхъ будочниковъ. Посредственности всегда и вездѣ жаловались и жалуются на рѣзкость критики и полемики, на то, что такой рѣзкостью убиваются будто-бы таланты, ослабляется ихъ дѣятельность и т. д. У насъ эта обычная пѣсня посредственностей особенно глупа и скучна потому, что она обыкновенно сопровождается такимъ припѣвомъ: «посмотрите на другія литературы—тамъ никогда не встрѣтите такихъ грубыхъ и рѣзкихъ полемическихъ выходокъ, какія дѣлаются у насъ, тамъ никогда не встрѣтите такого ужаснаго глумленія». Припѣвъ этотъ столь же баналенъ, сколько несправедливъ. Въ литературахъ, болѣе свободныхъ и независимыхъ, чѣмъ наша, господствуетъ и полемика болѣе рѣзкая и даже болѣе грубая. Пусть посредственности, жалующіяся на рѣзкость нашей критики и полемики, потрудятся намъ указать иностранные образцы полемической нѣжности: мы будемъ ждать этихъ указаній. Покуда же не-

угодно ли имъ нѣсколько примѣровъ такой рѣзкости и грубости, какая у насъ немыслима—примѣровъ, исходящихъ отъ корифеевъ западныхъ литературъ, даже отъ всемірныхъ геніевъ. Помнятъ ли, напримѣръ, посредственности памфлеты Гейне на графа Платена и Менцеля? Нѣмецкій поэтъ выставляетъ перваго просто содомитомъ, а второго прямо зоветъ шпіономъ, говоритъ о Менцелѣ, что онъ уродъ, что у него «каждая щека—калмыкъ» и т. п. Помнятъ ли они поэтическій памфлетъ Байрона: «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели?» Въ этомъ памфлетѣ авторъ безъ церемоніи заявляетъ, что его «тема—дураки», а тема памфлета — сатирическое осмѣяніе чуть не поголовно всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ и критиковъ. Нисколько не стѣсняясь, Байронъ безжалостно «отдѣлываетъ» такихъ крупныхъ поэтовъ, какъ Кольриджъ, Вордсвортъ; а болѣе мелкихъ, напримѣръ, Стота, соотвѣтствующаго нашимъ Оболенскимъ и Алѣевымъ, онъ просто называетъ «болваномъ». Про критиковъ онъ выражается какъ про разбойниковъ или собакъ — «шайка», «свора» и т. д. Въ «Донъ-Жуанѣ» встрѣчаются еще болѣе рѣзкія выходки противъ поэтовъ: Кольриджъ названъ «пьяницей», лекисты оказываются «порядочно дряннымъ народомъ» и проч. Если для нашихъ посредственностей, жалующихся на рѣзкость отечественной критики и полемики, примѣры иностранныхъ поэтовъ не вразумительны, то пусть они заглянутъ въ полемику нѣмецкихъ философовъ въ родѣ Дю-

ринга, Шопенгауэра: кажется ужь философамъ слѣдовало бы сохранять приличіе и спокойствіе; и однако, этимъ господамъ ни почемъ обозвать противника «осломъ» или «подлецомъ». Я не говорю, чтобы приводимые мною примѣры заслуживали похвалы или подражанія; я хочу только сказать, что наша литература, пожалуй, не представитъ такихъ образчиковъ рѣзкости и груботи, какъ упомянутые мною. Стало быть обычная пѣсня о какой-то небывалой, исключительной грубости и рѣзкости нашей литературы — совершеннѣйшій вздоръ: въ литературахъ, болѣе свободныхъ и сильныхъ, чѣмъ наша, и полемическія выходки свободнѣе и необузданнѣе.

Говорятъ, что наша критика и полемика имѣетъ дурную привычку задѣвать личности писателей по поводу ихъ произведеній, что ея нападки постоянно направляются преимущественно въ эту сторону. Это несправедливо или не совсѣмъ справедливо. У насъ дѣйствительно нерѣдко «отдѣлываютъ» личности такого или иного журналиста, публициста или романиста; но отдѣлываютъ только въ томъ случаѣ, если онъ представляетъ собою выраженіе извѣстнаго «теченія» въ сферахъ не литературныхъ, а совсѣмъ иныхъ. Такая «отдѣлка» происходитъ просто отъ того, что личность журналиста замѣняетъ подразумѣваемыя иныя личности, о которыхъ, по условіямъ нашей печати, прямо нельзя говорить. Такъ, въ оны дни «отдѣлывали» Каткова и покойнаго Леонтьева въ ка-

чествѣ столповъ классической системы. Такъ въ разныя времена «отдѣлывали» г. Краевскаго, когда онъ по раaличнымъ соображеніямъ, почти всегда больше хозяйственнаго, чѣмъ идейнаго свойства, надѣвалъ на себя различные плащи различныхъ административныхъ руководителей. И журналистика и публика всегда отлично понимали, что «отдѣлка» журнальныхъ мужей въ такихъ случаяхъ производится не ради ихъ самихъ—будь печать въ иномъ положеніи, этихъ господъ можно было бы совсѣмъ въ сторонѣ оставить — а ради того, что они щеголяютъ въ чужихъ львиныхъ шкурахъ и потому ихъ спинамъ достаются тяжелые удары, предназначаемые по адресу ихъ покровителей... Бываютъ еще случаи терзанія критикою «личностей» романистовъ и даже лицъ имъ близкихъ. Но это случается уже не по винѣ критиковъ, а по винѣ самихъ романистовъ: это бываетъ тогда, когда современные романисты, подъ видомъ героевъ своихъ произведеній, описываютъ самихъ себя, своихъ супругъ, тетокъ и такъ далѣе. Критика, глумясь надъ этими героями, осуждая ихъ, безсознательно для самой себя оказывается глумящейся не надъ образами фантазіи, а надъ живыми людьми. Но, повторяю: кто же въ этомъ виноватъ? Вольно же современнымъ романистамъ описывать въ своихъ произведеніяхъ себя, свои квартиры, своихъ родственниковъ, знакомыхъ и т. д. Разъ посягнувъ на такое дѣло, они не имѣютъ, кажется, никакого права обижаться на критику,

приписывать ей намѣренія оскорблять лично авторовъ. Да, вотъ подите же: не имѣютъ права авторы обижаться въ такихъ случаяхъ, а вѣдь какъ обижаются! До пѣны у рта, до полицейскихъ поползновеній стѣснить изобличенія критики посредствомъ мѣропріятій, въ родѣ учрежденія совѣта двѣнадцати литературныхъ будочниковъ...

Сочинители глупой затѣи «суда печатной чести» приводятъ еще одинъ мотивъ въ доказательство его необходимости. Они говорятъ, что у насъ литературная полемика переходитъ въ вызовы на дуэль. Затрапезные ораторы ссылались на два такихъ случая: на дуэль г. Утина съ покойнымъ Жоховымъ и на вызовъ г. Полевого, сдѣланный когда-то мнѣ. Случай дуэли г. Утина и Жохова совсѣмъ къ дѣлу не идетъ. Какъ одинъ изъ секундантовъ г. Утина и какъ одно изъ двухъ лицъ, въ присутствіи которыхъ происходило объясненіе г. Утина съ Жоховымъ передъ вызовомъ*), я знаю очень близко настоящій мотивъ этой дуэли: мотивъ этотъ совсѣмъ не литературный. Что касается до вызова г. Полевого, то этотъ несчастный вызовъ тоже негоденъ въ доказательство необходимости суда литературной чести изъ двѣнадцати литературныхъ будочниковъ. Развѣ г. Полевой, которому показалось, что я оскорбилъ его

*) Другимъ лицомъ былъ К. К. Арсеньевъ, который можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ. Наконецъ, я сошлюсь еще на Э. К. Ватсона, бывшаго секундантомъ у Жохова. Ему также хорошо извѣстна причина дуэли.

«честь» «двумя куплетами» сатирическаго характера, не имѣлъ другого способа для реабилитаціи своей оскорбленной чести, кромѣ поединка, предложеннаго имъ мнѣ и непринятаго мною? Безъ сомнѣнія, имѣлъ: я рекомендовалъ ему обратиться къ третейскому суду, соглашаясь подчиниться вполнѣ рѣшенію этого суда, какое бы оно ни было—хотя бы даже, такъ сказать, санкціонированная этимъ судомъ дуэль съ г. Полевымъ. Но г. Полевой третейскаго суда не захотѣлъ—почему, это его дѣло, а не мое—и желалъ только одного: сражаться изъ-за «двухъ куплетовъ». При такомъ исключительномъ желаніи г. Полевого ни ему, ни мнѣ не помогъ бы судъ печатной чести и совѣтъ двѣнадцати литературныхъ будочниковъ, еслибы они существовали во время оно, ибо г. Полевой не захотѣлъ бы къ нимъ, вѣроятно, обратиться, а я и подавно. Г. Полевой не захотѣлъ бы обратиться къ нимъ потому, что при серьезной жаждѣ сраженія и моей крови (если онъ дѣйствительно имѣлъ таковую), эта жажда оказалась бы пустымъ фарсомъ отъ малѣйшей ссылки на помощь двѣнадцати будочниковъ для ея фактическаго осуществленія. Я же не обратился бы къ двѣнадцати будочникамъ потому, что слава Богу всегда могу найти для третейскаго посредничества двухъ или трехъ лицъ, которыя мнѣ хорошо извѣстны и которымъ я хорошо извѣстенъ: къ чему же мнѣ неизвѣстные будочники, зачѣмъ я къ нимъ буду обращаться? Вотъ въ какомъ видѣ является слу-

чай столкновенія между г. Полевымъ и мной, и я не постигаю ради чего затрапезные ораторы ссылались на этотъ случай. Къ тому же случаи, подобные помянутому столкновенію, у насъ такъ рѣдки, что исключительно для нихъ не стоитъ затѣвать не только учрежденія совѣта двѣнадцати литературныхъ будочниковъ, но и говорить объ этихъ случаяхъ просто не стоитъ. И я глубоко сожалѣю, что господа застольные ораторы, своимъ неумѣстнымъ, къ дѣлу не идущимъ и ничего недоказывающимъ приплетеніемъ этого случая къ нелѣпой затѣѣ «суда печатной чести», заставили меня здѣсь сказать нѣсколько словъ о моемъ личномъ, частномъ, а не писательскомъ дѣлѣ; я не имѣю обыкновенія бесѣдовать печатно о своихъ личныхъ дѣлахъ и предоставляю моимъ собратамъ сплетничать и толковать сколько угодно и что угодно по поводу такихъ дѣлъ, какъ я и поступилъ при столкновеніи съ г-мъ Полевымъ.

Мнѣ могутъ сказать: однако, отчего же вы такъ вооружаетесь противъ «суда печатной чести»? Какой вредъ вы предвидите отъ этого мирнаго литературнаго присутственнаго мѣста, если оно въ самомъ дѣлѣ возникнетъ? Я вооружаюсь отъ того противъ идеи подобнаго суда, что она, какъ мы видѣли, возникла изъ самыхъ жалкихъ и мелкихъ побужденій, что она носитъ въ себѣ скверный зародышъ: поползновеніе стѣснить независимость литературы посредствомъ канцелярскихъ каверзъ, затѣваемыхъ въ ея собственныхъ нѣдрахъ; что

она, наконецъ, просто представляется глупостью, постыдною для литературной среды. И такъ, уже кажется печать наша находится въ хорошихъ «фуркулахъ», такъ нѣтъ, мало намъ того: прибавимъ еще сами одно лишне стѣсненіе. Отъ глупости простой и то бываютъ во всѣхъ сферахъ результаты глупые; а отъ глупости каверзной и подавно явятся такіе результаты. Какими благовидными поводами ни замаскировываютъ свою канцелярскую затѣю ея авторы, изъ-за благовидной маски все-таки видны уши стихоточивыхъ и прозоблудливыхъ посредственностей, чиновниковъ съ подмоченной репутаціей, желающихъ казаться во что бы то ни стало чистыми либералами-литераторами, и тому подобныхъ господъ. У всѣхъ этихъ господъ въ виду не широкіе интересы свободы литературы, интересы ея развитія, а личные узкіе и жалкіе интересы: они назойливо хлопочутъ объ огражденіи своихъ кропаній отъ назиданій критики, отъ смѣха сатиры, отъ ударовъ памфлета. Стыдно было бы за литературу, если бы въ ней не нашлось протестующихъ голосовъ противъ полицейскихъ и канцелярскихъ поползновеній обладателей этихъ длинныхъ ушей. Впрочемъ, я увѣренъ, что эти голоса раздадутся и въ печати, какъ раздались они во время трапезы, за которой, въ видѣ дессерта, была подана затѣя «суда печатной чести». Я увѣренъ также, что затѣя эта не осуществится и напрасно авторы «проекта» въ послѣднемъ его пунктѣ угрожаютъ

ея непремѣннымъ осуществленіемъ: никто изъ порядочныхъ литераторовъ не пойдетъ въ совѣтъ двѣнадцати литературныхъ будочниковъ, потому что литературное будочничество противнѣе всякаго другого. Дурныя стороны литературы и нравовъ ея представителей должны исправляться не съ помощью будочниковъ, а съ развитіемъ большей свободы, большаго образованія какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Единственно этотъ путь радикаленъ. Всякія канцелярско-исправительныя «мѣропріятія» не только окажутся смѣшными и глупыми паліативами, но паліативами вредными, дискредитирующими литературу въ глазахъ публики.

Конечно, нельзя заранѣе опредѣлить до какихъ глупо-комическихъ фарсовъ, позорящихъ достоинство литературы, можетъ дойдти затѣя «суда печатной чести». Но по нѣкоторымъ, уже заявленнымъ, намекамъ родителей этой идеи можно предвидѣть, что фарсы будутъ достойны сумасшедшаго дома. Одинъ изъ такихъ намековъ, былъ, напримѣръ, пущенъ г. Боборыкинымъ въ «Русск. Вѣдомостяхъ»: почтенный романистъ предполагаетъ, что судъ двѣнадцати литературныхъ будочниковъ можетъ «виновныхъ» литераторовъ «исключать изъ своей среды и запрещать всѣмъ журналамъ и газетамъ печатать ихъ или совсѣмъ, или на долгое время». Представьте себѣ, читатель, эту дикую нелѣпость осуществленною на дѣлѣ: сколько смѣху она возбудитъ? Отставлять литератора отъ литературы на время, или навсегда—точно лите-

ратура какая-то канцелярская служба; запрещать газетамъ и журналамъ печатать произведенія, и можетъ быть даже присуждать ихъ къ сожженію рукой палача... Ну, не возмутительное ли это шутовство, не сумасшедшая ли это галюцинація посредственностей, не знающихъ какъ и чѣмъ укротить бичъ критики и сатиры, больно хлещущій ихъ каждый разъ, какъ только они вздумаютъ заявить въ глазахъ публики непомѣрныя претензіи. Подумалъ ли г. Боборыкинъ о себѣ самомъ, какъ литераторѣ, прежде чѣмъ онъ рѣшился печатно заявлять необходимость отставокъ отъ литературы и запрещеній печатанія литературныхъ произведеній? Вѣдь уже однимъ такимъ заявленіемъ, безъ помощи всякихъ литературныхъ судовъ чести, онъ самъ себя «исключаетъ» изъ литературы, и «опредѣляетъ» въ психіатрическое заведеніе—«на время» или навсегда—не знаю. Вѣдь уже одно такое заявленіе способно заставить редакторовъ газетъ и журналовъ призадуматься о томъ: удобно ли печатать статьи такого литератора, который дошелъ до подобныхъ нелѣпыхъ галюцинацій? По слухамъ, редакторы петербургскихъ журналовъ уже и призадумались на этотъ счетъ. Подождите, г. Боборыкинъ, еще немножко, огласите еще двѣ-три нелѣпости въ такомъ же вкусѣ—призадумаются и московскіе редакторы.

„ПРОТОКОЛЬНЫЯ" УВЛЕЧЕНІЯ.

Эмиль Зола въ своихъ «Парижскихъ письмахъ» бесѣдуетъ о «Новыхъ успѣхахъ драмы во Франціи». Извѣстно, что Э. Зола ужасный реалистъ, или по крайней мѣрѣ самъ онъ считаетъ себя ужаснымъ реалистомъ. Въ качествѣ реалиста онъ очень понравился нашей публикѣ и кромѣ того, ужь не знаю въ какомъ качествѣ, онъ сдѣлался чуть ли не критическимъ оракуломъ въ глазахъ почтенной редакціи «Вѣстника Европы». Романы Зола дѣйствительно вполнѣ достойны хорошей репутаціи, которую они заслужили у насъ гораздо въ бо̀льшей степени, чѣмъ во Франціи. Но что касается критическихъ воззрѣній даровитаго романиста, то къ нимъ надобно относиться крайне осторожно и меньше всего слѣдуетъ считать Зола оракуломъ въ критической области. При всемъ своемъ похвальномъ стремленіи поставить искусство на настоящую реальную почву, авторъ «Ругоновъ» высказываетъ не рѣдко критическія сужденія, отличающіяся не только узкимъ и односто-

роннимъ доктринерствомъ, но даже просто курьезностью. Его безусловное обожаніе и превознесеніе выше небесъ Бальзака и братьевъ Гонкуровъ въ такой же мѣрѣ странно, какъ странны нѣкоторыя его осужденія В. Гюго и Жоржъ Зандъ. Его требованіе, чтобы художественныя произведенія были не болѣе, какъ только точными «протоколами» дѣйствительности, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что онъ составилъ себѣ фальшивую теоретическую формулу реализма, которой самъ же первый не слѣдуетъ въ своихъ романахъ, такъ какъ лучшіе изъ нихъ («Карьера Ругоновъ», «Собачья свора», «Парижское брюхо», «Бойня») вовсе не формальные протоколы, а осмысленныя возсозданія жизни. Его убѣжденіе, что современные художники должны работать какъ ремесленники, совершенно разсудочно, при отсутствіи такъ называемаго вдохновенія, то есть эстетически-напряженнаго состоянія душевной дѣятельности—это убѣжденіе относится къ числу такихъ же натянутыхъ и пустыхъ курьезовъ, какъ увѣреніе въ томъ, что художникамъ необходимо состоять непремѣнно въ законномъ бракѣ, что брачная жизнь представляетъ одно изъ условій правильнаго «протокольнаго» творчества и т. п.

Къ числу подобныхъ же смѣшныхъ курьезовъ необходимо присоединить нижеслѣдующее мнѣніе Зола, высказываемое въ одномъ его письмѣ о французской драматургіи. Наблюдая во всемъ торжество любезнаго его сердцу натурализма, Зола

замѣчаетъ это торжество и на французской сценѣ. Какъ на одинъ изъ фактовъ такого торжества онъ указываетъ, между прочимъ, на успѣхъ пьесы Эркмана-Шатріана «l'Ami Fritz». Пьеса эта знакома и петербургской публикѣ: она была дана на Михайловскомъ театрѣ и никакого впечатлѣнія не сдѣлала. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ этой, впрочемъ, далеко не важной комедіи, такъ какъ дѣло собственно не въ ней самой, а въ томъ, какіе признаки самоновѣйшаго реализма прозрѣлъ въ ней французскій критикъ. Можете представить, что одними изъ главнѣйшихъ признаковъ Зола считаетъ слѣдующіе: въ пьесѣ, вопервыхъ, отсутствуетъ интрига, вовторыхъ, въ ней обѣдаютъ на сценѣ и вообще много ѣдятъ! Ахъ, еслибы только эти два условія составляли признакъ настоящихъ реальныхъ драматическихъ произведеній: какое множество издѣлій александринскихъ закройщиковъ можно было бы причислить тогда къ перламъ наисовременнѣйшей драматургіи. Дѣтскій восторгъ Зола по поводу обѣда въ пьесѣ усиливается еще болѣе отъ того, что на представленіяхъ «L'Ami Fritz'a» въ Comédie française обѣдъ подавался настоящій, а не изъ картонныхъ кушаній. «Главный упрекъ, который дѣлали авторамъ—говоритъ критикъ—заключается въ томъ, что въ ихъ пьесѣ слишкомъ много ѣдятъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ ней ѣли въ продолженіи всѣхъ трехъ дѣйствій. Развѣ ѣда не литературна во Франціи? Гаргантуа

въ духѣ нашего народа. Нѣкоторыя изъ нашихъ провинцій, Туррень, Эльзасъ, славятся обжорами. Легенды показываютъ намъ нашихъ отцевъ за столомъ, пирующихъ во всю жизнь. И неужели же намъ не дозволено представить этого эпическаго зрѣлища на сценѣ, на основаніи какихъ-то чахоточныхъ, жеманныхъ соображеній». Видите, какое усердіе у нашего критика къ самому настоящему, къ самому простѣйшему реализму: для полнаго торжества своего излюбленнаго бога онъ, Зола, готовъ сцену обратить въ трактиръ, гдѣ бы занимались питьемъ и ѣдой. Ѣсть и пить—вполнѣ естественно человѣку, безъ ѣды и питья онъ не можетъ обойдтись; сцена должна сбросить съ себя все условное и преслѣдовать только одно натуральное; ergo: да здравствуютъ на сценѣ обѣды, завтраки, ужины. Но вотъ, однако же, въ чемъ бѣда: это реальное требованіе, рекомендуемое какъ протестъ противъ различныхъ условныхъ пріемовъ прежней драматургіи, въ свою очередь должно съ одной стороны поставить новыя, стѣснительныя условія, а съ другой можетъ оказаться невыполнимымъ. Такъ какъ реализмъ долженъ быть строго естественнымъ и послѣдовательнымъ, то необходимо будетъ подчинить дѣйствіе обычному порядку принятія пищи, то есть непремѣнно первый актъ завязывать во время завтрака, послѣдующіе во время обѣда, а послѣдній во время ужина. Такимъ образомъ само собою установится на мѣсто брошенныхъ классическихъ трехъ единствъ новое

единство — единство ѣды. Иначе быть не можетъ. Вѣдь послѣдовательный реализмъ предполагаетъ, что актеры должны ѣсть на сценѣ настоящія кушанья; какимъ же образомъ они будутъ это дѣлать, если имъ придется завтракать прежде ужина, или обѣдать прежде завтрака: это и неестественно окажется, да къ тому же и для желудка невыносимо.

Впрочемъ, и съ установленіемъ «единства ѣды» актерскіе желудки должны будутъ портиться самымъ безжалостнымъ образомъ, ибо какой желудокъ способенъ безнаказанно перенести въ продолженіи трехъ-четырехъ часовъ представленія принятіе черезъ каждые полчаса, или три четверти часа обѣдовъ, ужиновъ, завтраковъ? Если даже допустить, что актеры нарочно будутъ приходить на сцену совсѣмъ голодными, такъ и то окажется затруднительнымъ приносить столь обильныя гастрономическія жертвы въ пользу реализма. А что будетъ, коли они по обыкновенію явятся передъ публикою пообѣдавшими: тогда вѣдь ужь совсѣмъ ихъ на пытку обрекаетъ безжалостный реализмъ критика. Кромѣ того приходитъ въ голову и еще одно соображеніе: ну какъ вдругъ, все во имя той же естественности, иные изъ лицедѣевъ упьются на сценѣ настоящими винами до потери сознанія: что приключится тогда съ пьесой? Пожалуй иная пьеса такъ и не будетъ оканчиваться, особенно если она состоитъ изъ пяти актовъ и въ ней для торжества истиннаго натура-

лизма авторъ кормитъ и поитъ дѣйствующихъ лицъ пять разъ.

Я, разумѣется, шучу, читатель; но Зола вовсе не шутитъ и пресерьезно утверждаетъ, что по требованіямъ его протокольнаго и такъ сказать естественно-отправительнаго искуства необходимо создать новыя условія для драматургіи. Онъ самъ не замѣчаетъ, что ратуя противъ условныхъ стѣсненій сцены, онъ предписываетъ для нея условія еще болѣе курьезныя. Онъ рекомендуетъ замѣнить діалоги о чувствахъ діалогами о кушаньяхъ; интересы страстей—кухонными интересами; сценическую иллюзію — точной «настоящей» обстановкой. «Какъ милы эти рябчики, яйца и масло, замѣняющія обычныя разглагольствованія о цвѣтахъ и звѣздахъ!» восклицаетъ онъ, восхищаясь любовной сценой во время завтрака въ пьесѣ «l'Ami Fritz». Онъ приходитъ въ восторгъ отъ настоящаго вишневаго дерева и настоящаго (?) колодца съ настоящей водой. Вообще въ точной и вѣрной дѣйствительности «обстановкѣ» драмы онъ видитъ нѣчто такое, что̀ кажется ему однимъ изъ существеннѣйшихъ ея элементовъ. Это съ одной стороны; съ другой онъ рекомендуетъ подчинить ходъ пьесы естественнымъ условіямъ жизни. «Представьте завтракъ, утро въ деревнѣ, какое нибудь одиночное событіе, которое бы объяснило произвольное дробленіе на акты — и вы получите пьесу, какую мнѣ бы хотѣлось видѣть на театрѣ». По его мнѣнію, большая ошибка

заключается въ томъ мнѣніи, которое утверждаетъ, что театръ «живетъ условною жизнью». А между тѣмъ онъ этому театру желаетъ навязать условія еще болѣе мелкія, чѣмъ тѣ, какимъ онъ подчиненъ, условія вытекающія не изъ дѣйствительныхъ ограниченій сцены, а изъ ложно понимаемой имъ доктрины узкаго натурализма. Онъ видитъ признаки возрожденія французской драматургіи въ томъ, что въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ пьесахъ отодвигаютъ на задній планъ интригу, то есть замыселъ, идею пьесы и замѣняютъ ее картинами, «поражающими насъ на улицѣ, въ салонахъ, у богатыхъ и бѣдныхъ». Ему нравятся такія пьесы, въ которыхъ авторы даютъ на сценѣ «фотографическіе уголки современной жизни», то есть помѣщаютъ дѣйствіе въ обстановкѣ клубнаго вечера, благотворительнаго базара и т. п. Онъ находитъ такой пріемъ «необыкновенно новымъ» и небывалымъ и видитъ въ немъ первые опыты натурализма на французской сценѣ. Богъ знаетъ, почему это ему такъ кажется, Богъ знаетъ почему онъ предполагаетъ, что стремленіе къ фотографической внѣшности въ ущербъ внутренней простотѣ и глубинѣ содержанія представляетъ движеніе впередъ по пути здраваго реализма.

Я потому такъ распространился объ изложенныхъ одностороннихъ и даже курьезныхъ взглядахъ Зола, что у насъ не только господствуетъ въ публикѣ, но даже въ журналистикѣ было заявлено такое мнѣніе, что его критическіе этюды

представляютъ для русскихъ читателей нѣчто очень поучительное и развивающее, особенно въ настоящее время, при скудости критическихъ дарованій на родной почвѣ. Я не буду спорить съ подобнымъ мнѣніемъ, если только господа, его выражающіе, имѣютъ въ виду ту часть нашей читающей публики и нашей журналистики, которая запамятовала окончательно критическіе взгляды Бѣлинскаго (послѣднихъ годовъ его дѣятельности), Добролюбова и другихъ, менѣе крупныхъ послѣдователей. Но для публики и для журналистики, которыя помнятъ эти взгляды, многія сужденія Зола представляются односторонними, узкими, довольно поверхностными доктринами натуралистической и фотографической школы, можетъ быть новой на французской почвѣ, но на русской — уже отжившей свой вѣкъ. Сужденія Зола есть не что иное, какъ протестъ противъ натянутости, утрировки и рутинной условности искуства, которая въ значительной степени господствуетъ во французскомъ романѣ, повѣсти, драмѣ, комедіи. Протестъ этотъ, какъ всякій протестъ, нерѣдко переходитъ черезъ край; отвергая и разрушая чужія несообразности, протестантъ на мѣсто ихъ придумываетъ порой свои, столь же крайнія и столь же мало обдуманныя. Еслибы даровитый французскій романистъ писалъ свои критическіе этюды для французовъ, вѣроятно они могли бы принести извѣстную пользу. Но для насъ всѣ эти разглагольствія о необходимости правды, естественности, реализма—не

представляютъ ничего новаго и поучительнаго; мы ихъ слышали и знаемъ очень хорошо. Что же касается до принципа «протоколизма» въ искуствѣ, то онъ намъ можетъ казаться только забавной обмолвкой и всѣ старанія пропагандировать этотъ мертвый и сухой принципъ на нашей почвѣ останутся тщетными. Конечно, Зола этого не знаетъ. Но редакція «Вѣстника Европы», кажется, должна бы знать и подумать о томъ, представляется ли надобность для русскихъ читателей въ пропагандѣ «протокольной» теоріи искуства. Повторяю: Зола очень интересенъ, какъ романистъ, какъ авторъ маленькихъ беллетристическихъ этюдовъ объ общественной жизни въ современной Франціи, которые онъ даетъ иногда въ своихъ письмахъ. Но какъ критикъ, онъ не особенно важенъ и зачастую, если и не вреденъ, то во всякомъ случаѣ безполезенъ и курьезенъ.

ЛЬСТЕЦЫ МОЛОДОГО ПОКОЛѢНІЯ.

У насъ, какъ это извѣстно всѣмъ и каждому, до сихъ поръ существуетъ особый культъ молодого поколѣнія. Культъ этотъ начался съ шестидесятыхъ годовъ и продолжаетъ существовать вотъ уже почти четверть вѣка. Молодое поколѣніе, по догматамъ этого культа, есть нѣкое божество, которое, какъ всякое божество, имѣетъ своимъ призваніемъ управленіе и спасеніе. Управлять божество россійскаго молодого поколѣнія призвано сначала движеніемъ россійскаго прогресса, а потомъ и прогресса всемірнаго; спасать оно призвано сначала наше обширное отечество, а потомъ и все человѣчество. Какъ божество, оно требуетъ поклоненія и имѣетъ своихъ жрецовъ и правовѣрныхъ поклонниковъ, весьма фанатическихъ и весьма нетерпимыхъ. Какъ божество, оно требуетъ жертвъ, молитвъ, и различныя жертвы и славословія ему дѣйствительно приносятся. Чаще всего этому божеству приносится въ жертву здравый смыслъ, чаще всего передъ нимъ воскуряется фи-

міамъ самой пошлой и самой подлой лести, самаго безсовѣстнаго и легкомысленнаго потворства претензіямъ его на непогрѣшимость. По крайней мѣрѣ въ нашей журналистикѣ нерѣдки подобнаго рода жертвы, подобнаго рода фиміамъ лести и подобнаго рода потворство...

Нѣтъ, говоря безъ аллегоріи и сравненій, когда изъ нашей журналистики выведется духъ рабскаго отношенія къ этимъ двумъ завѣтнымъ словечкамъ: «молодое поколѣніе», когда у насъ перестанутъ носиться съ ними, какъ съ писанной торбой, когда у насъ перестанутъ толковать о томъ, что будто бы литература существуетъ исключительно только для молодого поколѣнія, что отъ молодого поколѣнія исключительно зависитъ движеніе всей русской жизни, что молодое поколѣніе жаждетъ постоянно «новаго слова», что литература обязана во что бы то ни стало аккуратно преподносить ему подобныя новыя слова чуть ли не чрезъ каждое пятилѣтіе, что безъ выдумыванія и преподнесенія такихъ словъ въ формѣ повѣстей, романовъ, критическихъ и публицистическихъ статей существованіе литературы и журналистики немыслимо. Вѣдь, ей Богу, все это до такой степени перемололось, все это до такой степени опошлилось въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, все это до такой степени сдѣлалось шаблоннымъ, что пора бы, наконецъ все это сдать въ архивъ въ качествѣ затхлаго хлама, нанесеннаго въ литературу и журналистику въ пресловутый періодъ нашего «возрожденія»,

когда этотъ хламъ игралъ роль одной изъ блестящихъ декорацій любительскихъ спектаклей тогдашняго вообще театральнаго прогресса. Неужели цѣлой четверти вѣка, прожитой нами среди самыхъ разнообразныхъ и самыхъ поучительныхъ событій и впечатлѣній, неужели многочисленныхъ и серьезныхъ уроковъ, данныхъ этими событіями и впечатлѣніями, недостаточно намъ для того, чтобы выразумѣть комическую мелочность, призрачность и безплодность всѣхъ этихъ, нѣкогда мнимо-важныхъ, новыхъ и свѣжихъ, а теперь уже до нельзя затаскавшихся «вопросовъ молодого поколѣнія», вопросовъ объ антагонизмѣ «дѣтей» и «отцовъ», вопросовъ о необходимости торжества въ жизни, литературѣ и журналистикѣ какихъ-то спеціальныхъ «дѣтскихъ» идей и необходимости погибели идей «отцовскихъ». Неужели изъ всѣхъ націй только мы одни способны ничего не забывать и ничему не научаться, только мы одни способны такъ долго и такъ упорно пережевывать старую жвачку и питаться ею цѣлыя десятилѣтія, не замѣчая, что это гнилая жвачка, а не питательная пища. А еще мы воображаемъ себя самымъ прогрессивнымъ и самымъ свободнымъ отъ рутины народомъ, мы воображаемъ, что въ быстротѣ и ширинѣ нашихъ шаговъ на пути развитія съ нами не сравняется никто, мы воображаемъ, что мы въ непродолжительномъ времени цѣлый міръ обгонимъ и его за собой на буксирѣ, такъ сказать, потянемъ!

Вотъ въ томъ-то и бѣда наша, что мы все

увлекаемся воображеніемъ, что мы не умѣемъ вдумываться и разсуждать, а умѣемъ только мечтать, что мы не умѣемъ ничего дѣлать и не хотимъ ничего дѣлать. Въ нашей склонности къ лѣнивому ничего-недѣланію, въ нашемъ отвращеніи отъ всякой дисциплины послѣдовательнаго мышленія лежитъ главнымъ образомъ причина той безпорядочности умственной и общественной, которую нерѣдко мы принимаемъ за широкое реформаторство, даже за революціонерство. Эта печальная безпорядочность отнюдь не ведетъ насъ по пути поступательнаго движенія, а напротивъ заставляетъ насъ глупо топтаться на одномъ мѣстѣ; заставляетъ насъ безъ толку и съ томительнымъ упорствомъ перемалывать по цѣлымъ годамъ, по цѣлымъ десятилѣтіямъ одно и то же, не замѣчая вокругъ себя дѣйствительныхъ нуждъ и дѣйствительнаго дѣла; заставляетъ пренебрегать ими и вмѣсто удовлетворенія ихъ удовлетворять себя праздными и призрачными вопросами, мнимыми «вѣяніями» и «сѣяніями», будто бы порожденными и порождаемыми прогрессивными требованіями времени. Ахъ, право, большая часть этихъ прогрессивныхъ «вѣяній» и «сѣяній» давнымъ давно потеряла всякій дѣйствительный смыслъ: воображая себя сѣятелями и вѣятелями консерватизма, либерализма, радикализма, новыхъ словъ науки, искусства, политики, мы на дѣлѣ оказываемся только сѣятелями и вѣятелями какой-то по истинѣ фантастической затхлой трухи.

Не затхлая ли труха, въ самомъ дѣлѣ, это обожаніе молодого поколѣнія, требованіе отъ литературы и журналистики поклоненія этому божеству? Не затхлая ли труха эти курьезные возгласы о томъ, что для новаго поколѣнія необходимы новые идеалы и слова и новые возвѣстители этихъ идеаловъ и словъ, что безъ возвѣщенія первыхъ и появленія послѣднихъ наше развитіе неизбѣжно должно остановиться, сѣсть на мель? А вѣдь между тѣмъ эту затхлую труху, какъ я уже упомянулъ, у насъ продолжаютъ сѣять и вѣять Богъ знаетъ сколько времени и, приблизительно, съ каждымъ пятилѣтіемъ это сѣяніе и вѣяніе возобновляется съ новымъ жаромъ. Теперь, кажется, наступилъ именно одинъ изъ такихъ періодовъ усиленнаго возобновленія сѣянія и вѣянія трухи. Въ одномъ мнимо-молодомъ, а въ сущности страдающемъ собачьей старостью, журналѣ мы недавно читали слѣдующее: «Душа русской молодежи въ послѣднее время въ конецъ истосковалась, истомилась и, какъ манны небесной, жаждетъ обобщающаго слова. Идеалы шестидесятыхъ годовъ оказались узкими, идеалы семидесятыхъ годовъ — трудно исполнимыми, и вотъ молодежь, съ горькимъ и тяжелымъ опытомъ двухъ поколѣній на душѣ, въ мучительномъ раздумьи стала на распутьи и ждетъ новаго слова и новыхъ путей. Для молодежи и вмѣстѣ съ тѣмъ для всего нашего развитія насталъ критическій моментъ, имѣющій глубокое значеніе». Ви-

дите, въ конецъ истосковалась душа молодого поколѣнія, назрѣвшаго уже въ третій разъ съ начала нашего возрожденія, подавайте этой душѣ во что бы то ни стало новое слово и новые пути: отъ этого все наше развитіе зависитъ. Отыщутся въ запасѣ у насъ новые пути и новыя слова, найдутся указатели первыхъ и возвѣстители послѣднихъ — и отечество спасено и прогрессъ въ немъ по прежнему, какъ по маслу пойдетъ; не отыщутся указатели и возвѣстители—горе землѣ русской, горе русскому народу: прогрессъ затормозится, станетъ на одномъ мѣстѣ, ни тпру, ни ну, Богъ знаетъ на сколько времени, а то, пожалуй, и навсегда остановится. Вотъ вѣдь какой истинно «критическій» моментъ для молодежи и «для насъ, для всей Руси» насталъ. Господи Боже мой, даже подумать страшно. Ахъ, если бы поскорѣе нашлись новые пути и поскорѣе появились благовѣстители новыхъ словъ! Тутъ вѣдь каждая минута дорога. Съ одной стороны душа теперешней молодежи въ конецъ истосковалась желаніемъ новыхъ экскурсій по неизвѣданнымъ еще ею путямъ, желаніемъ новой болтовни: коли во̀-время укажутъ истосковавшейся душою молодежи новые пути, она полетитъ впередъ быстрѣе лихого рысака; коли во̀-время найдутся рьяные и беззастѣнчивые извергатели подходящей болтовни для теперешней молодежи, она займется этой болтовней съ невѣроятнымъ усердіемъ и оживленіемъ. Съ другой стороны отечество находится въ та-

комъ положеніи, что можетъ или захирѣть, такъ сказать, или расцвѣсти, возродиться; коли вовремя начнется по новымъ путямъ рысачье ристаніе молодежи и непрестанное выбалтываніе новыхъ словъ—расцвѣтетъ; коли не совершится этого благополучнаго явленія—захирѣетъ. Да, повторяю, въ виду такого положенія надо умолять небеса, чтобы они поскорѣе послали намъ указателей путей и благовѣстителей новыхъ словъ. Впрочемъ, отчаяваться не надобно. По пословицѣ: «было бы болото, а черти будутъ», на указаніе новыхъ путей и изверженіе новыхъ словъ всегда найдется у насъ много охотниковъ; занятіе это не трудное, оно не требуетъ ни особенныхъ талантовъ, ни особенныхъ знаній, ни особеннаго ума, ни особенной горячности, честности и искренности убѣжденій. Оно, напротивъ, требуетъ совсѣмъ иныхъ качествъ. Оно требуетъ нѣкотораго близорукаго невѣжества, воображающаго себѣ, что всякая новая глупость, имъ оброненная, есть новая великая истина; что всякая пошлая, затертая и изношенная фраза, сфабрикованная въ мнимо радикальномъ духѣ, есть свѣтлая и свѣжая мысль, способная потрясать восторгомъ молодыя сердца. Оно требуетъ нѣкоторой бурсацкой тупости и ограниченности, проникнутой вѣрою въ свою непогрѣшимость и съ свою необходимость для прогресса человѣчества. Оно требуетъ нѣкотораго моральнаго холопства передъ шумящими безъ толку и апплодирующими безъ всякаго смысла, порой

даже дряннымъ выходкамъ, школьниками. Первая мѣднолобая посредственность, у которой хватитъ безсовѣстности и безчестности на игру въ фразы со школьниками, у которой хватитъ самодовольной ограниченности на покупку помянутыхъ дешевыхъ рукоплесканій школьниковъ цѣною развращенія ихъ грубою лестью, грубымъ превознесеніемъ ихъ величія — первая такая посредственность можетъ сдѣлаться возвѣстителемъ мнимыхъ новыхъ словъ для молодежи, указателемъ мнимыхъ новыхъ путей. Правда, такая мѣднолобая посредственность займетъ постъ возвѣстителя и указателя не на долго и ея популярность не пойдетъ далѣе кружковъ ничего не дѣлающихъ бахваловъ и крикуновъ, которые существуютъ въ средѣ всякой молодежи и которыхъ въ особенности много среди нашей теперешней. Тѣмъ не менѣе, помянутая посредственность все-таки пофигурируетъ на жалкомъ пьедестальчикѣ руководителя и возвѣстителя новаго слова, пофигурируетъ хотя день, хотя часъ, хотя минуточку. Ей, по ея ничтожеству, и этого будетъ довольно: свалившись потомъ съ пьедестальчика въ грязь полнаго ничтожества и катаясь въ этой грязи, она все-таки будетъ утѣшать себя тѣмъ, что и она «увлекала» молодое поколѣніе, и она направляла его, и она участвовала въ спасеніи и возрожденіи отечества и всего человѣчества.

Высказанныя сейчасъ мною предположенія о возможности скоропостижнаго появленія самозван-

ныхъ возвѣстителей «новаго слова» можно подтвердить нѣкоторыми фактическими данными. Уже являются въ нашей журналистикѣ кандидаты на руководителей теперешняго молодого поколѣнія, для котораго идеалы шестидесятыхъ годовъ узки, а семидесятыхъ — трудно исполнимы. И эти кандидаты въ руководители возвѣщаютъ самые широкіе и самые удобоисполнимые идеалы, возвѣщаютъ по просту безъ затѣй, что «новые пути» и «новое слово» давно уже найдены. Эти обрященные идеалы и пути заключаются вотъ въ чемъ: отнынѣ россійская молодежь должна руководиться только сама собою и поклоняться только самой себѣ; ей нечего прислушиваться къ мнѣніямъ литературы, ей пора сбросить «литературтурныя помочи» и, сбросивъ ихъ, приняться самой руководить литературой. Поиски литературныхъ руководителей—это со стороны современной молодежи неуваженіе къ самой себѣ. Для чего ей желать руководителей, которые могутъ освѣтить идеалы и водворить порядокъ въ ея «сбитыхъ понятіяхъ»? Она и со сбитыми, сумбурными понятіями восхитительна и велика, она постоянно шла не только «вмѣстѣ съ обществомъ, а иногда и впереди его»! «Новые пути» оказываются уже существующими: они отысканы самою молодежью. «Развѣ эти пути не извѣстны, не проложены, не указаны? Въ былое время достаточно было для молодежи горячаго искренняго слова, чтобы увлечь молодежь въ какую угодно сторону; для со-

временной молодежи оказываются недостаточными гораздо болѣе дѣйствительныя средства». Это печально и это происходитъ отъ того, что современная молодежь мало себя обожаетъ и уважаетъ. Ей, изволите видѣть, слѣдуетъ дойти въ обожаніи себя и въ самоуваженіи до такого ослѣпленія чтобы грубая и пошлая лесть литературной посредственности въ родѣ г. Протопопова (который возвѣщаетъ все сейчасъ изложенное въ журналѣ «Дѣло»), принималась ею за настоящую истину. Вотъ когда она достигнетъ такого блаженнаго состоянія, что будетъ принимать грубо льстящихъ ей пришлецовъ и пошлецовъ за своихъ пророковъ, когда она одурѣетъ настолько, что забудетъ всякіе идеалы былыхъ литературныхъ руководителей, въ родѣ Бѣлинскаго, Добролюбова,—идеалы, которые они почерпали изъ глубины «творческаго духа»,—когда она замѣнитъ эти литературные идеалы холопско-практическими идеалами г. Протопопова, почерпнутыми изъ мелкой лужи уличнаго легкомыслія,—тогда она какъ разъ попадетъ на «новый путь», уразумѣетъ «новое слово» и совершитъ настоящіе великіе подвиги. И первымъ изъ первыхъ этихъ великихъ подвиговъ, разумѣется, должно быть вознесеніе г. Протопопова на двухъ-вершковый пьедестальчикъ пророка нынѣшняго молодого поколѣнія и популярнаго публициста въ средѣ молодого... невѣжества.

Практическій и реальный г. Протопоповъ, дающій теперешнему молодому поколѣнію такіе доб-

рые совѣты на счетъ освобожденія отъ «литературныхъ помочей», конечно, правъ, съ своей практической точки зрѣнія: онъ избралъ вѣрный путь для стяжанія себѣ популярности въ той средѣ молодежи, вниманія и рукоплесканій которой онъ жаждетъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не разсчиталъ всѣхъ послѣдствій своихъ благихъ совѣтовъ. Можетъ вѣдь, къ ужасу и удивленію г. Протопопова, случиться вотъ какого рода исторія. Сегодня, положимъ, благодаря грубой лести молодому невѣжеству, г. Протопоповъ взберется на свой пьедестальчикъ самаго послѣдняго возвѣстителя «новаго слова». Съ беззастѣнчивымъ апломбомъ онъ начнетъ выкрикивать съ двухъ-вершковой высоты этого пьедестальчика всякій истертый вздоръ о томъ, что молодежь доложна идти впереди общества и литературы, что она соль и свѣтъ русской земли, что она должна поклоняться только самой себѣ, обожать себя и такимъ самопоклоненіемъ и самообожаніемъ работать на пользу русскаго народа и россійскаго прогресса; что никакихъ идеаловъ, выработанныхъ литературою въ прошломъ, ей не нужно, ибо это идеалы литературные, сочиненные, а не вызванные жизнью и т. д., и т. д. Но вотъ вдругъ завтра, рядомъ съ г. Протопоповымъ, явится какой нибудь г. Протопресвитеровъ или г. Протодьяконовъ, который еще болѣе упроститъ пріемъ для стяжанія себѣ популярности среди молодого невѣжества: онъ прямо возвѣститъ кружкамъ этого молодого невѣжества, что не только

не надо руководиться прошлыми литературными идеалами, которые были созданы людьми высокоталантливыми и умными, а слѣдуетъ совсѣмъ упразднить даже и посредственностей, владѣющихъ перомъ хотя въ такой степени, въ какой владѣетъ имъ г. Протопоповъ. Въ видѣ аргумента за необходимость упраздненія этой посредственности г. Протопресвитеровъ предложитъ такую обольстительную идею: для молодого невѣжества полная бездарность и безграмотность еще болѣе будетъ подходяща, ибо она будетъ еще болѣе холопски унижаться предъ молодымъ невѣжествомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобная рѣчь г. Протопресвитерова будетъ принята молодымъ невѣжествомъ съ самымъ горячимъ увлеченіемъ и что г. Протопоповъ будетъ сейчасъ же низверженъ съ двухъ-вершковаго пьедестальчика популярности среди теперешняго молодого поколѣнія, на который онъ желаетъ вскарабкаться цѣною грубой лести и грубаго униженія.

Вѣдь это можетъ случиться, г. Протопоповъ, не правда ли? А коли можетъ, то вамъ бы слѣдовало объ этомъ подумать да и подумать.

КРУЖОКЪ ДОБРАГО СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» появились любопытныя «литературныя воспоминанія» г. П. Анненкова. Почтенный авторъ, который, сказать мимоходомъ, былъ созданъ природою какъ бы спеціально для литературныхъ знакомствъ, для записыванія бесѣдъ литературныхъ свѣтилъ и перебѣлки рукописей ихъ зарождающихся твореній — почтенный авторъ съ свойственнымъ ему благодушіемъ повѣствуетъ въ этихъ воспоминаніяхъ о разныхъ великихъ мужахъ сороковыхъ годовъ, о ихъ бесѣдахъ и мнѣніяхъ, ихъ литературныхъ, философскихъ и интимно-дружескихъ тревогахъ и волненіяхъ, печаляхъ и радостяхъ, уныломъ и пріятномъ препровожденіи времени и т. д. Въ этомъ повѣствованіи встрѣчаются свѣдѣнія отчасти уже извѣстныя изъ другихъ мемуаровъ, напримѣръ, изъ «Былого и думъ» Герцена, изъ недавно изданныхъ воспоминаній г-жи Пассекъ; но на ряду съ такими свѣдѣніями встрѣчается много новаго, интереснаго или по самому «существу дѣла», какъ выражаются юри-

сты, или же по тому взгляду, какой устанавливаетъ г. Анненковъ на описываемые имъ факты и лица, по тому освѣщенію, какое старается сообщить почтенный обожатель литературныхъ знаменитостей разнымъ героямъ и событіямъ, воскрешаемымъ его замѣчательною памятью. Основною чертою отношеній г. Анненкова рѣшительно ко всему и ко всѣмъ, о чемъ и о комъ онъ сообщаетъ, о чемъ и о комъ онъ разсуждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдуетъ, я думаю, признать черту нѣкоторой степенной серьезности. Про что бы ни разсказывалъ почтенный авторъ, что бы ни подвергалъ онъ своему обсужденію, онъ постоянно степененъ и серьезенъ до чопорности. Для него даже разныя литературныя бури въ стаканѣ воды, очевидно, представляются нѣкими важными событіями, достойными самаго серьезнаго отношенія къ нимъ. Для него даже послѣобѣденныя бесѣды литературныхъ знаменитостей добраго стараго времени являются чуть ли не великими фактами нашего общественнаго развитія: въ такомъ солидно-благоговѣйномъ тонѣ повѣствуетъ онъ объ этихъ бурляхъ и бесѣдахъ. Впрочемъ, я не хочу этимъ сказать, что воспоминанія г. Анненкова теряютъ въ интересѣ отъ подобнаго отношенія ихъ автора даже къ мелочамъ: напротивъ, они даже выигрываютъ, пріобрѣтаютъ еще бо́льшую значительность отъ этого. Жизнь вѣдь вообще всегда слагается изъ мелочей, но мелочи трудно подмѣчаются, ускользаютъ обыкно-

венно отъ вниманія и благодаря этому утрачиваютъ свой великій смыслъ. Г. Анненковъ умѣетъ возводить мелочи въ перлъ созданія, придавать имъ глубокій, серьезный смыслъ. Какъ хотите, а это ставитъ его воспоминанія въ ряды замѣчательныхъ статей «въ настоящее время когда...» господствуетъ именно такое стремленіе въ нашей жизни и въ нашей журналистикѣ.

Возьмите, напримѣръ, повѣствованіе г. Анненкова о препровожденіи времени кружкомъ Герцена и Грановскаго лѣтомъ 1845 года въ селѣ Соколовѣ, близъ Москвы. Герценъ и Грановскій переѣхали на дачное житье въ помянутое село и заняли два флигеля, а позади ихъ какой-то маленькій домикъ занялъ г. Кетчеръ. Друзья проводили время очень весело; къ нимъ наѣзжало много знакомыхъ гостить и они устраивали обѣды, пиры и прогулки, разливая шампанское и расточая сокровища своего ума и остроумія въ бесѣдахъ. «Обѣды, повѣствуетъ г. Анненковъ, устраивались на лугу передъ домомъ почти колоссальные» и, замѣчу я отъ себя, устраивались въ виду развалившихся избъ. Въ этихъ избахъ обитали крестьяне помѣщика Д—ва, у котораго «друзья» наняли себѣ дачное помѣщеніе. Помѣщикъ этотъ былъ, очевидно, грубый крѣпостникъ, если судить по слѣдующему характерному анекдоту, сообщаемому о немъ авторомъ воспоминаній: «Въ рѣдкіе свои пріѣзды онъ приказывалъ крестьянамъ и крестьянкамъ свободно гулять по своему саду, проходя вереницами мимо

оконъ большого дома». По увѣренію г. Анненкова, «какъ ни легка была эта барщина, но она возбуждала сильный ропотъ въ людяхъ», чему наемщики (т. е. Герценъ и Грановскій) «были сами свидѣтели не разъ» и чѣмъ они, конечно, какъ развитые либералы, огорчались и возмущались... пируя на лугу въ виду крестьянскихъ избъ и наглядно являя передъ угнетенными мужиками картину настоящаго свободнаго веселья, производимаго чуть не ежедневно не ради невольной барщины, веселья, на которое не только не роптали веселившіеся либералы, но которое, какъ увидимъ далѣе, даже вліяло на ходъ нашего общественнаго развитія, на уразумѣніе настоящихъ отношеній либераловъ къ «народу» и стало быть и на улучшеніе судьбы этого народа. Въ этомъ истинно свободномъ весельѣ, въ этихъ пирахъ и обѣдахъ, славное воспоминаніе о которыхъ сохраняется до нашихъ дней и, безъ сомнѣнія, даже перейдетъ въ вѣка,—въ этихъ пирахъ все было по истинѣ прекрасно, всѣ участвовавшіе въ нихъ являлись если не богами, то героями. Прежде всего посмотрите, какую почетную и полезную роль играли хозяйки пировъ — жена Грановскаго и жена Герцена. «Обѣ онѣ—свидѣтельствуетъ г. Анненковъ — способны были, каждая по своему и съ разными побужденіями, на очень значительныя жертвы и подвиги, если бы то потребовалось». Но такъ какъ «того не требовалось», то обѣ онѣ подвиговъ прямыхъ не совершали, а косвенно только проявили

свое значеніе въ развитіи либерализма. Проявленіе это заключалось въ томъ, что «всегда окруженныя своими московскими пріятельницами, онѣ покамѣстъ служили въ Соколовѣ тѣмъ умѣряющимъ эстетическимъ началомъ, которое сдерживало пиры друзей, гдѣ на шампанское не скупились, въ тонѣ веселой, но далеко не распущенной бесѣды». Видите, читатель, я былъ правъ, говоря, что г. Анненковъ умѣетъ возводить мелочи въ «перлъ созданія» и придавать имъ серьезный, даже высокій смыслъ. Ну кому бы другому пришло въ голову замѣтить и указать такую роль дамъ «способныхъ на очень значительные подвиги» и придать довольно важное значеніе этой роли въ пирахъ? И онъ поступаетъ резонно, возводя эту мелочь на степень подвига, потому что коли вникнуть поглубже въ дѣло, такъ окажется, что супруги обоихъ друзей дѣйствительно въ качествѣ «умѣряющаго начала» приносили громадную пользу хозяевамъ и участникамъ соколовскихъ пировъ. Кто не знаетъ, что большая часть благородныхъ россіянъ вообще и въ частности литературныхъ знаменитостей сороковыхъ годовъ, воспитавшихся въ барско-крѣпостнической обстановкѣ, отличалась ужасной склонностью къ самой первобытной скабрезности въ своихъ бесѣдахъ? Эта характерная черта сохранилась во многихъ анекдотахъ о представителяхъ «замѣчательнаго десятилѣтія», анекдотахъ до сихъ поръ передаваемыхъ младшимъ поколѣніямъ еще живущими людьми сороковыхъ годовъ. Слѣды

склонности къ грубой скабрезности можно найдти также въ перепискѣ тогдашнихъ идеалистовъ: среди отвлеченныхъ-философскихъ разсужденій и пламенныхъ изліяній либеральныхъ и дружескихъ чувствъ, иной идеалистъ нѣтъ, нѣтъ, да, глядишь, и загнетъ что нибудь этакое крѣпкое. Что будешь дѣлать, съ одной стороны воспитаніе, а съ другой должно быть духъ времени такой былъ: въ теоріи требовалось уноситься въ идеальныя сферы, а на практикѣ предаваться различнымъ непотребствамъ, зачастую даже противуестественнымъ. При такомъ направленіи можете себѣ представить, каковы бы были бесѣды «кружка» за обѣдами съ шампанскимъ, если бы присутствіе дамъ ихъ не «умѣряло», не заставляло удерживатьея въ границахъ веселости и остроумія.

Вотъ другая мелочь, возводимая нашимъ авторомъ въ перлъ созданія. Въ одинъ прекрасный день—это былъ именно первый день, когда г. Анненковъ «появился среди персонала Соколова»—все общество собралось на прогулку въ поля, окружавшія помянутое село. Прогулка, сколько можно понять, состоялась «къ послѣобѣденной порѣ», когда мы, по словамъ поэта, любимъ:

Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Въ поляхъ кипѣла усиленная дѣятельность по случаю ранняго жнитва. «Крестьяне и крестьянки — разсказываетъ г. Анненковъ — убирали поля

въ костюмахъ почти примитивныхъ, что и дало поводъ кому-то сдѣлать замѣчаніе, что изъ всѣхъ женщинъ одна русская ни передъ кѣмъ не стыдится, и одна, предъ которой также никто и ни за что (?) не стыдится». Замѣчаніе это, конечно, не особенно умно и не особенно справедливо, но довольно хорошо характеризуетъ либеральное отношеніе къ народу тогдашнихъ идеалистовъ. Не въ томъ дѣло однакоже, а вотъ въ чемъ: по свидѣтельству почтеннаго автора, это замѣчаніе вызвало во всемъ кружкѣ нѣкоторую «освѣжающую бурю», конечно въ стаканѣ воды, подробности которой приводятся въ воспоминаніяхъ вѣроятно довольно точно, ибо онѣ записаны были г. Анненковымъ тогда же. Подробности эти, какъ онѣ ни мелочны сами по себѣ, какъ онѣ ни комичны, стоятъ того, чтобы ихъ привести здѣсь дословно, что я и сдѣлаю. «Освѣжающая буря» началась съ того, что «Грановскій остановился и необычайно серьезно возразилъ на шутку: — «Надо прибавить, сказалъ онъ,—что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность». По поводу этого замѣчанія тотчасъ же завязался споръ. Присяжный остроумецъ кружка,

г. Евг. Коршъ, «эффектъ мѣткаго и ядовитаго остроумія котораго увеличивался еще отъ противоположности съ недостаткомъ въ произношеніи» *), по свидѣтельству г. Анненкова, «тотчасъ понялъ, что завязавшійся споръ не есть какая-либо рѣшительная битва, измѣняющая въ конецъ положеніе сторонъ (о, Господи!), а только простое объясненіе между ними; поэтому онъ и ходилъ свободно между сторонами, не приставая ни къ одной». Но г. Кетчеръ «поднялъ перчатку г. Грановскаго и повелъ съ нимъ споръ о принципахъ чрезвычайно горячо»...

— Да, помилуйте, какъ же можно, — восклицалъ Кетчеръ,— обобщать на этотъ манеръ каждое пустое замѣчаніе. Какой же человѣкъ удержитъ голову на своихъ плечахъ, если изъ каждаго его слова, пущеннаго на вѣтеръ, станутъ вытягивать разные смыслы. Вѣдь это преображенскій приказъ. А если ужь обобщать, Грановскій, такъ ты бы лучше поставилъ себѣ вопросъ: не участвовалъ ли самъ народъ въ составленіи нашихъ дурныхъ привычекъ, и не есть ли наши дурныя привычки именно народныя привычки?

---

*) Послѣдняя фраза означаетъ, что г. Евг. Коршъ просто заикался. Это заиканіе, равно какъ и «хохотъ» г. Кетчера, прославлены какъ нѣкія изумительныя достоинства названныхъ великихъ людей и преданіе о заиканіи и хохотѣ сдѣлалось достояніемъ вѣковъ. Мѣткость и ядовитость остроумія г. Евг. Корша можно оцѣнить по слѣдующему образчику, приводимому г. Анненковымъ. Одинъ профессоръ, отличавшійся провинціальнымъ акцентомъ, воскликнулъ: «Я, братцы, какъ вамъ извѣстно, родикалъ».—«Я и прежде думалъ, что ты ничего другого родить не можешь», замѣтилъ г. Евг. Коршъ. Не знаю, какое впечатлѣніе производитъ эта острота съ эффектомъ заиканія; но безъ онаго она довольно плоска, особенно для передачи ея вѣкамъ.

— Постой, братъ Кетчеръ, — возразилъ Грановскій,— ты говоришь: не слѣдуетъ обобщать всякую случайную замѣтку; во первыхъ, любезный другъ, случайныя замѣтки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ тайной нашей мыслію, а вовторыхъ, собраніе такихъ замѣтокъ составляетъ иногда цѣлое ученіе, какъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго.—А я тебѣ долженъ сказать здѣсь прямо — добавилъ Грановскій съ особеннымъ удареніемъ на словахъ, — что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Запискамъ» и западникамъ.

За этимъ категорическимъ объявленіемъ послѣдовала минута молчанія, поясняетъ торжественно г. Анненковъ, точно дѣло идетъ объ объявленіи настоящей войны. Но затѣмъ въ споръ вмѣшался Герценъ.

— Пойми же ты, братецъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Кетчеру,—что кромѣ общаго народнаго вопроса, о которомъ можно судить и такъ, и иначе, между нами идетъ дѣло о нравственномъ вопросѣ. Мы должны вести себя прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Оффиціальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ, — понимаешь, что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами. Это особенно не мѣшаетъ понять теперь (1845 г.), когда мы хлопочемъ объ упраздненіи всякихъ управъ благочинія. Не для того же нужно намъ увольненіе въ отставку видимыхъ и невидимыхъ исправниковъ, чтобы развязать самимъ себѣ руки на всякую потѣху.

Кетчеръ не любилъ оставлять послѣдняго слова за противникомъ. Онъ возопилъ противъ попытки примѣшать еще и нравственность, послѣ національности, къ пустому случаю, разросшемуся въ такой диспутъ, утверждалъ, что обличеніе какого либо несомнѣннаго факта, хотя бы и самаго прискорбнаго характера—никогда не можетъ быть безнравственно.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на Бѣлинскаго и его отношенія къ народности, и послѣ замѣчанія Грановскаго, что Бѣлинскому сдѣлаться силой помогла отчасти тогдашняя цензура, споръ «былъ вполнѣ истощенъ». Но, говоритъ г. Анненковъ, «онъ, т. е. этотъ важный споръ, сдѣлалъ свое дѣло, очистивъ совѣсть (?) и позволивъ всѣмъ возвратиться уже безъ всякихъ помѣхъ къ простымъ, дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ» и, прибавлю я отъ себя, конечно къ новымъ возліяніямъ шампанскаго въ виду жнущихъ крестьянокъ, доведенныхъ до того ненормальною русскою жизнью, что ни онѣ сами не считаютъ необходимымъ стыдиться предъ кѣмъ либо, ни ихъ никто не стѣсняется.

Приведенный споръ соколовскаго либеральнаго кружка, по мнѣнію каждаго, кто только не обольщается какими либо плѣнительными личными воспоминаніями о сношеніяхъ съ этимъ кружкомъ, кромѣ нѣкоторой забавности, право, въ себѣ ничего не заключаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не комично ли, что умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди своего времени торжественно и важно занимаются подобными литературными спорами, остановившись въ полѣ предъ работающими бабами и мужиками. Такъ и видишь группу россійскихъ либераловъ, «баловниковъ на всемъ на готовомъ», какъ выражается одно лицо въ «Бѣсахъ» г. Достоевскаго, которые, плотно покушавъ и хорошо выпивъ, услаждаютъ себя «умственнымъ» разговоромъ. Такъ по крайней мѣрѣ кажется это теперь. Но не такъ каза-

лось это тогда. Подобные «споры» тогда считались столь важными, что г. Анненковъ не только поспѣшилъ своевременно занести въ свою записную книжку разглагольствія Грановскаго и г. Кетчера и «свободное хожденіе» между ними г. Евг. Корша, но даже и теперь, по прошествіи почти сорока лѣтъ, видитъ въ этихъ невинныхъ разглагольствіяхъ какую-то «освѣжающую бурю», которая «очищала совѣсть» либераловъ.... для свободнаго и непостыднаго воспріятія шампанскаго предъ работающимъ «народомъ». Да что бурю, онъ въ нихъ побольше бури видитъ. «Въ моемъ пониманіи этотъ споръ—говоритъ важно и внушительно г. Анненковъ — еще имѣлъ и другое значеніе. Это было первое крупное проявленіе мысли, давно уже таившейся въ умахъ о необходимости болѣе разумныхъ отношеній къ простому народу, чѣмъ тѣ, какія существовали въ литературѣ и въ нѣкоторыхъ слояхъ мыслящаго класса людей. Литература и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя. Споръ выразилъ собою переворотъ, совершившійся въ понятіяхъ одного отдѣла западниковъ относительно способовъ судить и оцѣнять домашнюю культару и нравственную физіономію толпы».

И такъ споръ по поводу жнущихъ въ однѣхъ сорочкахъ бабъ, затѣянный здравствующимъ донынѣ г. Бетчеромъ и покойными Грановскимъ, Евгеніемъ Корнемъ и Герценомъ, выразилъ «переворотъ»! Такъ смотритъ г. Анненковъ. Немудрено, что при такомъ воззрѣніи даже на подобныя мелочи веселое и благодушное препровожденіе времени соколовскихъ обитателей и ихъ знакомыхъ кажется нашему автору какимъ-то выдающимся, значительнымъ эпизодомъ въ развитіи русской жизни. Онъ называетъ лѣтнія собранія въ Соколовѣ у Герцена и Грановскаго «подвижнымъ конгрессомъ» литераторовъ, «импровизированной академіей», онъ называетъ «форумами» соколовскіе обѣды и луга, гдѣ хозяева и ихъ гости сходились для возліяній шампанскаго и веселыхъ бесѣдъ. На этихъ форумахъ, въ импровизированныхъ академіяхъ, повѣствуетъ почтенный авторъ, политическихъ разговоровъ въ прямомъ смыслѣ почти никогда не происходило.

Тогдашняя публичная жизнь снабжала только людей юмористическими анекдотами и покамѣсть ничего болѣе не давала. Собственно же основные принципы, управлявшіе обществомъ—вовсе и не затрогивались. Разсуждать о нихъ считалось дѣломъ празднымъ, и говорить о нихъ начинали тогда, какъ въ примѣненіи своемъ они достигала или комическаго, или трагическаго абсурда. До тѣхъ поръ это были явленія для всѣхъ давно отпѣтыя и похороненныя. Вспоминали о нихъ особенно, когда настояла надобность ускользнуть изъ когтей того или другого изъ мертвецовъ, ходившихъ по землѣ, и пускавшагося неожиданно преслѣдовалъ живыхъ людей. (Что такое?! Помилуй Богъ какъ темно). Взамѣнъ, на первомъ планѣ стояли европей-

скія дѣла, ученія, открытія: они и составляли господствующую ноту въ разговорахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проходила еще другая красная нитка черезъ всю многообразную сѣть узоровъ свободной бесѣды въ Соколовѣ. Она-то и давала предчувствіе объ общемъ происхожденіи и родствѣ всѣхъ мнѣній и мыслей, тамъ высказывавшихся, несмотря на частую ихъ противоположность. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Соколовѣ не позволялось только одного—быть ограниченнымъ человѣкомъ. Не то, чтобы тамъ требовались непремѣнно эффектныя рѣчи и проблески блестящихъ способностей вообще—наоборотъ, труженники, поглощенные исключительно своими спеціальными занятіями, чествовались тамъ очень высоко—но необходимъ былъ извѣстный уровень мысли и нѣкоторое достоинство характера. Воспитанію мысли и характера въ людяхъ и посвящены были всѣ бесѣды круга, о чемъ бы онѣ въ сущности ни шли, что и давало имъ ту однообразную окраску, о которой говорено. Еще одна особенность: кругъ берегъ себя отъ соприкосновенія съ нечистыми элементами, лежавшими въ сторонѣ отъ него, и приходилъ въ безпокойство при всякомъ, даже случайномъ и отдаленномъ, напоминовеніи о нихъ. Онъ и не удалялся отъ свѣта, но стоялъ особнякомъ отъ него—потому и обращалъ на себя вниманіе, но вслѣдствіе именно этого положенія, въ средѣ его развилась особенная чуткость ко всему искуственному, фальшивому. Всякое проявленіе сомнительнаго чувства, лукаваго слова, пустой фразы, кривого завѣренія угадывались имъ тотчасъ и вездѣ, гдѣ появлялись. вызывали бурю насмѣшекъ, ироніи, безпощадныхъ обличеній. Соколово не отставало въ этомъ отношеніи отъ общаго правила. Вообще говоря, кругъ этотъ, важнѣйшіе представители котораго на время собрались теперь въ Соколовѣ, походилъ на рыцарское братство, на воюющій орденъ, который не имѣлъ никакого письменнаго устава, но зналъ всѣхъ своихъ членовъ, разсѣянныхъ по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоялъ, по какому-то соглашенію, никѣмъ въ сущности не возбужденному—поперегъ всего теченія современной ему жизни, мѣшая ей вполнѣ разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими.

Вотъ характеристика кружка, столько же преувеличивающая его значеніе, сколько неточная. Ее можно было бы оставить безъ вниманія, если бы она была выраженіемъ только мнѣнія г. Анненкова: уже изъ предыдущихъ примѣровъ видно, что почтенный авторъ воспоминаній по отношенію къ кружку всякій вздоръ способенъ принимать за подвиги и всякіе благодушные послѣобѣденные диспуты гг. Кетчера, Евг. Корша и Грановскаго за «перевороты» въ общественномъ сознаніи. Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ подобное мнѣніе пропагандируется давнымъ давно: о кружкѣ говорятъ не иначе, какъ о какомъ-то сонмѣ боговъ, на всѣхъ его членовъ поголовно надѣваютъ различные ореолы. На одного надѣваютъ ореолъ какого-то эффектнаго заиканія, имѣвшаго чуть ли не европейское значеніе, а ужь что всероссійское, объ этомъ и толковать нечего; на другого надѣваютъ ореолъ «честнаго хохота», раскаты котораго чуть ли не способствовали къ развитію освободительныхъ идей въ нашемъ отечествѣ; на третьяго надѣваютъ ореолъ «оригинальной грубости пріемовъ» отъ которыхъ значительно двинулась по пути прогресса Россія и т. д. Вѣдь все это въ сущности смѣшно и пора бы судить о кружкѣ болѣе безпристрастно, съ бо̀льшимъ критическимъ отношеніемъ къ его составу, съ бо̀льшимъ разграниченіемъ правъ его различныхъ членовъ на славу въ потомствѣ. Между членами кружка были люди дѣйствительно крупные, почти

геніальнаго ума и таланта, какъ, напримѣръ, Герценъ' были люди просто даровитые, какъ Грановскій и Огаревъ; но были также и просто посредственные болтуны, ломающіеся и благодушные фразеры, застольные весельчаки и остроумцы, дѣйствительное значеніе которыхъ и въ ихъ время оказывалось весьма мелкимъ, а въ наше время просто кажется пустымъ. Да и дѣйствительные-то корифеи кружка, достойные всякихъ благодарныхъ воспоминаній, вовсе не тѣмъ вліяли на общественное развитіе, что устраивали за столомъ и на лугахъ «форумы» и «импровизированныя академіи» съ обильными возліяніями шампанскаго. Напротивъ, эти «форумы» веселыхъ и благодушныхъ либераловъ, услаждающихся питіемъ, ѣдою и либеральными бесѣдами въ виду жалкихъ крестьянскихъ избъ и работающаго на поляхъ народа и при томъ услаждающихся на оброчныя деньги этого же самаго народа—все это производитъ теперь впечатлѣніе довольно странное и отнюдь не восхитительное. Какое значеніе ни старайтесь придавать этимъ «форумамъ», какъ ни связывайте ихъ съ развитіемъ прогрессивныхъ идей во дни оны, все-таки эти «форумы» представляютъ «невинный хоть несносный вздоръ». Точно такой же вздоръ представляютъ разглагольствія, споры, дружескія объясненія и размолвки, смѣхи и печали корифеевъ и второстепенностей кружка. И не смѣшно ли думать и говорить, что «кружокъ», занимавшійся въ Соколовѣ съ такимъ усердіемъ всѣми этими вздорами, «стоялъ поперегъ всего те-

ченія современной ему жизни, мѣшая ей вполнѣ разгуляться». Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что кружокъ соколовскимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, застольными пирами, остроуміемъ съ эффектными заиканіями и гомерическимъ хохотомъ, взаимнымъ самообожаніемъ и самогрызеніемъ своихъ членовъ и т. п. подобными проявленіями отвѣчалъ теченію тогдашней жизни барскихъ сферъ, жизни «на всемъ готовомъ». Разумѣется, «форумы» кружка въ Соколовѣ были поцивилизованнѣе прочихъ форумовъ, устраиваемыхъ на крѣпостныя средства тогдашней интеллигенціей въ разныхъ подмосковныхъ и отдаленныхъ монрепо; разумѣется, они были изобильнѣе либеральными бесѣдами, остроуміемъ, учено-литературными разглагольствіями; но все-таки же ихъ основа была одна и та же: барская обезпеченность, требовавшая развлеченія и легко находившая его на счетъ народнаго труда. Какъ пріятно и серьезно ни росписывайте эти пресловутые «форумы», а правда о нихъ будетъ, повторяю, такая: они были сами результатомъ нѣкотораго пріятнаго разгула и конечно уже общему разгулу жизни ни мало не мѣшали...

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ ВЪ ЖИЗНИ ЛАССАЛЯ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщена компиляція «Послѣдній романъ въ жизни Лассаля», составленная главнымъ образомъ по разсказу Елены Раковицъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ дополнительныхъ матеріаловъ.

Я займусь этой компиляціей въ настоящемъ этюдѣ, ибо имѣю въ виду сказать о Лассалѣ нѣчто быть можетъ не подходящее къ тому, что обыкновенно высказывается о немъ, по крайней мѣрѣ въ нашей печати высказывается. Спѣшу прибавить, что я буду говорить о Лассалѣ, не какъ объ общественномъ дѣятелѣ, публицистѣ и агитаторѣ, а единственно лишь какъ о романическомъ героѣ. Я попробую сдѣлать оцѣнку знаменитаго дѣятеля въ качествѣ «перваго любовника»: его интересный романъ съ Еленою подаетъ для этого хорошій поводъ.

Господствующій, рутинный взглядъ на Лассаля, какъ на романическаго героя, приблизительно таковъ: въ своихъ интимныхъ отношеніяхъ этотъ

крупный и энергическій человѣкъ предстаетъ передъ нами такимъ же крупнымъ и сильнымъ характеромъ, какимъ онъ является въ своей общественной дѣятельности. Трагическую развязку его «Послѣдняго романа» съ Еленою Раковицъ истолковываютъ въ такомъ смыслѣ: великій человѣкъ, крупный характеръ натолкнулся на ничтожную, пустую женскую личность, увлекся ея блестящею внѣшностью и, не уразумѣвъ пустой сущности предмета своего увлеченія, запутался въ собственной ошибкѣ, результатомъ которой и была страшная расплата за нее преждевременною смертью. По моему, такое толкованіе невѣрно. Великіе люди, говоря вообще, въ своихъ сердечныхъ увлеченіяхъ весьма часто являются болѣе жалкими и мелкими, чѣмъ самые маленькіе людишечки; поучительность интимныхъ романовъ великихъ людей заключается вовсе не въ величіи ихъ увлеченій, а напротивъ, въ противоположности ничтожества и мелочности этихъ увлеченій ихъ величію. На Лассалѣ и его романѣ съ Еленою Раковицъ справедливость этого можно провѣрить какъ нельзя лучше, если только признать Лассаля, какъ это признаютъ его поклонники, великимъ человѣкомъ. Въ любовной исторіи съ помянутою особой Лассаль является курьезнымъ фразеромъ, ломающимся легкомысленнымъ фатомъ, слабохарактернымъ и въ высшей степени тщеславнымъ человѣкомъ, который только говоритъ о силѣ своей любви и пишетъ о ея колоссальности, а на дѣлѣ весь пропитанъ са-

мымъ отвратительнымъ, деспотическимъ самолюбіемъ и холодными разсчетами. Трагическій исходъ его романа является не результатомъ глубины его страсти—глубина эта больше чѣмъ сомнительна—а результатомъ оскорбленнаго самолюбія. И что бы ни говорили поклонники величія знаменитаго агитатора и публициста, но въ отношеніяхъ къ предмету своей любви онъ рисуется въ такомъ некрасивомъ видѣ, что по сравненію съ нимъ Елена, не смотря на всѣ обвиненія ея въ пустотѣ и мелочности, кажется очень привлекательной и во всякомъ случаѣ выше своего «царственнаго орла». Винить ее въ смерти Лассаля—это просто значитъ обнаруживать самое узкое пристрастіе: она была во всей этой исторіи, конечно, гораздо болѣе жертвой, чѣмъ онъ, она обнаружила сколько могла женской доброты и готовности пойти за человѣкомъ, ее увлекавшимъ, хотя никогда ею не любимымъ съ настоящимъ пыломъ страсти. Лассаль самъ отвергъ ея благородный порывъ, онъ самъ виноватъ въ трагической развязкѣ своего романа, самъ вызвалъ ее своимъ тщеславнымъ самолюбіемъ. Я знаю, что выражая такое мнѣніе, я рискую возбудить крики рутинныхъ либераловъ, ибо вѣдь это въ ихъ глазахъ почти преступленіе—осмѣливаться утверждать, что великій демократическій вождь оказался, какъ романическій герой, ниже аристократической дѣвушки. Но что же дѣлать: какъ бы ни кричали либералы—факты интимной исторіи кричатъ во всякомъ случаѣ громче ихъ; а я—

признаюсь въ этомъ откровенно—всегда предпочту искренній крикъ фактовъ, хотя бы онъ не былъ либераленъ, лицемѣрному крику либераловъ и не смущусь этимъ послѣднимъ даже и тогда, когда онъ переходитъ въ излюбленный ими визгъ о «сыскѣ». Простая правда факта, по моему, почтеннѣе самаго фразистаго либеральнаго вранья.

Посмотримъ же на фактъ «послѣдняго романа въ жизни Лассаля». Когда Лассаль встрѣтился съ Еленою Дененгесъ, будущею Раковицъ, ему было подъ-сорокъ, а этой красавицѣ дѣвушкѣ только девятнадцать лѣтъ. Лассаль, очевидно, въ этотъ періодъ своей жизни былъ обуреваемъ той жаждой къ супружеству, которая свойственна холостякамъ сорокалѣтнаго возраста: онъ искалъ себѣ усердно подругу жизни и, что называется, бросался довольно стремительно на такихъ подругъ, мало мальски подходящихъ къ его идеалу. А у него, кажется, былъ идеалъ такой: непремѣнно аристократическая дѣвица. Что онъ «бросался» и что у него такой идеалъ былъ, это видно изъ другого его романа, случившагося за два года до встрѣчи съ Еленой, героиней котораго была наша соотечественница, г-жа Софія С., опубликовавшая интересный разсказъ объ этомъ романѣ и интересные документы, къ нему относящіеся, въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1877 г. Мнѣ случилось видѣть фотографическій портретъ этой героини и, признаюсь, наружность ея не изъ числа такихъ, которыя поражаютъ красотою, въ чемъ

впрочемъ она и сама признается въ своемъ разсказѣ. И однако Лассаль, встрѣтившись съ ней на водахъ и, переглянувшись, тотчасъ же «поразился» незнакомой дѣвицей, поспѣшилъ съ ней свести знакомство; а потомъ, сообразивъ, что она отрасль древнихъ князей (чѣмъ она не была совсѣмъ). скоропостижно сдѣлалъ ей предложеніе, причемъ въ пламенной исповѣди изобразилъ самъ себя великимъ борцомъ и чуть ли не геніемъ. Замѣчательно, что кончая эту исповѣдь, онъ увѣрялъ, что обожаемая имъ отрасль русскихъ князей въ его особѣ получитъ «человѣка въ истинномъ смыслѣ этого слова и сердце, которое, разъ отдавшись, отдается на вѣчность». И однакоже человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова весьма скоро изгналъ изъ своего сердца, отдавшагося на вѣчность, скоропостижно-пламенную страсть къ отрасли князей; черезъ два года онъ запылалъ столь же скоропостижно и столь же великой страстью къ Еленѣ, которая была хотя и не отрасль князей, но принадлежала къ такъ называемому высшему обществу и кромѣ того отличалась замѣчательной красотой и вообще славилась какъ выдающаяся изъ ряда вонъ дѣвушка. Сколько можно догадаться изъ разсказа Елены, различные добрые друзья Лассаля, вѣроятно, знавшіе о стремленіяхъ ихъ сорокалѣтняго друга зажить въ качествѣ семьянина, предупредительно похлопотали о томъ, чтобы устроить Лассалю встрѣчу съ нею и предупредительно восхваляли ей человѣка въ полномъ смыслѣ слова, до того восхваляли, что

даже выводили ее изъ терпѣнія. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на свой уже довольно почтенный возрастъ, при первой же встрѣчѣ съ Еленой повелъ себя на манеръ пламеннаго Ромео. Какъ шекспировскій герой, встрѣтившись на балу съ Джульетой, тутъ же поспѣшилъ ей въ любви «открыться», такъ и Лассаль съ перваго же разговора съ Еленой на вечерѣ у знакомыхъ объявилъ ей, что она Брунегильда, а онъ Зигфридъ, что она будетъ его женой, а онъ ея мужемъ. Мало того, при этой первой встрѣчѣ онъ похвалилъ Елену за то, что она любитъ хорошее вино, замѣтилъ, что онъ всегда «желалъ такой жены, которая умѣетъ цѣнить благородное вино» и что они будутъ «пользоваться его погребомъ на славу». Мало и этого: провожая домой почти незнакомую дѣвушку, онъ схватилъ ее на лѣстницѣ на руки, понесъ такимъ образомъ, сталъ ей говорить *ты* и сейчасъ же спросилъ совершенно серьезно: когда ему явиться къ ея бабушкѣ (Елена въ это время у бабушки жила), чтобы сдѣлать формальное предложеніе. Какъ бы кто ни оправдывалъ эти дикія выходки сорокалѣтняго Ромео, эту «скоропалительность» любви съ первой встрѣчи и первой фразы, какъ бы кто ни старался ихъ объяснять, положимъ хоть оригинальностью великаго человѣка, но все же онѣ рисуютъ Лассаля въ весьма странномъ свѣтѣ. Прежде всего является мысль вотъ о чемъ: какимъ образомъ Лассалю не пришло хоть одну минуту въ голову, что пошлыя любов-

ныя дурачества съ молодой дѣвушкой для человѣка, который вдвое ея старше, прежде всего каррикатурны, а послѣ всего предосудительны въ моральномъ смыслѣ. Достаточно взглянуть на извѣстный портретъ Лассаля, приложенный къ его сочиненіямъ, чтобы видѣть, что онъ былъ ужь очень и очень пожившій господинъ: эти замѣтные мѣшочки подъ глазами, эти отвисшія щеки свидѣтельствуютъ ясно, что человѣкъ таки поистерся. Да и біографы агитатора говорятъ, что при всей своей учености и при всѣхъ своихъ подвигахъ «борца», Лассаль не брезгалъ удовольствіями и порядочно таки тратился на нихъ. Теперь возьмите въ разсчетъ нѣкоторую блазированность Лассаля, особенно въ сравненіи съ девятнадцатилѣтней свѣжестью Елены и сообразите какъ мало нужно имѣть нравственнаго чувства, уваженія къ женщинѣ, или же какъ много надо имѣть безшабашной наглости старо-гусарскаго пошиба для того, чтобы, безъ всякихъ разговоровъ, предложить себя въ Зигфриды юной красавицѣ? Право, я ужь не знаю, чѣмъ объяснить себѣ эту пошлую игру въ скоропалительную любовь: разсчетомъ ли дюжиннаго Донъ-Жуана поразить сразу такимъ пріемомъ молодую душу, обратить ея вниманіе, или тѣмъ «бросаніемъ», о которомъ я говорилъ выше. Какъ бы тамъ ни было, Лассаль, очевидно, ни минуты не задумался о томъ, что онъ поступаетъ каррикатурно и еще болѣе о томъ, что, имѣя сорокъ лѣтъ за плечами, не совсѣмъ честно

навязывать ex abrupto свою пожилую особу цвѣтущей красавицѣ. Не знаю, много ли нужно величія для такого поведенія; но что мелкаго, возмутительнаго эгоизма и тщеславія для него нужно бездну — это мнѣ ясно, какъ дважды два, да, я думаю, ясно и каждому, кто захочетъ взглянуть на дѣло просто и прямо, оставивъ въ сторонѣ агитаторское, публицистическое и всякое иное величіе Лассаля.

Начавъ свой послѣдній романъ совершенно во вкусѣ безшабашныхъ героевъ Марлинскаго, Лассаль и продолжалъ его въ томъ же вкусѣ. Второе свиданіе съ Еленой было на публичномъ балу, куда его пригласила сама Елена. Тутъ онъ опять каррикатурно рисуется и ломается передъ молодой дѣвушкой, откалывая такія тирады: «Въ этой залѣ, гдѣ всѣ (?!) уставили на насъ глаза и дивятся, зачѣмъ тутъ Фердинандъ Лассаль,—здѣсь не мѣсто серьезно говорить о томъ, о чемъ мы должны переговорить между собой. Но дитя приказало, и я пріѣхалъ. Видишь ли, дурочка, мы не можемъ обойдтись другъ безъ друга. Чувствуешь ли ты это теперь? Мнѣ нужно узнать отъ тебя сегодня только двѣ вещи: что сдѣлала бы ты, еслибъ была моей женой, а они приговорили бы меня къ смерти и ты увидѣла бы меня входящимъ на эшафотъ?»

Елена отвѣчаетъ на эту пошлую фразу, достойную какого-нибудь Гремина или Лидина изъ романовъ эпохи Марлинскаго:

— Я дождалась бы той минуты, когда они отрубятъ твою гордую голову, чтобы глаза моего орла могли до послѣдней минуты видѣть то, что онъ любитъ и, потомъ приняла бы яду — пѣрнѣйшаго яду, сообща избраннаго нами самими.

Отвѣтъ, вполнѣ сообразный съ вопросомъ и показывающій, что Елена, вопреки обвинителямъ ея въ пустотѣ и чуть ли не глупости, была очень умна и какъ свѣтская дѣвушка умѣла очень хорошо на смѣшное фразерство отвѣчать фразерствомъ еще болѣе звонкимъ и смѣшнымъ. Лассаль, впрочемъ, остался очень доволенъ отвѣтомъ «обожаемаго предмета» и хотя засмѣялся, но принялъ, очевидно, отвѣтъ въ серьезъ, потому что поспѣшилъ успокоить молодую дѣвушку.

— Будь покойна, сказалъ онъ: — дѣло не пойдетъ такъ далеко. Моя звѣзда свѣтла и счастливо восходитъ; она еще не въ зенитѣ, не тамъ, откуда начинается закатъ.

Къ слову сказать, Лассаль, какъ видно, вообще любилъ рисоваться своей готовностью погибнуть и возможностью для него гибели. Намеки о томъ, что его быть можетъ ждутъ гоненія, лишенія, даже смерть на эшафотѣ, встрѣчаются и въ его «исповѣди», написанной для Софіи С. Между тѣмъ это были только фразы въ стилѣ романтическихъ героевъ стараго времени: на дѣлѣ оказывалось, что Лассаль былъ очень далекъ отъ всякихъ гоненій, лишеній и эшафотовъ. Напротивъ, онъ обработывалъ свои дѣлишки съ чисто еврейской

практичностью, устраивалъ себѣ съ чисто буржуазнымъ комфортомъ роскошную обстановку и, гдѣ можно, не пренебрегалъ доходами. Очень характеристическимъ фактомъ такой практической обдѣлистости Лассаля служатъ его извѣстныя отношенія къ графинѣ Гацфельдъ. По его словамъ (смотри «исповѣдь»), Лассаль любилъ эту старую особу «философскою любовью», любилъ «какъ типъ страждущаго человѣчества, какъ Христа распятаго у него на глазахъ за грѣхи человѣчества и котораго ему удалось сорвать съ креста» (любопытно бы знать, причемъ «грѣхи человѣчества» въ скандальной исторіи графини съ мужемъ и какимъ образомъ можно сравнить ее съ Христомъ). Тѣмъ не менѣе философская любовь не помѣшала Лассалю заключить контрактъ съ графиней о выдачѣ ему пенсіи изъ ея капиталовъ въ случаѣ выигрыша процесса съ ея родственниками: стало быть философія и сниманіе съ креста не совсѣмъ-таки безкорыстны. Впрочемъ, это въ сторону. Вернемся снова къ послѣднему роману Лассаля.

Не смотря на все фразерство и ломанье передъ Еленой, Лассалю не удалось поселить любовь въ сердцѣ молодой дѣвушки: она сама признается, что онъ внушалъ ей только нѣкоторый страхъ, смущалъ ее своей дѣланной развязностью. Онъ наговорилъ на балу Еленѣ о своемъ величіи, своей колоссальной энергіи, увѣрилъ молодую дѣвушку, что онъ прямо и рѣшительно завладѣетъ ею во что бы то ни стало, что для него ничего не зна-

читъ Янко Раковицъ, любившій ее скромно и преданно и уже почти бывшій ея женихомъ: явился онъ, Лассаль, и Янко долженъ поблекнуть въ лучахъ этого солнца, какъ маленькая звѣздочка. Наболтавъ въ такомъ родѣ, энергическій Зигфридъ, однако, не рѣшился прямо свататься къ Еленѣ и попросилъ одного изъ ея старыхъ друзей косвенно намекнуть ей объ этомъ. Елена обидѣлась такимъ косвеннымъ сватовствомъ черезъ посредниковъ и понятно почему. Послѣ рѣчей о рѣшительной, не знающей преградъ, любви было очень странно подступать къ дѣлу такъ робко и неопредѣленно: молодой дѣвушкѣ могли показаться издѣвательствомъ надъ нею пламенныя рѣчи сорокалѣтняго Ромео, хватающаго ее въ объятія при чужихъ и боящагося явиться лично съ предложеніемъ. Ромео поправилъ однако свою неприличную неловкость и поправилъ совсѣмъ по гимназически: прислалъ букетъ со стишками за подписью инициаловъ своего имени и фамиліи. Послѣ этого, онъ уже лично предложилъ руку и сердце Еленѣ и рѣшилъ, что лѣтомъ пріѣдетъ къ ея родителямъ съ формальнымъ сватовствомъ. Но лѣтомъ не только не пріѣхалъ, а въ теченіе этого года совсѣмъ позабылъ о своей Брунегильдѣ подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ «сердечныхъ отношеній»: такъ-то выдерживалъ себя этотъ «человѣкъ великой геніальности и характера почти нечеловѣческаго, отъ котораго ждутъ великихъ дѣяній», какъ онъ самъ скромно аттестуетъ себя въ своей

«исповѣди». Судьба однако снова столкнула Елену и Лассаля лѣтомъ на водахъ въ Риги-Кальтбадѣ. При этой новой встрѣчѣ Лассаль опять понесъ прежнія фразы съ прежнею развязностью или, точнѣе, почти наглостью. Когда Елена ему объявила, что она теперь уже помолвлена съ Янко Раковицъ, онъ не задумавшись отчеканилъ слѣдующую тираду, хорошо рисующую его деспотическое самолюбіе и его воззрѣнія на женщинъ:

— Помолвлены вы или нѣтъ—мнѣ совершенно все равно. Всего комичнѣе тутъ то, что Брунегильда могла воображать, или хотя бы помыслить одну минуту, будто Зигфридъ такъ легко уступитъ ее другому. Я ни мало не безпокоюсь объ этой помолвкѣ. Я разорву ее! Неприкосновененъ только брачный союзъ — да и то еще вопросъ. Пока я живу, пока въ моихъ жилахъ движется хоть капля крови, я не отдамъ тебя никому другому. Въ крайнемъ случаѣ, я дождался бы послѣдняго часа, и тогда пришелъ бы и взялъ бы отъ самаго алтаря свою невѣсту. Говорю это рѣшительно и торжественно: не пытайся принадлежать другому—я не допущу этого; я потребую тебя, какъ мою собственность».

Всю прелесть этой тирады можно оцѣнить только тогда, когда примешь къ свѣдѣнію, что Елена, по собственному ея признанію, вовсе не любила Лассаля въ это время. Его поведеніе при первыхъ встрѣчахъ съ нею теперь казалось ей забавнымъ, она, какъ видно, немного уже раскусила,

что великій человѣкъ въ дѣлахъ политики и публицистики въ дѣлѣ любви очень легкомысленъ и немного походитъ на гороховаго шута, хвастающагося безъ мѣры, въ дѣйствительности же очень скромно и разсчетливо относящагося къ предмету страсти. Но какое дѣло было сорокалѣтнему Ромео, что молодая дѣвушка можетъ быть совсѣмъ не чувствуетъ ничего и только по неволѣ отвѣчаетъ полулюбовнымъ кокетливымъ вздоромъ на его любовную шумиху: вѣдь онъ считалъ ее вещью, «собственностью», слабымъ ребенкомъ, а себя гигантомъ, титаномъ. Онъ полагалъ, что ея нерѣшительность зависитъ отъ ея слабости и отололъ на прощаньи такую шутовскую выходку: «О, еслибъ я могъ перелить хоть частицу моей колоссальной воли — говорилъ онъ, сжимая руки Еленѣ — моей титанической энергіи въ эти голубыя жилы. Сожми мои руки — вотъ такъ! — можетъ быть операція удастся при помощи магнетизма. Я хочу и ты должна хотѣть!». Рѣшительно, герой во вкусѣ Марлинскаго: точно любовную сцену изъ «Фрегата Надежды» читаешь. И однако-же въ голубыхъ жилахъ «дитяти» оказалось, какъ увидимъ впослѣдствіи, энергіи и рѣшительности гораздо больше, чѣмъ у титана, который спасовалъ въ самый важный моментъ романическихъ отношеній къ Еленѣ.

Съ этой встрѣчи въ Кальтбадѣ у Лассаля пробудилась лихорадочная жажда сорокалѣтняго холостяка поскорѣе «овладѣть» двадцатилѣтней красавицей, которую онъ такъ развязно призналъ

своей собственностью. Даже свою «политику» онъ возненавидѣлъ и писалъ Еленѣ съ цинической откровенностью, которую конечно не одобрятъ демократическіе поклонники агитатора: «собственно говоря въ высшей степени глупо терзать себя злосчастной политикой, благомъ и невзгодами другихъ людей. Все это было хорошо, пока я былъ одинъ и не имѣлъ лучшаго дѣла — а теперь! Не лучше ли мнѣ отказаться отъ всего, уѣхать съ тобой далеко, далеко, куда пожелаетъ мое дитя, моя царица». При этомъ великій человѣкъ, рѣшавшійся махнуть рукою на политику, для любви, не замѣчая, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, обольщалъ Елену возможностью тріумфальнаго въѣзда съ нимъ, Лассалемъ, въ Берлинъ чуть ли не въ качествѣ императора и императрицы. «Что сказало бы мое дитя, если бы я могъ когда нибудь устроить ей тріумфальный въѣздъ въ Берлинъ, везомый шестью бѣлыми конями, какъ первой женщинѣ Германіи, высоко стоящей надъ всѣми другими?» Вообще Лассаль вралъ передъ Еленой совсѣмъ въ духѣ и манерѣ И. А. Хлестакова, даже затѣйливѣе сего послѣдняго. Иванъ Александровичъ приглашалъ «подъ сѣнь струй» городническую дочку: это мило, но вполнѣ невинно; а Лассаль обѣщалъ Еленѣ императрицей ее сдѣлать, подводилъ ее къ зеркалу и говорилъ, что онъ и она представляютъ «гордую, царственную чету». Позабывъ о своихъ рѣчахъ про возможность эшафота, онъ теперь втолковывалъ молодой дѣвушкѣ,

чтобы она не воображала, будто онъ работаетъ въ политикѣ для народа, а не для себя, будто онъ способенъ на самопожертвованіе ради другихъ, безъ ожиданія награды для себя. «Взгляни на меня—говорилъ онъ Еленѣ—похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ каштаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать, бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя — скажу пока — побѣдный вѣнецъ. Поди сюда, стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою. «Фердинандъ», избранникъ народа — вотъ какъ должны они назвать меня, если удастся наше дѣло, и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ». Конечно, большую долю въ этомъ поистинѣ хлестаковскомъ хвастовствѣ и самообожаніи слѣдуетъ приписать разсчету сорокалѣтняго Ромео, желающаго плѣнить довѣрчивую Джульету, если не синицей въ рукахъ, то журавлемъ въ небѣ; но все же, я думаю, даже самые пламенные поклонники Лассаля согласятся съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ онъ ужь дѣйствительно былъ не похожъ на «политическаго мученика», а скорѣе на цинически-распоясавшагося въ своемъ самообожаніи, на зазнавшагося отъ успѣха еврея: родовая черта племени сказалась

таки и въ этомъ, несомнѣнно крупнаго ума, человѣкѣ.

Впрочемъ, всѣ эти мечтанія à la Хлестаковъ, все это шумливое хвастовство еще не особенно ярко рисуетъ мелочность и слабохарактерность Лассаля въ его романѣ съ Еленой: «человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова» является тутъ отчасти каррикатурнымъ фразеромъ, отчасти легкомысленнымъ и тщеславнымъ эгоистомъ, думающимъ только о себѣ и старающимся завлечь молодую дѣвушку, которая вовсе не чувствуетъ къ нему настоящей инстинктивной любви и поддается ему, очевидно, только потому, что онъ ошеломляетъ ее своимъ фразерствомъ. Но вотъ настаетъ моментъ, когда титаническій, рѣшительный характеръ нашего героя долженъ обнаружиться во всей своей силѣ: Елена объявляетъ отцу и матери, что она желаетъ выйдти замужъ за Лассаля. Родители не только не даютъ согласія, но взбѣшенный отецъ проклинаетъ дочь и грозитъ ей страшными угрозами. Завязывается жестокая семейная драма. Несчастная дѣвушка въ отчаяніи предпринимаетъ рискованный шагъ: она бѣжитъ къ Лассалю, который только-что пріѣхалъ въ Женеву съ цѣлью познакомиться съ семействомъ Елены и посватать ее у родителей. Она пишетъ ему предварительно письмо; но такъ какъ родители начинаютъ принимать рѣшительныя мѣры, тотчасъ же вслѣдъ за письмомъ и сама является къ Лассалю. Онъ только-что пріѣхалъ въ гостинницу и еще не

успѣлъ прочитать письмо Елены, не знаетъ обстоятельствъ дѣла и спрашиваетъ ее въ изумленіи, что съ ней? Она говоритъ: «прочти письмо и дѣлай со мной что хочешь. Я теперь твоя жена, твоя вещь». Онъ читаетъ письмо и вдругъ раздражается, принимаетъ суровый видъ. «Ты поступила не такъ, какъ я тебѣ приказывалъ (онъ «приказывалъ» не говорить ничего отцу и матери до его пріѣзда); непослушаніе моей волѣ — вотъ первое, что ты мнѣ предлагаешь, — и этимъ ты испортила все». Какъ видите: на мѣсто титана предъ нами достаточно безсердечный самодуръ, который не можетъ вынести непослушанія его волѣ со стороны его «вещи», который не можетъ понять, чего стоилъ дѣвушкѣ ея рѣшительный шагъ, который — это главное — испугался рѣшительнаго, нежданнаго оборота дѣла, рискующаго вмѣсто обычнаго мѣщанскаго тихаго теченія, принять теченіе исключительное, съ оттѣнкомъ скандала. Мощный Зигфридъ, нечаявшій ничего подобнаго, думавшій добыть свою Брунегильду тишью да гладью, да божьей благодатью, ораторствомъ передъ папенькой, да ухаживаньемъ за маменькой, думавшій, быть можетъ, даже приданаго малую толику зацѣпить — этотъ Зигфридъ, видя крутой оборотъ дѣла, разомъ пасуетъ. Изъ бурнопламеннаго титана онъ вдругъ переходитъ на амплуа разсчетливаго буржуа-резонера. Онъ начинаетъ разводить передъ смущенной молодой дѣвушкой, что «не позволитъ играть съ собою, какъ съ

мальчишкой, что приметъ ее не иначе, какъ съ согласія родителей, которыхъ онъ къ тому принудитъ» и т. д. Что всего прелестнѣе въ этой резонерской проповѣди, это—слѣдующая черта: онъ предлагаетъ Еленѣ покуда, до улаженія дѣла съ ея родителями, помѣститься у графини Гацфельдъ, которую, не смотря на ея почтенную старость, притиранья и фальшивые зубы, онъ любилъ, правда, «философской любовью», но все-таки любилъ. Во время этой милой проповѣди, за убѣжавшей дочкой является въ гостинницу ея маменька—бойкая и ухорская особа, ловитъ дочку на мѣстѣ преступленія и накидывается на Зигфрида съ ругательствами. Выходитъ, однимъ словомъ, «сконапель истуаръ». Зигфридъ остается величественно-спокоенъ, слушая ругню маменьки и все толкуетъ, что онъ желаетъ объясниться съ папенькой Елены, все настаиваетъ на этомъ, хотя маменька прямо объявляетъ, что папенька прикажетъ вытолкать Зигфрида лакеямъ. Вся эта трагикомедія заканчивается ловкимъ вывертомъ Зигфрида и самою печальною развязкою для Елены. «Елена! восклицаетъ Зигфридъ: согласна ли ты для меня на всякую жертву?» «На все, только не на то, чтобы отсюда идти къ родителямъ», отвѣчаетъ бѣдная дѣвушка, инстинктивно догадавшись, какую штуку хочетъ подвести Зигфридъ. «А я именно этого и требую», ни мало не смущаясь своимъ безсердечіемъ, говоритъ Зигфридъ и затѣмъ обращается къ маменькѣ, какъ водевильный герой: «Милости-

вая государыня, я возвращаю вамъ вашу дочь. Послушайте: я, который могъ сдѣлать съ вашей дочерью все, что хочу, я возвратилъ вамъ ее— хотя на короткое время. Она идетъ съ вами только потому, что я этого хочу: не забывайте этого никогда и—прощайте». Зигфридъ захватываетъ свой чемоданъ и проворно ускользаетъ какъ разъ въ самое время, ибо черезъ минуту прибѣгаетъ взбѣшенный папенька Елены и тащитъ несчастную дочь отъ гостинницы до своей квартиры за волосы!

Кажется, довольно бы ужь для нашего титана всѣхъ исчисленныхъ проявленій великой силы его любви и характера по отношенію къ Еленѣ. Нѣтъ, это еще не все. Поступивъ съ молодой дѣвушкой такъ дрянно, грубо выказавъ себя такимъ водевильнымъ Зигфридомъ, Лассаль оказался настолько тупымъ—да именно тупымъ—и бездушнымъ эгоистомъ, что не сообразилъ самой простой вещи: можетъ ли въ Еленѣ, если даже она любила его самой пылкой страстью, чего на самомъ дѣлѣ не было,—можетъ ли въ ней сохраниться не только любовь, но даже уваженіе къ нему послѣ такого съ его стороны «неожиданнаго реприманда» любимой дѣвушкѣ? По его мнѣнію, она все еще должна была считать его очаровательно-великимъ, сильнымъ, удивительнымъ «предметомъ», она должна была, не смотря на родительскія потасовки, которыми была обязана своему титану, думать только о немъ и желать только одного: соеди-

Зигфридъ - альтруистъ

ниться съ нимъ на вѣки. Въ этомъ миломъ обольщеніи Зигфридъ начинаетъ «добывать» свою Брунегильду законнымъ и мирнымъ путемъ. Онъ подсылаетъ къ ней и ея отцу графиню Гацфельдъ и разныхъ своихъ друзей, онъ требуетъ объясненій, разсужденій, разговоровъ наединѣ съ Еленой у нотаріуса и притомъ продолжительныхъ разговоровъ—двухчасовыхъ, не менѣе. Онъ безтолково мечется, изливаетъ въ письмахъ фразы о колоссальности своей любви и своихъ страданій, увѣряетъ своихъ друзей, что Елена предана ему какъ раба и что, какъ только друзья добьются того, что уговорятъ Елену и родителей на двухчасовую бесѣду съ нимъ, такъ все дѣло и уладится. Но, увы, Елена оказывается теперь уже не той простодушной дѣвушкой, которая довѣрчиво внимала прежнимъ фразамъ о журавлѣ въ небѣ: она увидала во очію, что титаническій Зигфридъ къ ловлѣ журавлей можетъ быть и способенъ, но синицу во время въ рукѣ удержать не умѣлъ. Она сравнила преданную и скромную, безъ фразъ, но глубокую и рѣшительную любовь своего юнаго жениха Янко съ фразистою, шумливою на словахъ, но робкою и пошло-разсчетливою на дѣлѣ любовью Лассаля: очень естественно, что теперь она измѣнила свое мнѣніе о послѣднемъ, поняла, что онъ за герой. И вотъ, когда ей, послѣ всѣхъ переговоровъ, друзья Лассаля передали его желаніе побесѣдовать съ нею два часа, она отвѣчаетъ, горько смѣясь:

— Лассаль любитъ говорить много и долго, ему и двухъ часовъ, пожалуй, будетъ мало.

Посредникъ—другъ Лассаля—замѣчаетъ, что она неправа будто бы передъ Лассалемъ и что она обязана дать ему удовлетвореніе.

— Удовлетвореніе его тщеславію? насмѣшливо спрашиваетъ оскорбленная дѣвушка.

Въ этихъ роковыхъ для Лассаля словахъ ясно выражается, что она разгадала Зигфрида вполнѣ, что она поняла суть страсти сорокалѣтняго Ромео. Когда друзья передали Лассалю эти слова Елены, онъ, разумѣется, вскипѣлъ всѣмъ бѣшенствомъ тщеславнаго эгоиста, разоблаченнаго молодой дѣвушкой и получившаго должный щелчекъ по носу, щелчекъ, о которомъ знаютъ друзья, узнаютъ всѣ! Могъ ли онъ перенести это, онъ, будущій царственный «Фирдинандъ?» О, конечно, нѣтъ. Забывъ и свою политику и всякую гуманность и деликатность, онъ пишетъ письмо къ отцу Елены, въ которомъ ругаетъ прежнюю Брунегильду «безстыдной дѣвой», говоритъ, что онъ, Лассаль, отказывается отъ брака (когда ему уже отказали прежде) потому, что «не хочетъ безчестить себя такимъ бракомъ и требуетъ удовлетворенія за всѣ нанесенныя ему оскорбленія». Кто же, однако, ему нанесъ оскорбленія? Елена? Но онъ самъ ее оскорбилъ грубо и пошло донельзя, да притомъ отъ дѣвушки странно требовать удовлетворенія. Отецъ Елены? Но прежде, до отреченія самой Елены отъ Лассаля, онъ не требовалъ удовлетворенія отъ

старика за то, что тотъ горячо съ нимъ поговорилъ при объясненіи. Женихъ Елены? Но онъ былъ во всей исторіи ни причемъ. Остается одна только бойкая маменька Елены, изругавшая Зигфрида во время его фарсовъ въ гостинницѣ. Но не съ ней же онъ желалъ сразиться на пистолетахъ. Какъ бы то ни было, Лассаль, самъ оскорбивъ все семейство, потребовалъ удовлетворенія, не вынесши прямыхъ послѣдствій собственной безхарактерности, нерѣшительности, тщеславія и хвастовства. Результатъ его требованій былъ печальный: судьба покарала его, устроивъ дѣло такимъ образомъ, что онъ, отличный стрѣлокъ, погибъ отъ руки юноши, неопытнаго въ стрѣльбѣ.

Вотъ факты послѣдняго романа Лассаля и вотъ какимъ онъ является въ этомъ романѣ, если смотрѣть на дѣло прямо и трезво. Романъ этотъ, какъ читатели видятъ, очень поучителенъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я выше объяснялъ поучительность интимныхъ романовъ такъ называемыхъ великихъ людей. Во всякомъ смучаѣ онъ поучительнѣе сотни выдуманныхъ романовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

I.

Дѣло дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. М. Стасюлевича съ редакціей „Новаго Времени" *).

На скамьѣ подсудимыхъ редакторъ «Новаго Времени» г. Федоровъ и сотрудникъ той же газеты г. Буренинъ. Присяжный повѣренный г. Спасовичъ является уполномоченнымъ частнаго обвинителя г. Стасюлевича. Въ качествѣ свидѣтеля обвиняющей стороной вызванъ г. Суворинъ.

Еще задолго до начала засѣданія мѣста для публики переполнены совершенно. Публика самая интеллигентная и либеральная: все больше жиды. Среди толпы выдѣляются извѣстности: двое Градовскихъ, Александръ и Григорій, Ланинъ (нарочно прибывшій съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Москвы), г. Бильбасовъ. Первая скамья занята какими-то разряженными дамами въ фальшивыхъ брилліантахъ, нарумяненными и напудренными, съ подведенными рѣсницами и бровями. Рядъ стульевъ, предназначенный обыкновенно для свидѣтелей, на этотъ разъ сплошь занятъ «прелюбо-

*) Настоящее дѣло происходило 15-го мартобря въ судѣ фантастическомъ.

дѣями мысли и слова»: тутъ всѣ они, начиная отъ гг. Прохвостандрова, Шутина и Хлыщевскаго и кончая послѣднимъ жидишкой, котораго можно нанять на какое угодно дѣло за пятіалтынный. Однѣ нарумяненныя дамы сочувственно смотрятъ на г. Прохвостандрова и нѣкоторыя даже фамильярно подмигиваютъ ему; слышенъ шопотъ: «защитникъ лакомыхъ вдовъ», «нашъ спаситель и покровитель»; другія лорнируютъ г. Хлыщевскаго и довольно громко восклицаютъ: «ахъ, кель бель омъ», «душончикъ», «душка», «конфетка» и т. п. Гг. Прохвостандровъ и Хлыщевскій сіяютъ отъ наслажденія своей славою, выражающеюся такъ наглядно и публично.

Засѣданіе открыто ровно въ 12 час. пополуночи.

Читается жалоба присяжнаго повѣреннаго г. Спасовича. Вотъ вкратцѣ содержаніе жалобы. Довѣритель его дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ прожилъ болѣе полувѣка, обладая честью и добрымъ именемъ; но два года тому назадъ, именно въ декабрѣ 1880 года, онъ внезапно по непредвидѣнному случаю былъ лишенъ этихъ двухъ аттрибутовъ каждаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, еще не сосланнаго за хищеніе въ мѣста не столь отдаленныя. Виновницей этого прискорбнаго для всякаго честнаго гражданина, а тѣмъ болѣе для дѣйствительнаго статскаго совѣтника, лишенія оказалась газета «Новое Время». Въ № 1736 означенной газеты было заявлено, что М. М. Стасюлевичъ купно

съ г. А. Градовскимъ получаютъ по звѣздѣ ордена св. Станислава. Затѣмъ въ № 1761 «Новаго Времени» органъ Стасюлевича, нынѣ покойный, «Порядокъ» названъ «органомъ Бліоховъ и Гинцбурговъ». Затѣмъ въ № 1986 «Нов. Времени» со словъ газетъ «Востокъ», «Кіевлянинъ» и «Московскія Вѣдомости» было сказано, что «Порядокъ» издается на капиталы, въ которыхъ оказывается нѣкоторый еврейскій элементъ, что евреи имѣютъ пай въ «Порядкѣ». Кромѣ того въ № 1989 напечатана слѣдующая шуточная пьеса за подписью: Графъ Алексисъ Жасминовъ:

РАЗДВОИВШІЙСЯ Г. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

«Редакторъ «Порядка» можетъ вполнѣ довольствоваться тою субсидіею, которую онъ получаетъ отъ редактора «Вѣстника Европы».
«Порядокъ», № 246.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Г. Стасюлевичъ въ цѣломъ видѣ.
Первая половинка г. Стасюлевича.
Вторая половинка г. Стасюлевича.
Г. Гинцбургъ.
Еврейская депутація.
Г. Евгеній Утинъ.
Лакей.
Собачка.

Мѣсто дѣйствія — кабинетъ редакціи «Порядка». Время — наши дни.

КАБИНЕТЪ РЕДАКТОРА «ПОРЯДКА».

Редакторъ суетливо ходитъ кругомъ огромнаго письменнаго стола, приводитъ въ порядокъ и обметаетъ метелкой различныя разложенныя на немъ вещи: чернильницы, перья, карандаши, пачку сложенныхъ аккуратно нумеровъ газеты и т. д.

РЕДАКТОРЪ садясь въ кресло и глубоко вздыхая.

Уфъ, усталъ, изморился... Кажется, все въ по-

рядкѣ? Нигдѣ ни пылинки! (Оглядываетъ внимательно столъ). Э-э! Это что такое? На статьѣ нашего перваго публициста Григорія Градовскаго грязь! Откуда эта грязь! Это все «люди» заносятъ. Ахъ, Россія, бѣдная, дикая Россія! У тебя даже прислуги нѣтъ такой, какая есть у просвѣщеннаго Запада. Тамъ, въ Европѣ лакеи... Боже, что это за образцовые лакеи! Право, если напримѣръ, тамошняго лакея посадить за редакторскій столъ, такъ солиднѣе и благороднѣе, да и либеральнѣе на видъ, чѣмъ я. Да. А у насъ? Вотъ принялъ статью и тотчасъ же на ней развелъ грязь.

Въ раздраженіи звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ лакей.

ЛАКЕЙ.

Чего извольте-съ?

РЕДАКТОРЪ, беретъ со стола статью г. Григорія Градовскаго и суетъ подъ носъ лакею.

Это что такое?!

ЛАКЕЙ.

Статья господина Градовскаго.

РЕДАКТОРЪ.

Я вижу, что статья господина Градовскаго. А это что на ней?

ЛАКЕЙ.

Это грязь-съ.

РЕДАКТОРЪ.

Откуда же она?

ЛАКЕЙ.

Не могу знать-съ: они всегда статьи съ грязью приносятъ.

РЕДАКТОРЪ.

Какъ съ грязью? Не можетъ быть!

ЛАКЕЙ.

Вѣрно-съ.

РЕДАКТОРЪ.

Ну, если и такъ, то ваше дѣло счищать грязь съ статей.

ЛАКЕЙ.

Я счищалъ-съ. Никакъ невозможно счистить-съ. Съ ихнихъ статей-съ, да вотъ еще съ тѣхъ-съ, что жиды эти носятъ къ намъ, грязь никакимъ способомъ не сходитъ.

РЕДАКТОРЪ.

Вздоръ! Это оттого, что вы русскій слуга, вамъ и кажется, что не сходитъ. А я вотъ европейскій слуга... то есть, я хотѣлъ сказать: я европейскій редакторъ... Ну, ступайте: принесите мнѣ собачку.

Лакей уходитъ и, возвратившись, приноситъ собачку «Европочку», происходящую по прямой линіи отъ «Зюзишки» гоголевскаго «дѣлового человѣка».

РЕДАКТОРЪ, взявъ «Европочку» на колѣни и отпустивъ лакея величественнымъ жестомъ.

Ну, теперь пора заняться руководительствомъ

русскаго общественнаго мнѣнія и проведеніемъ въ массы либерализма... (Собачкѣ) Здравствуй, «Европочка», здравствуй! Вотъ я тебѣ бумажку на хвостъ навяжу.

Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку. Собачка начинаетъ бѣгать вокругъ редакторскаго стола, редакторъ за ней, мимоходомъ все-таки метелкой смахивая пыль на столѣ. Вдругъ полъ кабинета разверзается и оттуда появляется еврейская депутація съ г. Гинцбургомъ во главѣ.

ХОРЪ ЕВРЕЙСКОЙ ДЕПУТАЦІИ.

Услышь, услышь еврейскій гласъ:
Въ объятья смѣло къ намъ теки,
Прими субсидію отъ насъ
И «вящшимъ жаромъ возгорясь»,
Пиши въ недѣлю восемь разъ
За кабаки, за кабаки!

РЕДАКТОРЪ, оставляя собачку и приходя въ волненіе.

Принять иль нѣтъ? Я въ лихорадкѣ...
Чтобы газету издавать
И либерально и въ порядкѣ
Не дурно было бы принять...
Газета не даетъ доходу —
Одинъ убытокъ — фактъ таковъ...
Притомъ отстаивать свободу
Домовъ веселья, кабаковъ
Для доктринера-либерала
Предосудительно-ль? — Ни мало!
Россійскій кровный либералъ
Ни въ чемъ не терпитъ запрещенья,
И ради западныхъ «началъ»

Готовъ сноить все населенье,
Согласенъ русскій весь народъ
Отдать жидамъ на расхищенье...
Все это взявъ въ соображенье,
Принять субсидію — разсчетъ!

Хочетъ уже обратиться къ депутаціи для принятія субсидіи. Г. Гинцбургъ коварно и довольно улыбается и любезно протягиваетъ руку къ своему боковому карману. Вдругъ происходитъ нѣчто невѣроятное: г. Стасюлевичъ раздѣляется на двѣ половины — на редактора «Порядка» и на редактора «Вѣстника Европы».

ВТОРАЯ ПОЛОВИНКА Г. СТАСЮЛЕВИЧА.

«Принять субсидію разсчетъ»,
Вы говорите — такъ, но вотъ
Въ чемъ затрудненье тутъ отчасти:
Въ «безцеремонной, грубой части
Печати нашей» крикъ пойдетъ;
Въ лицо намъ тотчасъ бросятъ кличку:
«Подкупленный Искаріотъ!» —
Вѣдь рѣзкость тамъ вошла въ привычку...
Не лучше ли, «Порядка» мужъ,
Идей свободы провозвѣстникъ,
Коль для газеты должный кушъ
Отдѣлитъ вамъ «Европы Вѣстникъ»?

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНКА Г. СТАСЮЛЕВИЧА въ восторгѣ бросается на шею второй половинки.

Вы ангелъ, душка, прелесть, пай!

Захлебывается отъ умиленія, но вдругъ, увидѣвъ, что г. Гинцбургъ сдѣлалъ строгую мину, блѣднѣетъ, освобождается

изъ объятій второй половинки и горестно говоритъ, указывая на еврейскую депутацію:

Но какъ оставить ихъ въ обидѣ,
Не взявъ предложенныхъ субсидій?

ВТОРАЯ ПОЛОВИНКА Г. СТАСЮЛЕВИЧА, находчиво.

Ахъ, мы возьмемъ въ иномъ лишь видѣ:
Они внесутъ въ «Порядокъ» пай.

Всѣ приходятъ въ восхищеніе — и еврейская депутація и обѣ половинки г. Стасюлевича; начинаютъ общій оживленный канканъ и поютъ:

Все устроилось въ порядкѣ:
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ»!

* *
*

Отъ Невы и до Оки,
Отъ Одессы и до Гродно,
Процвѣтайте кабаки
Невозбранно и свободно!

* *
*

Все устроилось въ порядкѣ
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ»!

Съ неба низлетаетъ г. Евгеній Утинъ на крыльяхъ славы и, лучезарно улыбаясь, паритъ надъ головами канканирующихъ.

Г. ЕВГЕНІЙ УТИНЪ, торжественно.

Стойте крѣпче всѣ народы
За святой принципъ свободы!
Ахъ, ненадобно оковъ...
Для россійскихъ кабаковъ!

Занавѣсъ.

Эта фантастическая сцена графа Алексиса Жасминова, по соображеніямъ г. Спасовича, принадлежитъ сотруднику «Новаго Времени» г. Буренину. Всѣ исчисленныя оглашенія «Новаго Времени» о пожалованіи звѣзды св. Станислава, о томъ, что нынѣ покойный «Порядокъ» былъ органомъ Бліоховъ и Гинцбурговъ, и о томъ, что евреи имѣли пай въ капиталахъ, на которые издавался «Порядокъ», — все это ужасная и невыносимая клевета, коей честь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича посрамлена въ конецъ, а доброе имя отъято впредь до возвращенія онаго г. Стасюлевичу торжественно судомъ. Преступленіе подобнаго рода предусмотрѣно ст. 1535 уложенія, которую г. Спасовичъ и проситъ примѣнить къ обвиняемымъ отвѣтственному редактору «Новаго Времени» г. Федорову и сотруднику этой газеты г. Буренину, какъ воображаемому автору пьесы, написанной графомъ Алексисомъ Жасминовымъ.

По прочтеніи жалобы повѣреннаго частнаго обвинителя, на вопросъ предсѣдателя о виновности, обвиняемые виновными себя не признали, причемъ г. Буренинъ заявилъ, что стихи, подписанные псевдонимомъ Гр. Алексисъ Жасминовъ, писаны не имъ, а лицомъ не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго.

Повѣренный частнаго обвинителя обращается къ предсѣдателю съ просьбой о допросѣ вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля г. Суворина. Является г. Суворинъ.

Предсѣдатель. Г. Суворинъ, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу?

Свидѣтель Суворинъ. Мнѣ извѣстно, г. предсѣдатель, что настоящее дѣло — есть дѣло очень глупое и пустое, нестоющее выѣденнаго яйца дѣло.

Предсѣдатель. Объ этомъ позвольте судить суду.

Суворинъ. Совершенно согласенъ и противъ этого рѣшительно ничего не имѣю.

Предсѣдатель (обращаясь къ г. Спасовичу). Не найдете ли вы нужнымъ сами предложить вопросы свидѣтелю.

Прис. пов. Спасовичъ. Скажите, г. Суворинъ, вы вѣдь конечно знаете кто подъ какими псевдонимами пишетъ въ вашей газетѣ?

Суворинъ. Очень удивляюсь, что вы спрашиваете меня о томъ, что вамъ хорошо извѣстно: вѣдь вы сами печатались въ «Новомъ Времени», не подписывая своихъ статей и хотя едва ли кто узналъ бы васъ въ нихъ, такъ какъ вы провозглашали себя «сторонникомъ обрусенія», но я все-таки зналъ, что статьи эти принадлежатъ В. Д. Спасовичу.

Спасовичъ. Очень хорошо-съ, г. Суворинъ. Ну вотъ кто же пишетъ въ «Новомъ Времени» подъ псевдонимомъ гр. Алексисъ Жасминовъ?

Суворинъ. Разныя лица пишутъ.

Спасовичъ. Г. Буренинъ, напримѣръ?

Суворинъ. Да и Буренинъ въ числѣ прочихъ.

Спасовичъ. Такъ вотъ мы желаемъ знать, кто же именно скрылся подъ псевдонимомъ графа Алек-

сиса Жасминова, подписаннымъ подъ пьесой «Раздвоившійся Стасюлевичъ».

Суворинъ (улыбаясь). Экій какой вы любопытный, Владиміръ Даниловичъ. А я вотъ именно вамъ-то и не скажу.

Предсѣдатель. Это нужно знать суду, г. Суворинъ.

Суворинъ. Вовсе не нужно. Зачѣмъ суду знать кто подъ какимъ псевдонимомъ пишетъ въ «Новомъ Времени»? По моему, это дѣло гг. Ефремова и Пономарева, а вовсе не суда.

Предсѣдатель (съ важнымъ недоумѣніемъ). Кто такое Ефремовъ и Пономаревъ? Кажется, въ настоящемъ дѣлѣ Ефремовъ и Пономаревъ не участвуютъ?..

Суворинъ. Ефремовъ и Пономаревъ, это, г. предсѣдатель, извѣстные библіографы. Они знаютъ кто подъ какимъ псевдонимомъ писалъ назадъ тому сто лѣтъ и кто пишетъ въ настоящее время.

Предсѣдатель. Это къ дѣлу не относится.

Суворинъ. Совершенно съ этимъ согласенъ.

Предсѣдатель (Спасовичу). Г. повѣренный обвинителя, не имѣете ли вы спросить еще что нибудь у свидѣтеля?

Спасовичъ. Нѣтъ, г. предсѣдатель, не имѣю.

Предсѣдатель. Г. Суворинъ, вы можете садиться.

Суворинъ. Ничего не имѣю противъ этого, г. предсѣдатель, и даже радъ, потому что нахожу очень глупымъ бесѣдовать стоя съ лицами, кото-

рыя сидятъ и даже иногда спятъ въ судейскихъ креслахъ.

Спасовичъ. Г. Буренинъ, вы заявили здѣсь на судѣ, что авторъ пьесы «Раздвоившійся Стасюлевичъ» не вы, а кто-то другой. Кто же? Вы это знаете?

Подсудимый Буренинъ. Знаю.

Спасовичъ (быстро и ехидно, блеснувъ глазами черезъ очки). Такъ для чего же вы скрывали это на предварительномъ слѣдствіи?

Буренинъ. А для того, что мнѣ хотѣлось посмотрѣть, до какихъ предѣловъ могутъ дойдти въ преслѣдованіи печати такіе либералы и защитники «правоваго порядка», какъ вы и г. Стасюлевичъ. И я увидѣлъ даже то, чего не ожидалъ. По вашему настоянію, въ редакціи «Новаго Времени» былъ сдѣланъ обыскъ, и не доставало только, чтобы вы сами явились туда переодѣтымъ сыщикомъ.

Предсѣдатель (строго, но благородно). Г. Буренинъ, судъ проситъ васъ воздержаться отъ рѣзкихъ выраженій: здѣсь, въ этихъ священныхъ стѣнахъ, рѣзкія выраженія дозволяются только адвокатамъ, хотя и имъ лишь до извѣстной степени: собакой, напримѣръ, выругаться адвокатъ можетъ, ну, а родителей поминать и адвокату не дозволено на судѣ.

Буренинъ (добродушно улыбаясь). Я очень радъ, г. предсѣдатель, что это такъ.

Предсѣдатель. Ваша радость къ дѣлу, разбираемому здѣсь, не относится. Если вы знаете кто

настоящій авторъ статьи... статьи... (Останавливается, роясь въ дѣлѣ, лежащемъ передъ нимъ, ищетъ названія, но ничего не находитъ, ибо съ дѣломъ, очевидно, не ознакомился. Секретарь тихо подсказываетъ: «Раздвоившійся Стасюлевичъ»).

Предсѣдатель. Статья «Раздвоившійся... Спасовичъ». Такъ кто же настоящій авторъ этой статьи, г. Буренинъ?

Буренинъ. Настоящій авторъ... г. Стасюлевичъ настоящій авторъ.

Въ залѣ общее движеніе. Судьи и предсѣдатель въ изумленіи. Среди публики шепотъ: «Каковъ, однакожъ». У г. Спасовича слетаютъ очки съ носа. Въ группѣ адвокатовъ смятеніе: господинъ Евгеній Шутинъ упалъ въ обморокъ. Двое адвокатовъ изъ молодыхъ жидишекъ подбѣгаютъ къ нему и даютъ ему понюхать чесноку. Г. Шутинъ мгновенно приходитъ въ себя и неожиданно восклицаетъ на всю залу: «Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Евгенія». Всѣ конфузятся, даже предсѣдатель. Одна изъ нарумяненныхъ дамъ, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, посылаетъ воздушный поцѣлуй г. Хлыщевскому, который отвѣчаетъ неотразимымъ сверканіемъ очей; другая подобная же дама успѣваетъ нанять г. Прохвостандрова для защиты по дѣлу, касающемуся воспитанницъ какого-то «женскаго пансіона безъ древнихъ языковъ», какъ выражается г. Щедринъ, и тутъ же даетъ ему задатокъ пять рублей, притомъ безъ росписки; нѣко-

торые адвокаты, замѣтившіе это, смотрятъ на г. Прохвостандрова съ великою завистью.

Предсѣдатель. Вы утверждаете, г. Буренинъ, что настоящій авторъ пьесы «Раздвоившійся Стасюлевичъ» дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасюлевичъ? Но это невѣроятно. Какъ могъ онъ самъ на себя написать ядовитую шутку?

Буренинъ. Я самъ удивляюсь этому не меньше васъ, г. предсѣдатель. Но однако же это такъ. Г. Стасюлевичъ въ N 246 нынѣ скончавшагося «Порядка» перепечаталъ изъ газеты «Кіевлянинъ» слѣдующія строки: «Мы считаемъ умѣстнымъ сообщить слѣдующее достовѣрное извѣстіе: мы слышали, что редакторъ «Порядка» г. Стасюлевичъ, не довольствуясь субсидіей барона Гинцбурга, намѣренъ обратиться съ просьбой о пособіи къ г. Полякову». Коментируя это «достовѣрное» извѣстіе «Кіевлянина», г. Стасюлевичъ въ томъ же нумерѣ «Порядка» прибавилъ отъ себя: «Редакторъ «Порядка» можетъ вполнѣ довольствоваться тою субсидіей, которую онъ получаетъ отъ редактора «Вѣстника Европы». Извѣстіе «Кіевлянина» о шашняхъ г. Стасюлевича съ жидами, перепечатанное въ «Порядкѣ», и сообщеніе г. Стасюлевича, что онъ какъ бы раздваивается и что разныя его половинки получаютъ субсидіи одна отъ другой, послужили основнымъ мотивомъ для шуточной пьесы «Раздвоившійся Стасюлевичъ». Ва этомъ смыслѣ настоящимъ авторомъ этой пьесы я и признаю самого г. Стасюлевича, ибо онъ самъ же въ своей

газетѣ перепечаталъ изъ «Кіевлянина» и самъ сочинилъ то, что теперь повѣренный г. Стасюлевича въ своей жалобѣ называетъ клеветою и сочиненіе чего онъ приписываетъ графу Алексису Жасминову, и потомъ мнѣ. Графъ Алексисъ Жасминовъ обработалъ только въ шуточной, частью прозаической, частью стихотворной формѣ то содержаніе, которое любезно предложено ему самимъ редакторомъ «Порядка», и онъ никакъ не можетъ считаться авторомъ пьесы «Раздвоившійся Стасюлевичъ», а развѣ только компиляторомъ. Что касается до меня, то я ужь совсѣмъ не понимаю, почему меня г. Спасовичъ смѣшиваетъ съ гр. Алексисомъ Жасминовымъ. Моя фамилія Буренинъ, зовутъ меня Викторомъ, а не Алексисомъ, я совсѣмъ не графъ и даже не аристократическаго происхожденія, о чемъ въ жалобѣ упоминаетъ самъ г. Спасовичъ, называя меня «сыномъ художника»,— что справедливо, ибо я дѣйствительно сынъ художника, какъ дѣйствительно то, что г. Спасовичъ внукъ православнаго попа, — и «архитекторомъ», что не совсѣмъ справедливо, ибо я теперь такой же архитекторъ, какъ г. Спасовичъ польскій дѣятель. Правда, я занимался въ моей молодости архитектурою, какъ г. Спасовичъ въ молодости поляковалъ; правда, я и теперь имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія въ архитектурномъ искусствѣ и нѣкоторую склонность къ нему, подобно тому, какъ г. Спасовичъ имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ искусствѣ полякованія и нѣкоторую склонность къ полякованію, склонность,

по моему, очень курьезную въ отпрыскѣ православнаго попа и россійскомъ буржуа, проживающемъ на россійскія деньги. Все это такъ. Но, если смотрѣть въ корень дѣла, какъ выражается Кузьма Прутковъ, то въ данное время я такой же настоящій архитекторъ, какъ г. Спасовичъ «завзентый» полякъ. Я вотъ уже лѣтъ десять-пятнадцать считаю себя исключительно журналистомъ, ничѣмъ, кромѣ журналистики, не занимаюсь и охотно признаюсь въ этомъ во всеуслышаніе. Что касается г. Спасовича, то онъ тоже, кажется, лѣтъ пятнадцать считается «прелюбодѣемъ мысли и слова», но при этомъ очень старается изображать изъ себя доброхота поляковъ и Польши, претендуетъ даже въ нѣкоторомъ родѣ, если не на валенродизмъ, весьма не клеящійся съ его поповскимъ происхожденіемъ, то, по крайней мѣрѣ, на поддержаніе и проведеніе системы Велепольскаго. Впрочемъ, г. предсѣдатель, вѣдь все это, кажется, къ настоящему дѣлу не относится?

Предсѣдатель (который между тѣмъ слегка вздремнулъ, просыпаясь и зѣвая). А, что? что такое? Ну-да, конечно, это къ дѣлу не относится. И, смѣю вамъ сказать, это даже совсѣмъ изъ другой оперы.

Буренинъ. Я потому позволилъ себѣ все это высказать на судѣ, г. предсѣдатель, что недавно читалъ процессъ г. Пихно въ кіевскомъ окружномъ судѣ. Такъ вотъ въ этомъ процессѣ дѣло собственно шло о болотныхъ сапогахъ, а всѣ, — и повѣренный частнаго обвинителя, и самъ частный

обвинитель толковали о какой-то «политикѣ». Я не юристъ, я не знаю судебныхъ правилъ, и полагалъ, въ виду этого примѣра, что на судѣ въ наше либеральное время можно говорить обо всемъ, что взбредетъ на умъ; я полагалъ, что теперешніе судьи охотно слушаютъ всякія рѣчи, лишь бы только онѣ отдавали либеральнымъ ароматомъ.

Предсѣдатель. Да, но именно вотъ при этомъ послѣднемъ условіи, А вы... (опять зѣваетъ). Впрочемъ, довольно... Г. повѣренный частнаго обвинителя, неугодно ли вамъ начать обязательный актъ «прелюбодѣйства мысли и слова».

Прис. пов. Спасовичъ. Гг. судьи. Настоящее дѣло, какъ выразился свидѣтель Суворинъ, дѣло глупое, пустое, не стоющее выѣденнаго яйца дѣло. Я согласенъ, совершенно согласенъ въ этомъ съ свидѣтелемъ Суворинымъ. Дѣйствительно, вглядываясь въ основную постройку этого дѣла, освободивъ эту постройку отъ загромождающихъ ее лѣсовъ журнальной полемики, газетныхъ столкновеній и партій, газетныхъ вопросовъ, мы видимъ ясно, что эта постройка въ юридическомъ смыслѣ поставлена на пескѣ, что она не имѣетъ никакого прочнаго юридическаго фундамента, что стоитъ только дунуть на него дыханію здраваго смысла и справедливости и она разлетится въ одно мгновеніе. Въ юридическомъ отношеніи это домикъ, подобный тѣмъ карточнымъ домикамъ, какіе для забавы строятъ дѣти. Это такъ, это вѣрно и я этого не отрицаю, а, напротивъ, подтверждаю. Въ самомъ

дѣлѣ, гг. судьи, попробуйте серьезно и пристально вникнуть въ то обвиненіе, которое мы, т. е. дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасюлевичъ и я, его наемный, купленный имъ повѣренный, предъявляемъ къ редакціи и сотруднику газеты «Новое Время». Мы обвиняемъ газету въ клеветѣ, прилагая къ ней статью 1535. Прежде всего, это съ нашей стороны ошибка, большая ошибка, но ошибка, такъ сказать, вынужденная, невольная. Намъ слѣдовало бы возбудить обвиненіе не въ клеветѣ, а въ диффамаціи, намъ слѣдовало бы прилагать къ подсудимымъ не 1535 статью, а статьи 1039 и 1040 уложенія. Эти двѣ статьи, какъ вы знаете, гг. судьи, весьма удобны въ такого рода дѣлахъ, онѣ какъ бы созданы противъ печатной гласности, изобличающей не только журнальную глупость, но часто и хищеніе и пройдошничество. Эти двѣ статьи — я позволю себѣ, гг. судьи, нѣкоторое образное уподобленіе — есть клинъ, клинъ похожій на тотъ, который во времена пытокъ засовывали въ ротъ преступникамъ, выводимымъ на казнь. Ловкій и опытный мастеръ обвинительнаго дѣла, ловкій палачъ-адвокатъ въ родѣ моихъ знаменитыхъ сотоварищей, Лохвицкаго, Александрова, такой адвокатъ безъ всякаго труда можетъ заткнуть этотъ клинъ въ ротъ любому журналисту, за любую статью, разоблачающую глупость или мерзость его журнальнаго противника, или какого нибудь общественнаго хищника, — можетъ заткнуть ему ротъ и приволочить его въ тюрьму. Вы знаете, гг. судьи, что про-

тивъ диффамаціи я рѣзко писалъ въ «С.-Петерб. Вѣд.», подъ псевдонимомъ Кирши Данилова и что потомъ этимъ клиномъ диффамаціи пользовался и я самъ и притомъ съ успѣхомъ пользовался въ дѣлѣ Крылова. Вы конечно не думаете, что я на столько недогадливъ, на столько неопытенъ въ сутяжничествѣ и адвокатскомъ каверзничествѣ, что забылъ эту статью о диффамаціи, что упустилъ изъ виду ея выгодность въ настоящемъ дѣлѣ. Нѣтъ, я и мой довѣритель не забыли прекрасную дочь кляузы, милую намъ диффамацію; но мы не могли воспользоваться въ данномъ случаѣ услугами этой прелестной и всегда благосклонной кляузникамъ и ихъ довѣрителямъ особы. Мы не могли воспользоваться ея услугами потому, что тогда насъ, т. е. меня и моего довѣрителя дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича, прямо поставили бы въ компанію сомнительныхъ дамъ и «лакомыхъ вдовъ», изобличаемыхъ въ распутствѣ, въ рядъ интендантскихъ и всякихъ иныхъ хищниковъ, въ рядъ всевозможнаго рода безшабашныхъ прохвостовъ, обижающихся обыкновенно на печатныя разоблаченія ихъ постыдныхъ дѣяній. При всемъ удобствѣ для настоящаго дѣла стоять въ компаніи именно такого рода лицъ, мы не можемъ, не въ состояніи этого сдѣлать. Почему не можемъ, гг. судьи? Потому что мы россійскіе либералы, т. е. такіе люди, которымъ нужно и капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти. Вотъ отчего я и мой довѣритель, д. ст. сов. Стасюлевичъ, отказываемся отъ

обвиненія подсудимыхъ въ диффамаціи, пренебрегаемъ ст. ст. 1039 и 1040 улож. и прибѣгаемъ къ ст. 1535, обвиняемъ въ клеветѣ.

Но, прибѣгнувъ къ указанной статьѣ, гг. судьи, мой довѣритель, д. ст. сов. Стасюлевичъ, въ данномъ случаѣ — я употребляю вульгарное выраженіе, выраженіе толпы — долженъ остаться на бобахъ. По точному смыслу 1535 ст., — какъ гласитъ уложеніе, — въ составъ законнаго понятія о клеветѣ входитъ, какъ главный признакъ этого преступленія, «обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести». Какія же дѣянія, противныя правиламъ чести, приписаны моему довѣрителю «Новымъ Временемъ»? Ему приписана правительственная награда — звѣзда св. Станислава, которую онъ въ дѣйствительности не получилъ, но получивъ которую, конечно, былъ бы доволенъ, ибо для всякаго дѣйств. ст. сов., да еще либеральнаго, звѣзда — это, можно сказать, манна. Вы не станете этого отрицать, гг. судьи, такъ какъ многіе изъ васъ точно также не отказались бы отъ звѣзды и въ тайнѣ души жаждутъ ея, несмотря на свой либерализмъ, или сказать точнѣе, именно по причинѣ своего либерализма. Идемъ дальше, гг. судьи. «Новое Время», со словъ другихъ газетъ, печатаетъ, что газета «Порядокъ», издаваемая г. Стасюлевичемъ, есть органъ Гинцбурговъ и Блюховъ. Положимъ это не такъ, положимъ покойный «Порядокъ» былъ органомъ исключительно моего довѣрителя, органомъ, въ которомъ онъ проводилъ —

я опять употреблю выраженіе вульгарное, грубое, даже пошлое, но мѣткое выраженіе, гг. судьи — проводилъ ту либеральную «трень-брень съ горонікомъ», которую такъ любятъ всѣ литературные дѣйств. стат. совѣт., особенно изъ умѣренныхъ и аккуратныхъ посредственностей. Я этого не отрицаю, гг. судьи, я подтверждаю это здѣсь на судѣ. Но что-жъ изъ этого? Развѣ приписывая участіе въ «Порядкѣ» гг. Бліоху и Гинцбургу, «Новое Время» приписывало этимъ Стасюлевичу что-либо противное правиламъ чести? Если бы «Новое Время» напечатало, напримѣръ, что мой довѣритель допускаетъ въ «Порядкѣ» участвовать Видоку и Картушу — вотъ это было бы преступленіе противъ статьи 1535, это была бы та клевета, главнымъ признакомъ которой законъ считаетъ безчестіе того, на кого она обращена. Но, гг. судьи, вы безъ труда согласитесь, что Гинцбургъ и Бліохъ вовсе не похожи на гг. Видока и Картуша. Даже напротивъ, гг. судьи! Это очень почтенные мужи, изъ которыхъ первый, Орасъ Гинцбургъ, близкій другъ г. Стасюлевича, въ чемъ онъ сознается самъ, а второй писалъ серьезныя статьи и печаталъ ихъ въ «Вѣстникѣ Европы», доселѣ издаваемомъ другой половинкой моего довѣрителя, какъ выразился обвиняемый Буренинъ, тождество котораго съ графомъ Жасминовымъ мы стараемся установить. Правда, и г. Гинцбургъ, и г. Бліохъ — евреи. Такъ что же такое? Я говорилъ и повторяю еще: это почтенные евреи и нѣтъ ничего противнаго пра-

виламъ чести въ томъ, что Стасюлевичъ, какъ утверждало «Новое Время» со словъ «Востока», «Кіевлянина» и «Московскихъ Вѣдомостей», дозволялъ имъ участвовать въ своей газетѣ. Если это противно правиламъ чести, то зачѣмъ же мой довѣритель считаетъ своимъ близкимъ другомъ барона Ораса Гинцбурга, зачѣмъ онъ гласно признается въ этомъ? Разъ признавъ безчестіемъ какое бы то ни было сношеніе съ евреями, легко, гг. судьи, признать безчестнымъ и сношеніе съ лицами другихъ національностей, напримѣръ сношеніе съ поляками. А нужно ли доказывать, что это было бы ужь не только не великодушно, но даже политически грѣшно по отношенію къ несчастному народу, одно воспоминаніе о которомъ тяготитъ совѣсть каждаго гуманнаго русскаго тяжкимъ сознаніемъ «историческаго преступленія»... Конечно, гг. судьи, поляки не евреи и евреи не поляки, но и та и другая нація имѣютъ черты родственныя, сходныя, общія. Обѣ націи несчастны, гонимы, обѣ считаютъ мучениковъ и великихъ геніевъ сотнями, обѣ разсѣяны по всей землѣ и благороднѣйшіе представители обѣихъ націй, по выраженію Гейне, нерѣдко имѣютъ только «двѣ сорочки и носки» и одну общую, братски дѣлимую въ изгнаніи, вошь...

Предсѣдатель. Кажется, это не относится къ настоящему дѣлу, г. Спасовичъ...

Прис. пов. Спасовичъ. (Отираетъ фальшивый потъ съ будто бы воспламененнаго чела). Прошу извиненія у суда: я увлекся чувствами, которыя —

хотя я русскаго поповскаго происхожденія, какъ справедливо утверждаетъ подсудимый Буренинъ, — мнѣ были сродны всегда и сродны болѣе чѣмъ когда-либо теперь, когда возникъ вопросъ о примиреніи Польши и Россіи, объ извиненіи, такъ сказать, русскихъ передъ поляками... Помянутая мною сейчасъ, братски дѣлимая изгнанниками вошь — это символъ того мученичества и той склонности къ сердечному единенью, которыя...

Предсѣдатель. Вы снова отвлекаетесь въ сторону, г. Спасовичъ. Я вполнѣ понимаю состояніе вашей души, но, смѣю вамъ сказать, обязанъ васъ остановить и попросить перейти отъ символической вши къ дѣлу.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу, гг. судьи, къ третьему преступленію «Новаго Времени»: къ сообщенію этой газетой о томъ, что евреи, или жиды, имѣли пай въ капиталахъ, на которые издавался покойный «Порядокъ». Мы, т. е. я и мой довѣритель, называемъ это сообщеніе о жидовскихъ паяхъ клеветой. Но въ сущности это сообщеніе юридически можетъ считаться клеветой въ такой же мѣрѣ, какъ и сообщеніе о литературномъ участіи въ «Порядкѣ» гг. Гинцбурговъ и Бліоховъ. Сдѣлаемъ предположеніе, гг. судьи, предположеніе невозможное, воображаемое, коли хотите курьезное, но выразительное: представимъ себѣ, что всѣ евреи пайщики дѣйствительнаго статскаго сов. Стасюлевича суть Іуды Искаріотскіе и Иродіады, что всѣ эти Іуды и Иродіады участвуютъ въ матеріальной

части изданія его газеты, получаютъ выгоды отъ изданія, или вѣрнѣе, несутъ убытки, такъ какъ покойный «Порядокъ» по малому числу подписчиковъ давалъ только одни убытки. Спрашиваю, гг. судьи: было ли бы со стороны моего довѣрителя дурнымъ дѣломъ пользоваться для своей газеты, посвященной честному служенію либерализму и настойчивой пропагандѣ «правового порядка», средствами Іудъ Искаріотскихъ и Иродіадъ? Не только не было бы дурнымъ дѣломъ, а даже превосходнымъ, ибо деньги, нажитыя Искаріотами и Иродіадами, онъ употребилъ бы на добро и въ данномъ случаѣ, при убыточномъ изданіи газеты, Искаріоты и Иродіады были бы наказаны за свою алчность тѣмъ, что вмѣсто выгоды отъ изданія, они, такъ сказать, пріобрѣли бы одинъ шишъ. Спрашиваю: было ли бы это дѣяніе противно правиламъ чести? Нисколько не противно правиламъ чести, по крайней мѣрѣ общепринятымъ правиламъ. Развѣ нельзя занять деньги у самаго подлаго ростовщика, у самаго гнуснаго Шейлока, для употребленія этихъ денегъ, напримѣръ, на дѣло благотворенія или просвѣщенія меньшихъ братьевъ? Помилуйте, гг. судьи, не только частныя лица, но даже правительства великихъ европейскихъ державъ не гнушаются подобными займами у европейскихъ банкировъ и не считаютъ дѣяніемъ противнымъ правиламъ чести подобнаго рода займы. Въ какомъ же смыслѣ могъ считать мой довѣритель безчестящею его клеветою сообщеніе «Новаго

Времени» о томъ, что евреи имѣютъ въ «Порядкѣ» пай? Онъ могъ признать такое сообщеніе только невѣрнымъ извѣстіемъ и напечатать опроверженіе невѣрнаго извѣстія. Онъ въ дѣйствительности и сдѣлалъ это, заявивъ въ 248-мъ нумерѣ «Порядка», что онъ издаетъ газету исключительно на свой собственный счетъ. «Новое Время» не пропустило безъ вниманія это заявленіе и съ своей стороны обнаружило любезную готовность содѣйствовать распространенію извѣстія о томъ, что собственныя деньги г. Стасюлевича, а не жидовскія, расходуются на изданіе «Порядка». Помянутая готовность явствуетъ изъ слѣдующаго великодушнаго предложенія, напечатаннаго въ № 1988 «Новаго Времени»: «Мы готовы простереть свою любезность до того, что будемъ ежедневно печатать такъ: «Порядокъ», издающійся на собственныя деньги г. Стасюлевича». Правда, на другой же день въ «Новомъ Времени» напечатана была сатирическая шутка графа Алексиса Жасминова подъ заглавіемъ «Раздвоившійся Стасюлевичъ», въ которой снова говорилось о паяхъ, принятыхъ отъ жидовъ одной половинкой г. Стасюлевича. Это шутка колкая, обидная и довольно рѣзко и безцеремонно осмѣивающая разныя либеральныя тревоги моего довѣрителя и его смѣшную заботливость убѣдить публику во что бы то ни стало, что онъ защищаетъ въ своемъ «Порядкѣ» свободу кабаковъ въ Россіи вовсе не для евреевъ, вовсе не потому, что издаетъ газету на еврейскія деньги, а потому что великая и единая спасающая

либеральная доктрина и «правовой порядокъ» требуютъ полной и невозбранной свободы для всего и въ томъ числѣ для спаиванія русскаго народа, для вольной и безпрепятственной эксплоатаціи его кѣмъ угодно: кулаками, евреями, благородными землевладѣльцами, либеральными дѣйствительными статскими совѣтниками, словомъ всевозможной явной и замаскированной шушерой. Сатирическая шутка графа Жасминова, повторяю, рѣзка, даже груба. Но гг. судьи, сатира, особенно торопливая, вызванная разными скоропреходящими злобами дня, журнальная сатира очень часто бываетъ рѣзка и груба. Я сошлюсь на примѣръ нашего великаго отечественнаго сатирика, нашего современнаго русскаго Свифта: онъ почти ежемѣсячно заявляетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», что сидитъ въ секретномъ кабинетѣ, сравниваетъ запахъ современной дѣйствительности съ запахомъ, ощущаемымъ имъ въ названномъ неприличномъ мѣстѣ, сравниваетъ русское общество съ свиньею, купающеюся въ грязной лужѣ, сыплетъ по адресу разныхъ преслѣдуемыхъ его сатирою субъектовъ эпитеты: негодяевъ, прохвостовъ, мерзавцевъ, курицыныхъ дѣтей и т. д. Если вамъ, гг. судьи, мало этого примѣра, я приглашаю васъ взглянуть на иностранную сатиру: тамъ не только журналистовъ, но даже государственныхъ дѣятелей, столповъ власти, безцеремонно поносятъ, безцеремонно изображаютъ въ самыхъ дурацкихъ, въ самыхъ смѣшныхъ и обидныхъ образахъ: Гамбетту въ видѣ разжирѣвшаго борова, Глад-

стона въ видѣ быка или осла и т. п. И что же однако? Гамбетта и Гладстонъ не подаютъ въ судъ жалобы, что они оклеветаны въ печати, что печать ихъ лишаетъ «чести и добраго имени», изображая и расписывая животными, тогда какъ они люди. Правда, мнѣ могутъ возразить, что Гамбетта и Гладстонъ дѣйствительно люди и даже люди исключительныхъ дарованій, исключительнаго ума, исключительнаго вліянія, что они дѣйствительно призванные общественные дѣятели; что, съ другой стороны, наши обижающіеся на печатную сатиру журналисты, редакторы, бюрократы, шуллера либеральной адвокатуры, эскамотаторы шаблоннаго либерализма и прогресса, лакомыя вдовы, интенданты, у которыхъ рыльце въ пуху, концессіонеры и банковые дѣятели, готовые не сегодня завтра провороваться — словомъ, всякаго рода дрянные и ничтожные людишки уже по самой своей ничтожности должны обижаться, дрожать за свое мнимое доброе имя и честь, которыхъ они могутъ быть лишены навсегда малѣйшей сатирической насмѣшкой въ печати. Такое возраженіе имѣетъ долю справедливости, гг. судьи, я не стану отрицать этого. Но вѣдь за то же нашихъ, обижающихся всякою печатною шуткою, всякимъ сатирическимъ изображеніемъ людишекъ и не бичуютъ такъ рѣзко и жестоко въ русской журналистикѣ, какъ бичуютъ крупныхъ людей, настоящихъ общественныхъ дѣятелей въ европейской. Возьмите, гг. судьи, хотя бы данный случай: мой довѣритель, дѣйств. стат. совѣтникъ Стасюлевичъ,

въ сатирической шуткѣ графа Жасминова выставленъ сравнительно не въ особенно шутовскомъ видѣ: авторъ шутки изображаетъ Стасюлевича, какъ либеральнаго редактора, сходнымъ съ гоголевскимъ «дѣловымъ человѣкомъ», навязывающимъ бумажку на хвостъ собачки «Зюзюшки», онъ заставляетъ его раздвоиться на двѣ половинки, танцовать канканъ съ фантастической еврейской депутаціей и т. д. Все это — оставивъ въ сторонѣ вопросъ насколько это остроумно, вопросъ, суда не касающійся — все это очень невинно, хотя, конечно, и обидно до нѣкоторой степени. Но, гг. судьи, сатирическая обида, сатирическая насмѣшка и шутка развѣ это клевета, какъ ее понимаетъ законъ? Если бы это было такъ, если бы законъ отождествлялъ съ печатной клеветой печатную сатирическую шутку, то цензурное вѣдомство не разрѣшало бы никакихъ спеціально сатирическихъ изданій. Но такія изданія не только разрѣшаются, но, благодаря Бога, имѣютъ возможность пользоваться тою рентою съ осмѣиваемыхъ ими глупцовъ, которая, по увѣренію Гейне, есть прямое право сатирическихъ писателей, завѣщанное имъ еще Аристофаномъ.

Я полагаю, гг. судьи, что вопросъ о невозможности примѣненія статьи 1535 уложенія къ тѣмъ печатнымъ сообщеніямъ и сатирическимъ шуткамъ, касающимся моего довѣрителя, д. ст. сов. Стасюлевича, которыя появились два года тому назадъ въ «Новомъ Времени» — я полагаю, этотъ вопросъ совершенно исчерпанъ. Я имѣлъ честь доказать

здѣсь на судѣ совершенно ясно, что, какъ я выразился, въ юридическомъ отношеніи по настоящему дѣлу и я, и мой довѣритель должны «остаться на бобахъ». Возникаетъ теперь невольно, неизбѣжно возникаетъ другой вопросъ: ради чего же мы вчинаемъ это пустое, и въ юридическомъ смыслѣ, даже шутовское дѣло? Ради чего дѣйств. статскій совѣтникъ Стасюлевичъ прибѣгаетъ къ суду, ради чего онъ тратитъ, повидимому, даромъ деньги, нанимаетъ меня, знаменитаго «прелюбодѣя мысли и слова» и притомъ нанимаетъ за порядочный кушъ, ибо малыхъ кушей я, какъ знаменитость, не беру? Ради чего, наконецъ, я самъ рѣшаюсь срамиться въ качествѣ повѣреннаго по дѣлу, въ юридическомъ, общественномъ и моральномъ смыслѣ глупому, шутовскому и скажу даже прямо постыдному? На какой рычагъ мы думаемъ опереться, чтобы это, очевидно, безнадежное во всѣхъ отношеніяхъ, глупое и постыдное дѣло не только обратилось въ нашу пользу, но въ концѣ концовъ оказалось бы способствующимъ къ вящшему торжеству либеральнаго прогресса, дорогого моему сердцу, и сердцу моего довѣрителя, д. ст. совѣт. Стасюлевича? Я буду имѣть честь, гг. судьи, сейчасъ же отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Рычагъ, которымъ я и мой довѣритель намѣрены дать поворотъ настоящему дѣлу въ указанномъ смыслѣ — есть, гг. судьи, великій рычагъ всякаго движенія и развитія въ нашемъ отечествѣ за послѣднее время. Этотъ великій рычагъ — либераль-

ный скандальчикъ! (Въ публикѣ взрывъ рукоплесканій. Предсѣдатель, подождавъ минутъ пять, начинаетъ звонить и затѣмъ произноситъ публикѣ казенное увѣщаніе о неумѣстности апплодисментовъ въ стѣнахъ суда). Да, гг. судьи, либеральный скандальчикъ — это два знаменательныхъ слова, которыя играютъ великую роль въ наше время и, благодаря намъ, представителямъ интеллигентно-либеральной партіи, производятъ въ нашемъ отечествѣ невѣроятныя вещи. Либеральнымъ скандальчикомъ у насъ можно достигнуть всего: провести какую угодно пакость, опозорить и обезчестить какого угодно честнѣйшаго дѣятеля и какое угодно благое дѣло, достигнуть извѣстности, славы, почетнаго положенія, денегъ, чего хотите, словомъ. Именно ради либеральнаго скандальчика я и мой довѣритель и предприняли походъ противъ «Новаго Времени» въ судѣ, ради его мы заварили пустое и глупое дѣло, разбираемое теперь вами съ тѣмъ сочувствіемъ, вниманіемъ и высокимъ уваженіемъ къ адвокатской болтовнѣ, какими вы, гг. фантастическіе судьи, нерѣдко отличаетесь при разсмотрѣніи дѣлъ съ подкладкой либеральнаго скандальчика. Иное отношеніе къ подобнаго рода дѣламъ, впрочемъ, и немыслимо со стороны столь просвѣщенныхъ и либеральныхъ россіянъ, ибо вами въ этомъ случаѣ руководитъ глубокое и благородное сознаніе, что посредствомъ либеральныхъ скандальчиковъ россійская интеллигенція легко, постепенно и вѣрно завоевываетъ себѣ тотъ «правовой

порядокъ», котораго она такъ жаждетъ; легко, постепенно и вѣрно достигаетъ того западно-буржуазнаго прогресса, который, по мнѣнію всѣхъ частныхъ школъ правовѣдѣнія, давно устроенныхъ у насъ въ ресторанахъ Бореля и Дюссо, составляетъ верхъ благополучія для каждой истинно европейской націи. И вотъ въ несомнѣнной надеждѣ, что все ваше сочувствіе принадлежитъ въ настоящемъ дѣлѣ возбудителямъ либеральнаго скандальчика, т. е. моему довѣрителю и мнѣ, въ несомнѣнной надеждѣ, что вы — смѣю такъ выразиться — не дерзнете взять сторону нашихъ противниковъ уже по тому одному, что они въ то же время противники либерально-скандалезнаго прогресса, я рѣшился съ легкимъ сердцемъ предстать передъ вами въ качествѣ повѣреннаго по глупому, пустому и въ юридическомъ отношеніи даже безсмысленному дѣлу. Если бы вы, гг. судьи — простите мою новую дерзость: она вызвана, какъ вы хорошо понимаете, чувствомъ уваженія къ вамъ — если бы вы осмѣлились стать на сторону «Новаго Времени» въ его борьбѣ съ «Порядкомъ», съ г. Стасюлевичемъ, наконецъ съ такимъ славнымъ и знаменитымъ криминалистомъ-сутягою, какъ я, если бы вы осмѣлились сдѣлать это, гг. фантастическіе судьи, что̀ сказало бы о васъ тогда общественное мнѣніе всей либеральной и интеллигентной Россіи? Оно сказало бы, что вы — я страшусь произнести постыдное слово — что вы ретрограды!! (Въ публикѣ шопотъ одобренія). И «мнѣніе» было бы вполнѣ право: ибо

въ случаѣ непринятія справедливыхъ хотя пустыхъ, глупыхъ и шутовскихъ протестовъ г. Суворина на «Новое Время», либеральный скандальчикъ не удался бы и Россія была бы лишена возможности пройти одну ступень по пути къ прогрессу и «правовому порядку». Да, гг. судьи, покуда существуетъ какая-нибудь возможность «Новому Времени» безнаказанно выводить на свѣжую воду и осмѣивать либеральствующихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ какъ журнализма, такъ равно и бюрократіи, жидовствующихъ редакторовъ, торгующихъ совѣстью и честью адвокатовъ, сквалящихъ народъ жидовъ и жидовекъ, вообще шулерничающихъ въ политическомъ, моральномъ и общественномъ смыслѣ разныхъ прохвостовъ интеллигенціи; покуда существуетъ возможность печатно лишать «чести и добраго имени» д. ст. совѣтниковъ, играющихъ въ руку жидамъ, — покуда, говорю я, существуетъ такая возможность для «Новаго Времени», либеральный прогрессъ въ нашемъ отечествѣ немыслимъ и либеральные скандальчики не могутъ имѣть того благодѣтельнаго дѣйствія, какое они должны имѣть. Если лучшая, «благородная часть», — какъ однажды мѣтко выразился мой знаменитый собратъ г. Александровъ — нашей журналистики не въ силахъ бороться съ этимъ, столько же распространеннымъ, сколько зловреднымъ изданіемъ, если она не въ состояніи парализовать его силу, то, гг. судьи, вы должны, вы обязаны словомъ закона пресѣчь, или по край-

ней мѣрѣ ослабить возможность того вреда, который «Новое Время» нанесло не только покойному «Порядку», скончавшемуся въ малѣ, но и вообще наноситъ прогрессу и «правовому порядку». Совершите же актъ наказанія ретроградно-журнальнаго порока въ лицѣ двухъ представителей «Новаго Времени», сидящихъ здѣсь передъ нами на скамьѣ подсудимыхъ,— въ лицѣ Федорова и Буренина, и почтите либерально-журнальную добродѣтель въ лицѣ моего довѣрителя д. ст. совѣтника Стасюлевича, возвратите ему отнятыя у него вотъ уже два года честь и доброе имя — и вамъ воздастъ хвалы не только вся интеллигентная Россія, но даже Европа! Я кончилъ, гг. судьи».

Въ мѣстахъ для зрителей неописанное волненіе: отъ рукоплесканій содрогаются стѣны судебной залы. Мужчины махаютъ шляпами. Дамы платками и шляпками. Одна изъ дамъ даже отъ восторга начинаетъ снимать юбки, другая перепрыгиваетъ за рѣшетку, бросается на шею г. Хлыщевскому и кричитъ: «нѣтъ, въ этотъ торжественный моментъ, душончикъ, я хочу узнать полное, полное счастіе!» Г. Хлыщевскій тщетно выбивается изъ неожиданныхъ объятій; двое судебныхъ приставовъ прибѣгаютъ къ нему на помощь, но не могутъ рознять рукъ дамы; приходится вмѣстѣ съ г. Хлыщевскимъ вынести ее изъ залы суда. Многіе жиды отъ необыкновеннаго восторга икаютъ и наполняютъ залу ароматомъ чеснока. Предсѣдатель не знаетъ, что дѣлать: неистово звонитъ, кри-

чить, пробуетъ самъ себя поднять за лысину на воздухъ; все тщетно; наконецъ, онъ объявляетъ перерывъ засѣданія и выбѣгаетъ вмѣстѣ съ судьями вонъ изъ залы. По уходѣ предсѣдателя и судей, начинается нѣчто невообразимое: г. Спасовича лобзаютъ, качаютъ, поздравляютъ, благодарятъ; раздаются визгъ, гамъ, рыданія, апплодисменты и т. п.

Прерванное засѣданіе возобновляется только черезъ часъ, когда публика, наконецъ, успокоилась и пришла въ себя. Предсѣдатель, прочтя публикѣ приличное наставленіе за безпорядокъ въ судѣ, обращается къ повѣренному частнаго обвинителя.

Предсѣдатель. Въ вашей образцовой и прекрасной рѣчи, г. Спасовичъ, вы не изволили указать намъ какую статью вы желаете примѣнить къ подсудимымъ. Судъ не можетъ безъ этого произнести приговора. Позвольте просить васъ указать суду статью, какую вы найдете подходящей и фантастическій судъ, смѣю сказать, примѣнитъ ее безъ всякихъ колебаній, ибо дѣло фантастическаго суда, когда представителями обвиненія являются такія свѣтила адвокатуры, какъ вы, г. Спасовичъ, дѣло фантастическаго суда не разсуждать, а исполнять ваши требованія. Сколько я понялъ, вы не находите возможнымъ приложить къ подсудимымъ статью 1535...

Прис. пов. Спасовичъ. Я полагалъ бы, г. предсѣдатель, что въ настоящемъ дѣлѣ судъ можетъ съ большимъ удобствомъ воспользоваться не тѣми статьями, какія указываются закономъ по дѣламъ

объ оклеветаніи въ печати, а совершенно иными, «совсѣмъ изъ другой оперы», какъ вы изволили остроумно выразиться здѣсь на судѣ. Въ практикѣ литературныхъ процессовъ такіе примѣры не рѣдки. Такъ мой знаменитый собратъ г. Александровъ рекомендовалъ разъ с.-петербургской судебной палатѣ, разсматривавшей дѣло объ оскорбленіи въ печати г-жи Кашеваровой-Рудневой, приложить къ одному изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу, именно къ г. Буренину, статью уложенія, кажется, о нарушеніи постановленій о питейномъ сборѣ и объ акцизѣ съ табаку. Я, г. предсѣдатель, полагаю, что если былъ примѣръ подобнаго рода, то фантастическій судъ, предъ которымъ я имѣю честь ходатайствовать о возстановленіи чести д. ст. совѣтника Стасюлевича и о наказаніи лицъ, насильно похитившихъ эту честь, можетъ весьма удобно примѣнить къ гг. Федорову и Буренину статью уложенія 1581, касающуюся преступныхъ похищеній женщинъ. Честь есть особа прекраснаго пола, женщина. Эта особа была похищена у г. Стасюлевича подсудимыми Федоровымъ и Буренинымъ. Похитивъ ее у редактора «Порядка», оба подсудимые два года укрываютъ ее Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно еще въ какомъ видѣ будетъ возвращена она моему довѣрителю: въ томъ ли состояніи либеральной незапятнанности и добродѣтели, въ которомъ находилась она у моего довѣрителя, или же лишившейся прежней чистоты и дѣвственности. Статья 1581 гласитъ, что за такого рода похище-

нія «виновные въ семъ преступленіи подвергаются высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ въ статьяхъ 1525 и 1530 уложенія». Высшая мѣра наказанія, опредѣляемая статьею 1525: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до восьми лѣтъ. Я бы просилъ судъ къ подсудимому Федорову примѣнить четырехлѣтній срокъ каторги, а къ подсудимому Буренину — восьмилѣтній, потому что Буренинъ, гг. судьи, насолилъ мнѣ крѣпко своими изобличеніями моего либеральнаго лицемѣрія, лукавства, заигрыванія съ полонизмомъ и т. д. Вы слышали, гг. судьи, что и въ настоящемъ засѣданіи онъ намекалъ на то, что мнѣ, какъ русскому, какъ отпрыску православнаго попа, нелѣпо и постыдно заниматься разными публицистическими шашнями во вкусѣ «завзентыхъ» полячковъ... Кромѣ того его пріятель, графъ Жасминовъ, написалъ на меня шуточные стихи, въ которыхъ есть такой обидный куплетъ:

Панъ Спасовичъ, Подляковичъ,
Александровъ, Прохвостицкій...

Предсѣдатель. Позвольте, г. Спасовичъ, это, кажется, къ дѣлу не относится.

Спасовичъ. Для хорошаго сутяги, г. предсѣдатель, къ дѣлу относится все, чѣмъ онъ можетъ донять своего противника, а я очень желаю донять г. Буренина. Я затѣмъ и настоящее дѣло уговорилъ начать моего довѣрителя, чтобы Буре-

нину насолить... (Спохватывается вдругъ, что увлекся). Впрочемъ, гг. судьи, это я такъ только... Я бы еще попросилъ васъ уже не по закону, а ради личнаго одолженія мнѣ, присудить кстати и свидѣтеля Суворина хотя на годъ въ тюрьму...

Предсѣдатель. Подсудимый Федоровъ, не имѣете ли вы что сказать?

Федоровъ. Ничего не имѣю, г. предсѣдатель. (Обращаясь къ Буренину и взглянувъ на часы). Ого, половина третьяго! Чортъ знаетъ, какъ долго держатъ изъ-за такихъ пустяковъ. Давно пора бы ужинать.

Предсѣдатель. Вамъ что-нибудь угодно сказать, г. Буренинъ?

Буренинъ. Я бы...

Предсѣдатель (строго). Это къ дѣлу не относится.

Буренинъ. Мнѣ...

Предсѣдатель (еще строже). Это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу.

Буренинъ. Мм...

Предсѣдатель (почти грозно). Это совсѣмъ не относится къ дѣлу.

Буренинъ пытается развести руками.

Предсѣдатель. Прошу остановиться... Это къ дѣлу не относится.

Въ три часа по полуночи судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: признавъ подсудимыхъ Федорова

и Буренина виновными по ст. 1581 улож., судъ приговорилъ: Федорова и Буренина, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ перваго на четыре, а второго на восемь лѣтъ. Кромѣ того, свидѣтеля Суворина, безъ всякаго законнаго основанія, единственно по просьбѣ прис. повѣрен. Спасовича, заключить въ тюрьму на одинъ годъ.

1882. Октябрь.

II.

ПОСЛѢ БУРИ... ВЪ СТАКАНѢ ВОДЫ.

I.

Подражая терминологіи церковнаго календаря, минувшую недѣлю можно назвать «седьмицею» «Новаго Времени». Начиная со вторника, и публика, и особенно журналистика толковали и шумѣли очень усердно по поводу судебнаго иска г. Стасюлевича противъ нашей газеты. Толки публики, сколько можно было уловить ихъ, въ общемъ сводятся къ заключенію равно невыгодному какъ для гг. Стасюлевича и Спасовича, такъ и для «Новаго Времени». Публика осуждала редактора покойнаго «Порядка» и его адвоката за искъ, въ сущности пустой и даже странный и, во всякомъ случаѣ, безтактный, ибо онъ, исходя отъ дѣятеля журналистики, имѣетъ въ концѣ концовъ цѣлью стѣсненіе ея свободы. Но въ то же время публика осуждала и насъ за то, что мы вызвали личное раз-

драженіе гг. Стасюлевича и Спасовича не въ мѣру рѣзкими и обидными нападками на нихъ, несправедливой, по мнѣнію ея, публики, характеристикой журнальной дѣятельности такихъ почтенныхъ либераловъ, какъ гг. Стасюлевичъ и Спасовичъ. Что касается до толковъ печати, по крайней мѣрѣ печати петербургской, то она почти вся высказалась противъ «Новаго Времени» и притомъ высказалась съ нескрываемымъ озлобленіемъ, съ какимъ-то по истинѣ глупымъ бѣшенствомъ, въ которомъ выяснились на-голо и ея мелкая завистливость, и ея полное непониманіе интересовъ собственной свободы и независимости, и ея лакейская приниженность передъ всякимъ приговоромъ, исходящимъ изъ оффиціальнаго источника.:.

Прежде другихъ отверзлась клоака maxima петербургской мнимо-либеральной печати — газета «Голосъ». Изъ этой клоаки, обширной и хорошо устроенной, выкрашенной снаружи лоскомъ формальнаго благоприличія, полилась лицемѣрная ложь, ложь тѣмъ болѣе отравляющая и вредная, что она, будучи разведена водою шаблонной прогрессивности, подносится публикѣ въ качествѣ полезнаго и пріятнаго напитка. За широкой клоакой «Голоса» открылась клоака «Петербургскихъ Вѣдомостей», редакціи г. Комарова, клоака грязная, зловонная, попорченная, загаженная всякой дрянью, начиная отъ угодничества самому тупому ретроградству и оканчивая угодничествомъ самому прохвостническому шарлатанству — шарлатанству оффенбаховскихъ «гене-

раловъ», къ категоріи которыхъ, какъ извѣстно, принадлежитъ г. Комаровъ. Затѣмъ отворилась маленькая клоака «Новостей», разливая мутную струю улично-либеральной благонамѣренности, переполненную подонками «миквы», какими-то обрывками жидовскихъ пейсовъ и малахаевъ, и пропитанную крѣпкимъ запахомъ чеснока. Наконецъ, въ заключеніе спектакля, брызнули клоаки маленькой прессы, клоаки «Петербургскаго Листка» и «Петербургской Газеты», брызнули всѣми нечистотами худяковской и соколовской ругани, отдающей въ одно и то же время ароматомъ кабацкой пошлости, будочнической грубости, лакейской наглости и лакейскаго невѣжества. И всѣ исчисленныя струи помянутыхъ клоакъ, смердя, заражая и вскипая зловонной пѣной, слились въ одномъ общемъ потокѣ, который благоухалъ отъ среды и до воскресенья такъ, что публика принуждена была затыкать себѣ носъ.

Было бы странно удивляться тому, что такъ называемая у насъ «малая пресса», которую слѣдовало бы правильнѣе называть прессой роспивочной — было бы странно удивляться, что эта пресса отнеслась къ дѣлу г. Стасюлевича съ «Новымъ Временемъ» именно такъ, а не иначе. Дѣятели помянутой прессы, всѣ эти Худяковы, Соколовы, Жалы, Мухи, прапорщики Ловласовы, Театральные нигилисты — словомъ, вся эта саранча и шушера «Петербургскихъ Листковъ» и «Петербургскихъ Газетъ», не имѣющая ничего общаго съ литературою, обыкновенно прокармливается сканда-

лами и поэтому дальше скандала ничего ни въ какомъ дѣлѣ не видитъ, кромѣ скандала ничего не понимаетъ. Весьма естественно, что въ процессѣ, затѣянномъ однимъ журналистомъ противъ другихъ журналистовъ, роспивочные писаки усмотрѣли только скандалъ и весьма естественно, что они подняли озлобленную руготню на меня, на гг. Суворина и Федорова, на «Новое Время». Повторяю: это меня не удивляетъ и я считаю вполнѣ простительнымъ «роспивочной» прессѣ ея поведеніевъ настоящемъ дѣлѣ. Но, признаюсь, далеко не столь простительнымъ кажется мнѣ поведеніе «большой» петербургской печати. Вѣдь эта печать, безъ сомнѣнія, претендуетъ не на одинъ только скандалъ, а и на нѣкоторое политическое значеніе, на нѣкоторый политическій тактъ. Какъ же она выказала этотъ политическій тактъ въ данномъ случаѣ? Увы, совѣстно сказать: большія газеты низошли до одного уровня съ роспивочными листками и не съумѣли стать выше мелочного личнаго озлобленія, выше жалкаго газетнаго соперничества, не съумѣли подняться на ту общую точку зрѣнія, съ которой они могли бы за туманомъ узкихъ партійныхъ интересовъ, узкой газетной зависти, ненависти и непріязни разсмотрѣть общіе интересы свободы и независимости печатнаго слова. Въ глазахъ публицистовъ такихъ мнимыхъ органовъ либерализма и «правового порядка», какъ напримѣръ, «Голосъ» г. Бильбасова, замелькали Федоровы, Буренины, Суворины, Спасовичи, Стасюлевичи и ослѣпленные

мельканіемъ личностей, имъ непріятныхъ или пріятныхъ, мнимо-либеральные и мнимо-серьезные публицисты съ легкомысліемъ школьниковъ бросились на борьбу съ первыми, на защиту послѣднихъ и представили обществу картину по истинѣ школьническаго забіячества и неразумія—да, ни болѣе, ни менѣе этого, читатель.

Я, кажется, не ошибусь, когда скажу, что на почвѣ настоящей, серьезной, развитой журналистики едва ли мыслимъ процессъ, подобный тому, который разыгрался въ окружномъ судѣ 19-го октября. По крайней мѣрѣ въ европейской печати, которую такъ любятъ ставить намъ въ образецъ наши мнимые россійскіе западники, трудно подыскать примѣръ обращенія къ суду одного журналиста для поддержки его въ полемикѣ съ другимъ. Но если бы мы себѣ представили подобный невѣроятный примѣръ, то какимъ бы образомъ отнеслась къ такому дѣлу западная печать—будь то печать французская, нѣмецкая или англійская? Можно навѣрное сказать, что она ни за что бы не стала на сторону журналиста, возбудившаго судебный искъ противъ своего собрата, и никогда бы не обнаружила такой безтактности, что признала бы какимъ-то непреложнымъ откровеніемъ для себя рѣшеніе суда, признала бы полезнымъ для независимости и достоинства печати вторженіе магистратуры въ ея сферу, въ ея журнально-политическіе вопросы и дѣла. Пусть бы тотъ органъ и тѣ дѣятели журналистики, противъ которыхъ былъ возбужденъ су-

дебный искъ, пользовались самой озлобленной ненавистью въ средѣ своихъ литературныхъ собратій, пусть бы ихъ широкій успѣхъ возбуждалъ самую озлобленную зависть — все-таки остальная печать на время забыла бы и эту ненависть, и зависть и въ лицѣ ненавидимаго и возбуждающаго зависть органа, преслѣдуемаго судомъ, вооружилась бы за полную самостоятельность «литературной республики», за свободу ея, такъ сказать, домашнихъ междуусобицъ и смутъ отъ вмѣшательства всякой оффиціальной силы. Въ западной печати такая сплоченность органовъ всѣхъ партій противъ посторонней опеки просто считается обязательной, составляетъ одно изъ азбучныхъ правилъ журнальной политики. У насъ объ этомъ азбучномъ правилѣ не догадываются еще даже такіе органы, которые считаютъ сами себя поборниками либерализма и кричатъ восемь разъ въ недѣлю о томъ, что они ведутъ непрерывную борьбу съ принципами произвола во имя принциповъ «правового порядка».

II.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ высказались эти мнимо-либеральные органы по поводу процесса г. Стасюлевича съ «Новымъ Временемъ». Органъ патентованной лжи и патентованнаго прихвостничества передъ всевозможными канцелярскими теченіями, если только эти теченія окрашены коло-

ритомъ эксплоатаціи народной массы въ пользу бюрократически-буржуазнаго меньшинства, органъ показыванія либеральныхъ кукишей въ карманѣ, словомъ, бильбасовскій «Голосъ» поспѣшилъ разъяснить недоумѣвающей публикѣ «весьма важныя причины, заставляющія литератора, дѣятеля печати обратиться къ содѣйствію суда, чтобы покарать законнымъ путемъ дѣяніе (какой казенно-сутяжный языкъ!), совершенное въ печати». Одною изъ важныхъ причинъ оказывается различіе «нравовъ и понятій», господствующихъ въ «Новомъ Времени» и въ «Голосѣ». Въ «Голосѣ», изволите видѣть, вотъ какіе «нравы и понятія» господствуютъ. Если нужно кому-нибудь изъ журнальныхъ собратій сдѣлать подвохъ, налгать про кого-нибудь, набросить на кого-нибудь тѣнь самаго гнуснаго подозрѣнія, пустить про кого-нибудь самую подлую сплетню — въ «Голосѣ» никогда не сдѣлаютъ этого прямо, съ указаніемъ на лицо или журналъ, противъ котораго направлена пакость. Нѣтъ, тамъ поступаютъ осторожно, подползаютъ, какъ гады, тайкомъ, дѣйствуютъ изъ-за угла и совершаютъ пакость намеками, экивоками, совершаютъ ее «одной газетѣ», «одному журналисту», не прописывая ихъ названій и именъ, но давъ, однако же, понять довольно ясно, по чьему адресу направляется подвохъ, лганье, подозрѣніе, словомъ всякая гадость. Это честные, либеральные, «добропорядочные» и «добросовѣстные» «нравы и понятія» бильбасовскаго «Голоса». Для такихъ честныхъ

нравовъ и понятій не надобенъ судъ, не нужна тюрьма. Но вотъ у «Новаго Времени» иные нравы и понятія. «Новое Время» — ошибочно или нѣтъ, суть вопроса не въ этомъ — признавъ разъ какой-либо органъ или какого-либо журналиста противникомъ тѣхъ теоретическихъ началъ, или тѣхъ практическихъ мѣръ, которыя оно отстаиваетъ, и особенно противникомъ двуличнымъ, лицемѣрнымъ, фарисейскимъ, гуляющимъ подъ чужой маской, — «Новое Время» отнюдь не придерживается тактики «Голоса» напакостить сторонкой, экивокомъ, намекомъ, а прямо и рѣзко изобличаетъ намѣченнаго противника, прямо и рѣзко выражаетъ ему въ лицо свое мнѣніе о немъ, снимаетъ съ него фарисейскую маску и указываетъ пальцемъ на его мѣдный лобъ, даже на клеймо позора, сіяющее на этомъ лбѣ. Какому-нибудь г. Бильбасову, напримѣръ, «Новое Время» говоритъ ни мало не церемонясь, что онъ, г. Бильбасовъ, вовсе не журналистъ, не литераторъ, а пришлецъ въ литературѣ и журналистикѣ; втершійся въ нее, такъ сказать, пролазничествомъ: что онъ публицистическій Хлестаковъ, хвастающійся своей ловкою готовностью отстаивать сегодня «конституцію», а завтра «севрюжину»; что онъ въ душѣ инородецъ, для котораго кровные интересы Россіи и русскаго народа не только чужды, но даже ненавистны; что онъ фигляръ либерализма, балансирующій на канатѣ избитыхъ газетныхъ фразъ; что онъ своимъ «Голосомъ» растлѣваетъ, развращаетъ и позоритъ русскую публицистику,

ибо внесъ въ нее худшую изъ лжей — ложь замаскированную, лукавую и измѣнчивую, какъ флюгеръ. Вотъ въ такомъ прямомъ и рѣзкомъ жанрѣ пишутся по большей части изобличенія «Новаго Времени» и вотъ такими ужасными «нравами и понятіями» отличается наша газета отъ «честныхъ и добропорядочныхъ» нравовъ и понятій «Голоса». Само собою, что подобныхъ «нравовъ» не выносятъ фарисействующіе либералы, въ родѣ г. Бильбасова; само собою разумѣется, что отъ такихъ «недобропорядочныхъ» понятій они корчатся въ три погибели, какъ Мефистофель въ оперѣ «Фаустъ» отъ рукоятки мечей въ видѣ креста; само собой разумѣется, что такіе «нравы и понятія» они считаютъ одной изъ «весьма важныхъ причинъ», заставляющихъ призывать на «Новое Время» «карающій судебный приговоръ». И вотъ они, эти городовые «правового порядка», эти будочники мѣщанскаго либерализма, съ поощряющей улыбкой привѣтствуютъ судебный приговоръ, грозящій тюремнымъ заключеніемъ тѣмъ, кто разоблачаетъ ихъ лицемѣріе и хлестаковство, ихъ зависть и ненависть къ русскому народу, ихъ либеральное фиглярство и флюгерство, ихъ лукавую ложь; они горько плачутся на то, что судъ не призналъ возможнымъ упечь въ кутузку тѣхъ, кто осмѣлился на ихъ мѣдный лобъ наложить клеймо сатиры, кто осмѣлился ихъ пошлость и глупость предать на общее посмѣяніе. Кутузка, какъ защитница ихъ личныхъ интересовъ, какъ оберегательница подписочныхъ интересовъ ихъ орга-

новъ, какъ союзница ихъ мнимо-либеральнаго шарлатанства и обмана — эта кутузка считается ими однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ орудій ихъ канцелярскаго прогресса. Если бы настала — чего Боже сохрани — такая пора, когда вожделѣнія бильбасовскаго либерализма перешли бы изъ области ожиданій въ область совершившагося факта, если бы въ дѣйствительности основалась бильбасовско-градовская конституція, — о, тогда, повѣрьте, кутузка во всѣхъ формахъ и видахъ «увѣнчаетъ зданіе» того милаго «правового порядка», за который такъ распинаются наши либералы изъ «Голосовъ» и «Курьеровъ».

III.

И такъ «весьма важныя причины» заставили нашу либеральную печать радоваться вмѣшательству суда въ журналистику и сочувствовать судебному приговору, который рѣшаетъ журнальную полемику двухъ литературныхъ противниковъ тѣмъ, что одному даетъ въ помощь кутузку противъ пера другого. Разные главари и прихвостни псевдо-либерализма, разные гг. Бильбасовы и Григоріи Градовскіе съ самымъ комическимъ лицемѣріемъ утверждаютъ, что приговоръ суда въ литературномъ дѣлѣ можетъ имѣть необыкновенно серьезное значеніе, можетъ «образумить» журналистику опредѣленнымъ въ судѣ «наказаніемъ» и исправить дурные «нравы и понятія» нѣкоторыхъ преступниковъ, не подходящихъ по своимъ рѣзкимъ и прямымъ пріемамъ

къ «добропорядочному» стаду мнимо-либеральныхъ Молчалиныхъ, въ родѣ г. Бильбасова и журнальныхъ Тряпичкиныхъ, въ родѣ г. Григорія Градовскаго. Боже мой, что это за пошлое фарисейство, что за глупое школьническое разумѣніе журналистики! «Наказаніе», присужденное тремя членами окружнаго суда, которые столько же компетентны въ литературѣ и журналистикѣ, сколько литераторы компетентны въ законахъ, можетъ «образумить» цѣлую журнальную партію, исправить нравы журналистики! Какъ будто гг. судьи — въ ихъ юридической добросовѣстности, мудрости, въ ихъ юридическихъ познаніяхъ, я, мимоходомъ замѣтить, нисколько не сомнѣваюсь — какъ будто гг. судьи, на разсмотрѣніе которыхъ «поступило» литературное дѣло, руководились въ своемъ приговорѣ какими-нибудь принципами общественной или литературной морали, а не формальнымъ приложеніемъ такой или иной статьи закона. Какъ будто это самое формальное приложеніе статьи закона не можетъ быть иногда ошибочнымъ со стороны гг. судей, какъ будто приговоръ членовъ окружного суда не можетъ быть отвергнутъ приговоромъ членовъ судебной палаты, а приговоръ этихъ послѣднихъ въ свою очередь не можетъ быть отмѣненъ сенатомъ. Въ какомъ же смыслѣ журналистика должна считать для себя «образумливающими» приговоры суда по литературнымъ дѣламъ? Какое иное значеніе, кромѣ формальнаго, можетъ имѣть не только для журналиста, но и для публики су-

дейскій приговоръ? Нужно быть или глупымъ школьникомъ, или такимъ пришлецомъ въ литературѣ, какими являются гг. Бильбасовы и Градовскіе, чтобы смутиться какъ «наказаніемъ», такъ равно и оправданіемъ суда, чтобъ подъ вліяніемъ судейскаго наказанія или оправданія измѣнить свои писательскія убѣжденія и свою писательскую манеру — худы ли, хороши ли эти убѣжденія, худа ли, хороша ли эта манера. Какъ! я, положимъ, почти двадцать лѣтъ работаю въ качествѣ журналиста, я, повинуясь неопреодолимому влеченію къ литературѣ отъ ранней юности, бросилъ для этой литературы всякія другія карьеры, къ которымъ меня предназначали обстоятельства, я, быть можетъ, выдержалъ самую суровую борьбу съ этими обстоятельствами, я, наконецъ, сталъ тѣмъ, что̀ я есть, какъ бы ни было мало мое значеніе, какъ бы ни былъ незначителенъ мой постъ «въ республикѣ слова» — и вдругъ я сдѣлаюсь инымъ, вдругъ я перестану быть собою, «образумлюсь», и все это только потому, что почтенный предсѣдатель третьяго отдѣленія окружного суда, г. Цухановъ, и не менѣе почтенные члены этого суда, гг. Сербиновичъ и Гельшертъ, по краткомъ совѣщаніи, рѣшили виновенъ я или правъ по статьѣ 1535 уложенія, слѣдуетъ меня заключить въ тюрьму на столько-то мѣсяцевъ, или не слѣдуетъ. Что̀ бы подумала обо мнѣ публика, враждебно относящаяся къ моей дѣятельности, и публика, сочувствующая ей, что̀ бы

подумали обо мнѣ литературные собраты, если бы со мною, говоря слегка измѣненнымъ стихомъ Мея:

«Волею суда метаморфоза
Свершилась очевидно».

Наконецъ, если я, по удивительному толкованію гг. Бильбасовыхъ и Григоріевъ Градовскихъ, долженъ «образумиться» и измѣниться подъ вліяніемъ приговора членовъ окружного суда, то что̀ же бы мнѣ пришлось сдѣлать подъ вліяніемъ приговора членовъ судебной палаты, который можетъ быть совсѣмъ инымъ? Опять «образумливаться» и измѣняться по новому? А за судебной палатой есть еще сенатъ, а послѣ сенатскаго рѣшенія, въ случаѣ удачи кассаціи, послѣдуетъ приговоръ другого отдѣленія судебной палаты, а тамъ, можетъ быть, опять кассація и еще отдѣленіе судебной палаты и т. д. И я все долженъ «образумливаться» и измѣняться то такъ, то эдакъ, сообразно съ различными судебными рѣшеніями! Да что же я за хамелеонъ такой, гг. Бильбасовы и Градовскіе? Нѣтъ, ужѣ хамелеонствуйте вы, какъ вамъ угодно и сколько угодно, хоть каждый день мѣняйте цвѣтъ своей кожи, благо она у васъ чужая, взятая на прокатъ, и благо хамелеонство необходимо для пришлецовъ въ литературѣ. Что касается до меня, я останусь въ журналистикѣ тѣмъ, чѣмъ я всегда былъ и что̀ я есть, не смотря ни на какія судебныя оправданія или «наказанія». Для меня, какъ для всякаго не хамелеонствующаго журналиста, эти су-

дебныя наказанія и оправданія, эти приговоры по статьямъ уложенія имѣютъ только чисто формальное значеніе и никакого внутренняго, никакого моральнаго.

И знаете что̀, господа проповѣдники хамелеонства, я вамъ скажу еще? Вы не одно хамелеонство поддерживаете, утверждая, что печать должны «образумливать» судебные приговоры и наказанія — вы выдаете тутъ себя съ головой во всей красотѣ своего лживаго либерализма, вы становитесь на сторону насилія, привѣтствуя съ легкимъ сердцемъ «наказаніе» (т. е. тюрьму) въ качествѣ исправительнаго средства для дурныхъ нравовъ журналистики. У вашей «партіи», мнимо-вліятельной, но въ сущности ничтожной, сводящейся на немногочисленную клику журнальныхъ пролазовъ и пришлецовъ, адвокатовъ съ подмоченной репутаціей, прогрессистовъ-бюрократовъ съ рыльцемъ въ пуху,— у вашей убогой «партіи», говорю я, недостаетъ ни силъ, ни ума, ни таланта, ни честности бороться собственными средствами съ тою партіей, которую вы называете «народнической», полагая въ этой кличкѣ какое-то позорное значеніе — что тоже васъ хорошо характеризуетъ. И вотъ, чувствуя, что почва давно колеблется подъ вашими ногами, сознавая въ себѣ худшее изъ безсилій — безсиліе бездарности и лжи, вы для обороны хватаетесь за все, что попадется вамъ подъ руку; вы въ область свободнаго слова жаждете ввести полицейскую стражу, лишь бы она охраняла васъ отъ нападокъ

противника, вы кланяетесь въ ноги тюрьмѣ и насилію. Среди вашей милой семьи нашелся даже такой безшабашный идіотъ *), который рекомендуетъ розги для журналистовъ, осмѣливающихся смѣяться надъ комическими сторонами если не суда, то судей!

Вотъ каковы вы и вотъ каковы въ концѣ концовъ ваши «правовыя» стремленія.

И вы зовете себя либералами? О трижды позорные лгуны и безстыдники!

---

*) Смотри по истинѣ идіотскую статью по поводу дѣла г. Стасюлевича и «Новаго Времени» въ № 243 харьковской газеты «Заря».

III.

ЕЩЕ РАЗЪ.

Господа, судъ идетъ, приглашаю публику встать!

Обязательная для каждаго судебнаго пристава фраза.

Мнѣ приходится еще разъ вернуться къ дѣлу г. Стасюлевича съ «Новымъ Временемъ». Казалось бы, довольно уже шумѣло и гремѣло это «дѣло» по разнымъ органамъ и большой печати и роспивочной; казалось бы, довольно по поводу его наговорили всякаго вздора и всякихъ ругательствъ наши журнальные благопріятели: можно бы «предать его волѣ Божіей и сдать въ архивъ», какъ говорилось въ старину. Такъ нѣтъ, видите, мало еще, вѣрно, публикѣ надоѣла петербургская либеральная «пресса» милымъ ей процессомъ; она опять возобновила память о немъ: «Голосъ» опубликовалъ приговоръ окружнаго суда «въ окончательной формѣ». Приговоръ этотъ вышелъ изъ совѣта чле-

новъ суда уже давнымъ давно, съ мѣсяцъ тому назадъ и аккуратный органъ канцелярскаго прогресса могъ напечатать его своевременно двадцать разъ; но хитроумный г. Бильбасовъ почему-то таилъ этотъ мотивированный приговоръ суда «въ портфелѣ редакціи» до поры, до времени и только черезъ мѣсяцъ опубликовалъ его на столбцахъ «Голоса». По всей вѣроятности, въ этомъ запоздаломъ опубликованіи судебнаго документа таится одинъ изъ тѣхъ тайныхъ подвоховъ, которыми славится почтенный Василій Алексѣевичъ, руководящійся, какъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, въ каждой журнальной каверзѣ «тонкими и болѣе политическими причинами». Замѣчательно еще, что приговоръ суда озаглавленъ въ «Голосѣ» такъ: «Осужденіе «Новаго Времени». «Голосъ рѣшился даже, въ виду важности подвоха, упомянуть названіе ненавистной газеты, котораго онъ всегда избѣгаетъ и даже боится точно также, какъ нечистый боится ладона. Впрочемъ, я нисколько не въ претензіи на «Голосъ» за позднее извлеченіе мотивированнаго приговора суда изъ мрака судебнаго архива на Божій свѣтъ. Напротивъ, я даже очень радъ этому: мнѣ представляется случай разобрать мотивы судейскаго приговора, который, какъ знаютъ читатели, признанъ былъ всею либеральною «прессой» не только поучительнымъ, но въ высшей степени благотворнымъ для нея, ибо она почерпнула въ этомъ приговорѣ новыя силы для борьбы съ ужаснымъ «Новымъ Временемъ» и надежду на то, что журналистика

вообще и ужасное «Новое Время» въ частности отнынѣ исправятся въ своихъ порокахъ и сдѣлаются добродѣтельными. Всегда пріятно анализировать мудрые совѣты, имѣющіе въ виду направленіе насъ на путь добродѣтели, всегда пріятно встрѣтить поводъ для такого анализа. «Голосъ» опубликованіемъ мотивированнаго приговора окружного суда подаетъ мнѣ помянутый поводъ и я имъ воспользуюсь, надѣюсь, не безъ поученія не только для читателей, но даже и для самаго «Голоса».

Прежде всего позволю себѣ воспроизвести судебный документъ — плодъ соединенныхъ трудовъ и соединенной юридической опытности предсѣдателя окружнаго суда г. Цуханова и членовъ гг. Сербиновича и Гельшерта. Документъ этотъ — сказать кстати — довольно обширенъ и еще болѣе глубокъ: видно, что почтенный предсѣдатель и почтенные судьи трудились надъ подведеніемъ мотивовъ своего рѣшенія съ необыкновеннымъ усердіемъ, имѣя въ виду не одни только юридическія соображенія, не одни требованія закона, но также и то важное значеніе, какое должно представлять ихъ рѣшеніе для современной журналистики — значеніе, растолкованное санктъ-петербургской либеральной прессой. Если не ошибаюсь, это послѣднее значеніе даже имѣлось въ виду господами судьями преимущественно, ибо документъ ихъ представляетъ скорѣй въ нѣкоторомъ родѣ попытку на журнальную полемику, чѣмъ формальный юридическій при-

говоръ. Вотъ мотивы судебнаго приговора во всей ихъ неприкосновенности.

При разрѣшеніи вопроса о томъ, содержатся ли въ перечисленныхъ статьяхъ (т. е. въ статьяхъ «Новаго Времени» о г. Стасюлевичѣ и «Порядкѣ») признаки преступленія клеветы, необходимо имѣть въ виду точку зрѣнія, которой держится общество при оцѣнкѣ газетной дѣятельности. По мнѣнію суда, общество относится съ уваженіемъ къ тѣмъ газетамъ, которыя безкорыстно и независимо проводятъ свои мнѣнія, хотя бы мнѣнія эти раздѣлялись одной частью общества, одной партіей, или служили цѣлямъ одной національности; газеты же, мнѣнія которыхъ зависятъ отъ получаемыхъ со стороны денежныхъ средствъ, считаются продажными и клеймятся презрѣніемъ.

Прилагая эту точку зрѣнія къ вышепоименованнымъ отрывкамъ, необходимо, въ хронологическомъ порядкѣ, начать съ разбора статьи «Вѣнокъ еврейской добродѣтели» въ № 1881 газеты «Новое Время». Конецъ этой статьи резюмируется такъ: газета «Порядокъ», дѣлая благопріятный для евреевъ выводъ изъ цифръ, надерганныхъ ею изъ книги Чубинскаго, умалчиваетъ, какъ органъ Бліоховъ и Гинцбурговъ, о противоположномъ выводѣ, сдѣланномъ самимъ Чубинскимъ. Если о газетѣ говорятъ, какъ объ органѣ той или другой партіи, то это означаетъ, что она проводитъ мнѣнія этой партіи; но если газету называютъ органомъ богачей-евреевъ, то, кромѣ одного вывода, что газета подкуплена этими богачами-евреями, никакого другого вывода изъ этого названія нельзя себѣ представить, такъ какъ органъ евреевъ-богачей долженъ приносить въ жертву интересамъ этихъ евреевъ-богачей всѣ общественные интересы, а на безкорыстное служеніе такой низкой цѣли невозможно представить себѣ охотниковъ и, слѣдовательно, такую дѣятельность газета можетъ принять на себя только за деньги. Но, сверхъ того, въ разсматриваемомъ отрывкѣ говорится, что газета «Порядокъ», въ роли органа Гинцбурговъ и Бліоховъ, «понадергала» цифръ изъ книги, умолчала о выводѣ автора этой книги и подставила свой, т. е. иными словами, совершила литературную передержку. — Такимъ образомъ, смыслъ этого отрывка такой, что «Порядокъ» — газета, продавшаяся евреямъ-богачамъ

и въ угоду имъ совершившая литературную передержку, и, слѣдовательно, согласно приведенному взгляду на газетное дѣло, въ этомъ отрывкѣ существуетъ обвиненіе газеты въ дѣйствіяхъ позорныхъ, противныхъ правиламъ чести, а такъ какъ редакторъ газеты есть руководитель ея, то все это относится вполнѣ и къ частному обвинителю, Стасюлевичу.

Мысль, усматриваемая въ разобранномъ отрывкѣ, выражена очень кратко, пущена въ ходъ, такъ сказать, исподтишка; она могла быть вполнѣ понята только людьми, привыкшими къ извѣстнымъ пріемамъ газетной полемики, да записными журналистами. Записными журналистами, какъ видно изъ выдержекъ, сдѣланныхъ въ №№ 1909 и 1986 газеты «Новое Время» изъ провинціальныхъ газетъ «Востока» и «Кіевлянина», мысль вышеприведеннаго отрывка не только была вполнѣ понята, но и принята за чистую монету. Это видно изъ того, что эти газеты, во время позднѣйшаго появленія въ свѣтъ, № 1881 газеты «Новое Время», заговорили о газетѣ «Порядокъ», какъ издающейся на еврейскія деньги, причемъ упоминали имена только тѣхъ евреевъ-богачей, которые были указаны въ статьѣ газеты «Новое Время», именно Бліоха и Гинцбурга.

Перепечатавъ въ отдѣлѣ «Среди газетъ и журналовъ» выдержки объ этомъ изъ сказанныхъ газетъ, а также и возраженіе по этому поводу газеты «Порядокъ», утверждавшей, что все это пущено въ ходъ газетой «Новое Время», эта послѣдняя газета въ № 1986-мъ объясняетъ, что она говорила о еврейскихъ капиталахъ, лежащихъ въ основаніи газеты «Порядокъ», не какъ о субсидіи, а какъ о паяхъ, а это — не одно и то же. Субсидія — плата за услуги, паи — нравственная связь, участіе въ прибыляхъ и убыткахъ. Въ этомъ объясненіи газета «Новое Время» высказалась гораздо опредѣленнѣе. Она признала, что дѣйствительно разумѣла денежное участіе богачей-евреевъ въ газетѣ «Порядокъ», но не въ смыслѣ субсидіи, а въ смыслѣ паевъ. Такимъ образомъ, мысль перваго отрывка дополнена и пояснена газетою «Новое Время» въ томъ смыслѣ, какой ей придается судомъ, а потомъ уже безразлично, въ какомъ видѣ представляла газета «Новое Время» принятіе подкупа отъ евреевъ-капиталистовъ газетою «Порядокъ» и ея редакторовъ, такъ какъ равно постыдно принятіе подкупа

евреевъ-богачей и какъ плата за услуги и какъ участіе въ прибыляхъ и убыткахъ. Потомъ, газета «Новое Время» въ № 1988-мъ говоритъ, что исполняя желаніе Стасюлевича, она уже напечатала, что газета «Порядокъ» издается имъ на собственныя деньги и готова простереть свою любезность до того, что будетъ ежедневно печатать такъ: «Порядокъ», издающійся на собственныя деньги Стасюлевича и проч. Ироническій смыслъ этой выдержки не только лишаетъ ее значенія добросовѣстнаго отказа отъ высказаннаго прежде обвиненія, но и обнаруживаетъ желаніе усилить дѣйствіе и оскорбительное значеніе клеветы.

Наконецъ, въ статьѣ «Раздвоившійся Стасюлевичъ», въ № 1989 газеты «Новое Время», въ фантастически-шутовскомъ видѣ изображаются сначала колебанія редактора Стасюлевича предъ принятіемъ субсидіи, принесенной ему еврейской депутаціей съ Гинцбургомъ во главѣ, причемъ Стасюлевичъ находитъ, что принять субсидію разсчетъ, потому что газета не даетъ дохода, но опасается грубой части печати, которая сейчасъ же броситъ ему кличку «подкупленный искаріотъ», и, наконецъ, примиряется на томъ, что принимаетъ субсидію подъ видомъ паевъ. Въ этой статьѣ, въ болѣе пространномъ, такъ сказать иллюстрированномъ видѣ, повторяется та же мысль, которая высказывалась и въ первой разобранной статьѣ, причемъ и соображенія газеты «Новое Время», высказанныя въ № 1986 о субсидіи и паяхъ и имѣвшія тамъ какъ бы смыслъ ослабленія взведеннаго на газету «Порядокъ» обвиненія, совершенно устранены въ настоящей статьѣ тѣмъ, что въ ней Стасюлевичъ получаетъ отъ евреевъ, подъ видомъ паевъ, субсидію. Фабулой этой статьи является вполнѣ выраженное позорное для Стасюлевича дѣйствіе и потому слѣдуетъ признать въ ея содержаніи признаки клеветы, а что касается формы ея, то она, не уничтожая значенія клеветы, скорѣе способствуетъ распространенію ея, такъ какъ подобныя вещи находятъ себѣ гораздо болѣе читателей. Всѣ указанные отрывки, взятые въ совокупности, характеризуютъ ту замѣчательную настойчивость газеты «Новое Время», съ которою она распространяла клевету противъ редактора газеты «Порядокъ» Стасюлевича, а также свидѣтельствуютъ о намѣренности распространенія клеветы о немъ. Что касается до указанія частнаго обвинителя на

статьи газеты «Новое Время», заключающія ложныя, по его мнѣнію, извѣщенія о наградѣ, будто бы, предстоявшей Стасюлевичу, то судъ не усматриваетъ въ этомъ извѣщеніи необходимаго признака клеветы обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести.

Таковъ мотивированный приговоръ окружного суда. Посмотримъ же, насколько резонны его мотивы.

При разрѣшеніи вопроса о томъ, содержатся ли въ статьяхъ «Новаго Времени», приведенныхъ обвинителемъ, признаки преступленія клеветы, судъ считаетъ необходимымъ «имѣть въ виду точку зрѣнія, которой держится общество при оцѣнкѣ газетной дѣятельности». По мнѣнію суда, объясняется въ приговорѣ — «общество относится съ уваженіемъ къ тѣмъ газетамъ, которыя безкорыстно и независимо проводятъ свои мнѣнія, хотя бы мнѣнія эти раздѣлялись одною частью общества, одною партіей или служили цѣлямъ одной національности; газеты же, мнѣнія которыхъ зависятъ отъ получаемыхъ со стороны денежныхъ средствъ, считаются продажными и клеймятся презрѣніемъ». Приведенный мотивъ равно неоснователенъ какъ съ юридической, такъ равно и съ журнальной стороны. Законъ не можетъ и не долженъ имѣть въ виду «точку зрѣнія общества» ни въ какомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ дѣлѣ журнальномъ, ибо точка зрѣнія общества вообще есть нѣчто неуловимое, измѣнчивое, непостоянное, подчиненное данной минутѣ общественнаго настроенія; въ приложеніи же къ журналистикѣ судъ не можетъ и не долженъ

брать себѣ за основаніе такую шаткую и измѣнчивую опору, какъ общественное мнѣніе, всегда колеблемое различными пристрастіями данной минуты и притомъ зависящее отъ той общественной среды, изъ которой оно исходитъ: такъ какъ слои общества различны, то и точки зрѣнія общества могутъ быть разныя. Какимъ же образомъ приговоръ суда, долженствующій быть выраженіемъ опредѣленнаго, точнаго и постояннаго закона, можетъ руководствоваться подобной шаткой вещью, какъ мнѣніе общества; какимъ образомъ неуловимое общественное мнѣніе можетъ служить основаніемъ судебнаго приговора противъ лицъ, которыя — если даже допустить съ ихъ стороны преступленіе — всегда найдутъ въ этомъ же самомъ обществѣ съ съ его различныхъ точекъ зрѣнія и оправданіе и обвиненіе себѣ. Либеральное, но тѣмъ не менѣе неосновательное предположеніе будто бы существуетъ какая-то опредѣленная «точка зрѣнія общества», равная по точности писанному закону, ведетъ приговоръ суда далѣе къ ряду предположеній еще болѣе неосновательныхъ и такъ сказать своевольно-фантастическихъ, которыя легко опровергнуть существующими примѣрами общественнаго отношенія къ разнымъ органамъ журналистики. Приговоръ окружнаго суда, слѣдуя софизмамъ рѣчи повѣреннаго частнаго обвинителя, утверждаетъ, что будто бы газеты, «мнѣнія которыхъ зависятъ отъ получаемыхъ со стороны денежныхъ средствъ, считаются продажными и клеймятся презрѣніемъ». Между

тѣмъ на дѣлѣ мы не видимъ ничего подобнаго. Не говоря уже объ иностранной, напримѣръ, нѣмецкой и французской журналистикѣ, органы которой въ большинствѣ сообразуютъ свои мнѣнія съ «денежными средствами», получаемыми «со стороны», и тѣмъ не менѣе пользуются уваженіемъ не только у себя дома, но и заграницею, — не говоря уже объ иностранной журналистикѣ, и въ отечественной можно указать не мало примѣровъ, свидѣтельствующихъ очень ясно о неосновательности мнѣнія суда. Для того, чтобы не раздражать страсти указаніемъ на настоящее, обратимся къ примѣру недавняго прошедшаго. Въ шестидесятыхъ годахъ газета «Голосъ» пользовалась субсидіей отъ тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія и помѣщала статьи въ духѣ защиты реальной системы образованія и противъ системы классической. Публикѣ, обществу былъ хорошо извѣстенъ этотъ фактъ, такъ какъ его оглашали другія газеты, напримѣръ «Московскія Вѣдомости». И однакоже газета «Голосъ» не только не пользовалась презрѣніемъ общества въ то время, но даже поощрялась извѣстною частью этого общества, что доказывалось хорошей подпиской и процвѣтаніемъ этой газеты какъ въ прошломъ, такъ равно и въ настоящемъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести и еще и всѣ они доказываютъ, что общее положеніе, выставляемое судомъ, произвольно и ошибочно. Ошибка суда заключается, вопервыхъ, въ томъ, что онъ смѣшалъ мнѣніе общества съ мнѣніемъ на-

шей газеты на счетъ продажныхъ и субсидируемыхъ изданій, съ мнѣніемъ, которое выставлялъ въ своей рѣчи адвокатъ частнаго обвинителя. «Новое Время», дѣйствительно, всегда высказывалось въ томъ смыслѣ, что продажность печатныхъ органовъ и ихъ редакторовъ есть явленіе въ высшей степени позорное. Но въ такомъ пониманіи этого явленія «Новое Время» оставалось почти одинокимъ, ибо другія газеты, зная, что наше общество судитъ объ этомъ иначе и не отвертывается отъ продажныхъ органовъ, довольно развязно предлагали (да и до сихъ поръ еще иныя изъ нихъ предлагаютъ) поддержку жидамъ-капиталистамъ, желѣзнодорожникамъ, концессіонерамъ, вообще всякимъ эксплоататорамъ и представителямъ аферы. И конечно, эта поддержка предлагалась и предлагается помянутыми органами не даромъ. Именно потому на «Новое Время» такъ и накинулась с.-петербургская пресса по поводу настоящаго процесса, что въ немъ наша газета явилась поборницей гласнаго изобличенія журнальной продажности, прямой или косвенной — все равно; а другія газеты съ пушкомъ на рыльцѣ, напримѣръ, «Голосъ», извѣстный своими шашнями съ желѣзнодорожниками и биржевиками, всегда были противъ такого гласнаго изобличенія. Повторяю: первая ошибка суда въ томъ, что онъ смѣшиваетъ мнѣніе «Новаго Времени» по вопросу о продажности газетъ съ мнѣніемъ теперешняго общества, въ большинствѣ либерально-буржуазнаго и потому смотрящаго не

только сквозь пальцы, но даже довольно благосклонно на «практическія» сдѣлки газетъ въ родѣ «Голоса», и т. под. Вторая ошибка суда заключается въ томъ, что судъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду не реальное существующее общество, въ которомъ понятія о справедливости и морали затемнены партійными пристрастіями и интересами, а общество образцовое, идеальное. Но для идеальнаго общества не нуженъ былъ бы никакой законъ, не нужны никакіе суды и судьи, въ идеальномъ обществѣ не могли бы имѣть мѣсто иски, подобные настоящему. Суду же, существующему для реальнаго общества, въ толкованіи и примѣненіи закона странно брать за основаніе то неопредѣленное нѣчто, которое у либераловъ зовется «общественнымъ мнѣніемъ» и обыкновенно бываетъ столь же разнообразно и пристрастно, какъ разнообразны и пристрастны общественные кружки.

И такъ, вопреки положенію суда, газеты получающія денежныя средства «со стороны», вовсе не считаются продажными въ нашемъ обществѣ и редакторы, пользующіеся этими средствами, отнюдь не утрачиваютъ чести и добраго имени въ глазахъ общества, когда оно узнаетъ объ этомъ изъ оглашенія другихъ газетъ. Когда «Новое Время» огласило, что «Порядокъ» есть «органъ Бліоховъ и Гинцбурговъ»—оно вовсе не имѣло въ виду подрывъ «чести и добраго имени» его редактора въ глазахъ общества, а просто желало установить фактъ принадлежности «Порядка» къ той общественной

и журнальной фракціи, которая подъ видомъ «правового порядка» преслѣдуетъ капиталистическія цѣли и интересы! Судъ, разбирая инкриминируемую статью въ № 1881 «Новаго Времени», утверждаетъ, что «если о газетѣ говорятъ, какъ объ органѣ той или другой партіи, то это означаетъ, что она проводитъ мнѣнія этой партіи; но если газету называютъ органомъ богачей-евреевъ, то кромѣ одного вывода, что газета подкуплена этими богачами-евреями, никакого иного вывода изъ этого названія (т. е. изъ названія «Порядка» органомъ Гинцбурговъ и Бліоховъ) нельзя себѣ представить, такъ какъ органъ евреевъ-богачей долженъ приносить въ жертву этимъ евреямъ-богачамъ всѣ общественные интересы, а на безкорыстное служеніе такой низкой цѣли невозможно представить себѣ охотниковъ и слѣдовательно такую дѣятельность газета можетъ принять на себя только за деньги». Почему же кромѣ одного вывода, указываемаго судомъ, нельзя представить другого изъ указываемаго выраженія «Новаго Времени»? Сколько угодно можно сдѣлать другихъ выводовъ. Можно, напримѣръ, вывести, что экономическія идеи, раздѣляемыя и поддерживаемыя «Порядкомъ», принадлежатъ къ той экономической теоріи, которая считаетъ интересы крупныхъ капиталистовъ преимущественно почтенными и полезными для страны, для ея умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія, словомъ, для преуспѣянія такъ называемаго прогресса въ буржуазно-либеральномъ смыслѣ.

Такая теорія существуетъ, чего, конечно, отрицать не станетъ судъ, она и въ Европѣ и у насъ имѣетъ своихъ убѣжденныхъ послѣдователей, отнюдь не считающихъ «низкою цѣлью» защиту пропаганды этой теоріи. Судъ находитъ невозможнымъ «представить себѣ охотниковъ», безкорыстно служащихъ такой теоріи; но это только потому, что судъ въ основной «точкѣ зрѣнія» поднялся на высоту отвлеченно-идеальнаго общественнаго порядка. На самомъ же дѣлѣ, въ обществѣ, въ дѣйствительной жизни, въ журналистикѣ, даже между учеными мужами такихъ «охотниковъ» можно указать сколько угодно. И въ такомъ указаніи на «Порядокъ», ошибочно оно было или нѣтъ — это вопросъ не судебнаго приговора, а журнальной полемики—нельзя усматривать «составъ клеветы», а прямое желаніе органа одной партіи разъяснить настоящее направленіе органа другой партіи, который выступилъ гласно защитникомъ интересовъ крупныхъ капиталистовъ вообще и евреевъ-капиталистовъ въ особенности. Только въ этомъ общемъ смыслѣ, а не въ какомъ-либо иномъ «Порядокъ» и былъ названъ въ инкриминируемой статьѣ «Новаго Времени» органомъ «Гинцбурговъ и Бліоховъ». Такія и даже еще болѣе образныя выраженія очень обыкновенны въ нашей журналистикѣ. Такъ, «Московскія Вѣдомости», напримѣръ, часто называютъ газету «Голосъ» органомъ «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати»; другія газеты именуютъ его органомъ «курьеровъ и канцелярскихъ служителей»; никто,

однако же, не принимаетъ эти выраженія въ такомъ смыслѣ, что гг. Краевскій и Бильбасовъ издаютъ «Голосъ» на средства какихъ-то мошенниковъ и разбойниковъ или курьеровъ и канцелярскихъ сторожей.

Объясняя далѣе инкриминируемую статью «Новаго Времени», судъ находитъ въ ней еще одинъ пунктъ, который, по мнѣнію суда, также заключаетъ въ себѣ составъ клеветы. Пунктъ этотъ слѣдующій: «Новое Время», полемизируя съ «Порядкомъ», указываетъ «литературную передержку» въ статьѣ «Порядка», написанной въ поддержку евреевъ-капиталистовъ. «Смыслъ этого отрывка такой—объясняется въ приговорѣ—что «Порядокъ»—газета, продавшаяся евреямъ-богачамъ и въ угоду имъ совершившая литературную передержку, а слѣдовательно, согласно приведенному взгляду на газетное дѣло, въ этомъ отрывкѣ существуетъ обвиненіе газеты въ дѣйствіяхъ позорныхъ, противныхъ правиламъ чести; а такъ какъ редакторъ газеты есть руководитель ея, то все это относится вполнѣ и къ частному обвинителю Стасюлевичу». Само собой разумѣется, что если въ статьѣ, помѣщенной въ «Порядкѣ», оказалась «литературная передержка», то она можетъ быть поставлена на счетъ редактору, какъ руководителю газеты. Но можно ли ставить не только въ формально-юридическую, но даже просто въ моральную вину другой газетѣ, что она указываетъ «литературную передержку» въ статьихъ органа противнаго направ-

ленія? «Новое Время» могло ошибочно усмотрѣть такую «литературную передержку»—это опять-таки вопросъ чисто журнальный, вопросъ газетной полемики, а вовсе не суда; но если оно разъ ее усмотрѣло, то со стороны газеты было нравственнымъ долгомъ указать такую передержку въ виду истины, въ виду правильнаго рѣшенія вопроса, возбудившаго жаркую газетную полемику. У г-на Стасюлевича были средства и было достаточно времени, возразить въ «Порядкѣ» газетѣ, обвинявшей его въ «литературной передержкѣ»; онъ могъ очистить себя литературнымъ путемъ отъ этого литературнаго «дѣйствія». Если онъ этого не сдѣлалъ въ своей газетѣ—это его упущеніе. Ради чего же теперь, въ этотъ вопросъ чисто журнальный, въ вопросъ газетной полемики судъ вмѣшиваетъ формальную статью закона и ею, какъ щитомъ, прикрываетъ «литературную передержку»? Въ уложеніи о наказаніяхъ, кажется, не существуетъ спеціальной статьи, имѣющей въ виду юридическое рѣшеніе журнальныхъ споровъ, газетной полемики, нѣтъ статьи, карающей журналистовъ за указаніе въ статьяхъ другихъ журналистовъ «литературныхъ передержекъ». Судъ находитъ «составъ клеветы» въ томъ, что «Новое Время» не просто указало «литературную передержку» въ статьѣ г. Стасюлевича, а при этомъ объяснило, что передержка сдѣлана «въ угоду евреямъ-богачамъ». Въ инкриминируемой статьѣ «Новаго Времени» прямого обвиненія въ помянутомъ смыслѣ не имѣется, съ чѣмъ

согласился и самъ судъ, упоминая далѣе, что мысль объ «угодѣ богачамъ-евреямъ могла быть понята только людьми, привыкшими къ извѣстнымъ пріемамъ газетной полемики, записными журналистами». Другими словами: то «общество», «точка зрѣнія» котораго служитъ для суда главнымъ мотивомъ усмотрѣнія «состава клеветы» въ статьѣ «Новаго Времени», не могло прозрѣть въ этой статьѣ обвиненіе г. Стасюлевича «въ угодѣ богачамъ-евреямъ» и, стало быть, честь и доброе имя редактора «Порядка» не были опозорены въ глазахъ этого общества; а это, по смыслу основного мотива приговора, еще не можетъ быть поводомъ обвиненія «Новаго Времени» въ клеветѣ. Но даже допуская, что въ статьѣ «Новаго Времени» была ясно для всѣхъ, и для журналистовъ и для «общества», выражена мысль, что г. Стасюлевичъ сдѣлалъ «литературную передержку» въ «угоду евреямъ богачамъ» — неужели можно считать «составъ клеветы» въ подобной мысли? Вѣдь статья «Порядка», въ которой «Новое Время» указывало «литературную передержку», написана прямо съ цѣлью поддержки интересовъ евреевъ-капиталистовъ, написана въ духѣ той экономической теоріи, которая, по либеральнымъ, впрочемъ, и даже — охотно готовы вѣрить — безкорыстнымъ соображеніямъ, считаетъ полезною только свободу и разумнымъ только тотъ «правовой порядокъ», который предоставляетъ имущимъ свободную эксплуатацію неимущихъ съ одной стороны и великодушно предоставляетъ съ другой свобод-

ную конкурренцію послѣднихъ съ первыми. Неужели же «Новое Время», не раздѣляющее этой либеральной доктрины и считающее ее вредной для блага народа, неужели «Новое Время», усмотрѣвъ такую тенденцію въ статьѣ «Порядка», должно было утверждать, что эта газета сдѣлала «литературную передержку» не въ угоду богачамъ, а въ угоду неимущимъ? А та мысль статьи «Новаго Времени», которая инкриминируется повѣреннымъ частнаго обвинителя и вслѣдъ за нимъ судомъ, есть не что иное, какъ только констатированіе общаго содержанія и направленія статьи «Порядка» съ «литературной передержкой». И такое-то правильное констатированіе, обязательное для всякой газеты, судъ ставитъ въ вину редактору «Новаго Времени» и наказываетъ его за исполненіе своихъ журнальныхъ обязанностей относительно читателей его газеты трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ!

Переходя за тѣмъ къ разъясненіямъ «признаковъ клеветы» въ стихотвореніи моего благороднаго друга графа Алексиса Жасминова — въ настоящее время безспорно одного изъ знаменитѣйшихъ нашихъ поэтовъ, ибо о немъ толкуютъ вездѣ и всюду: и въ печати и въ судахъ и въ обществѣ — переходя къ помянутымъ разъясненіямъ, судъ усматриваетъ въ шуточной пьесѣ графа «Раздвоившійся Стасюлевичъ» не только простую клевету, но даже клевету «такъ сказать въ иллюстрированномъ видѣ». Кто бы могъ подумать, что невинная юмористическая шутка, стихотворная кар-

рикатура удостоится подобной ужасной аттестаціи со стороны представителей закона! Кто бы могъ подумать, что господа судьи поставятъ въ юридическую вину веселой музѣ графа даже то обстоятельство, что плоды этой музы «находятъ себѣ гораздо болѣе читателей». Если бы на музу графа Алексиса могли вліять какіе бы то ни было судебные приговоры, если бы этотъ поэтъ признавалъ надъ собою какіе-либо суды, кромѣ того, по выраженію Пушкина, «высшаго суда», который заключается въ душѣ каждаго истиннаго жреца Аполлона, если бы графъ не былъ по истинѣ «мужемъ твердымъ въ бѣдствіяхъ» и боялся тюремныхъ заключеній и штрафовъ, о, тогда онъ непремѣнно долженъ бы былъ разбить свою шуточную лиру, долженъ бы былъ отказаться отъ сочиненія юмористическихъ стиховъ, читаемыхъ многими читателями, и приняться за писаніе скучныхъ и адски-серьезныхъ передовыхъ статей во вкусѣ тѣхъ, какія появляются каждый день въ «Голосѣ» и которыхъ никто и никогда не читалъ и не читаетъ. Но благодаря боговъ, графъ Алексисъ твердъ въ своемъ призваніи и понимаетъ гораздо правильнѣе господъ судей значеніе сатирической шутки, которая всегда допускалась во всѣхъ образованныхъ обществахъ, во всѣхъ развитыхъ литературахъ и никогда не преслѣдовалась штрафами и тюрьмами на томъ дальнемъ «западѣ», который на словахъ служитъ образцомъ для нашей мнимо-либеральной журналистики и для нашихъ либеральствующихъ господъ

юристовъ, а на дѣлѣ, на практикѣ, ими постоянно забывается. Тамъ, на этомъ Западѣ, ни одинъ юристъ не дерзнулъ бы искать «составъ клеветы» (кстати, какое это курьезное выраженіе — «составъ клеветы»: точно составъ ваксы) въ стихотворной каррикатурѣ, основанной на журнальныхъ, напечатанныхъ уже статьяхъ и представляющей не что иное, какъ только изложеніе отмѣченныхъ этими статьями фактовъ и мнѣній въ комическо-стихотворной формѣ. Да, повторяю, каждый западный юристъ воздержался бы подступать со статьями закона къ журнальной сатирѣ, какъ бы она ни была обидна и рѣзка для личностей, если только эти личности не частные, а общественные дѣятели.

Какъ читатели могли убѣдиться, почти всѣ изложенные и разобранные мотивы судебнаго приговора безъ сомнѣнія представляются по меньшей мѣрѣ странными, а по большей лишенными всякой юридической основы; это просто какая-то судебная полемика противъ «Новаго Времени» и, какъ читатели видѣли, полемика довольно слабая и легко разбиваемая. Впрочемъ, и трудно было ожидать отъ почтеннаго предсѣдателя г. Цуханова и почтенныхъ членовъ гг. Гельшерта и Сербиновича настоящей и выдержанной полемики: вѣдь «мотивы» приговора, составленные соединенными силами гг. судей, какъ я уже упоминалъ, вѣроятно, есть ихъ первый опытъ на полемическомъ поприщѣ. Нельзя же многаго требовать отъ перваго полемическаго опыта юристовъ, хотя бы весьма свѣдущихъ и опытныхъ. Это такъ,

и я не ставлю въ вину господамъ юристамъ слабость полемическихъ пріемовъ и доказательствъ въ ихъ приговорѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, почтенные юристы въ своихъ мотивахъ совершенно напрасно вышли изъ области точнаго закона, изъ области строго юридической и, если можно такъ выразиться, вторгнулись въ чуждую имъ область журнализма. На твердой юридической почвѣ гг. Цухановъ, Гельшертъ и Сербиновичъ безъ сомнѣнія стояли бы совершенно твердо и мотивы судебнаго приговора, постановленнаго ими, были бы вполнѣ неопровержимы, такъ что я даже не имѣлъ бы ни малѣйшаго повода къ возраженію на эти мотивы. Но совсѣмъ иное дѣло, когда почтенные судьи — быть можетъ обольщенные тѣмъ мнимымъ значеніемъ судебнаго приговора, какое старалась въ данномъ случаѣ придать ему санктъ-петербургская либеральная пресса — перебрались на шаткую почву чисто журнальныхъ соображеній и толкованій. Тутъ, говоря безъ всякаго предубѣжденія, господа судьи оказались, что называется, не въ своей тарелкѣ.

„ТУРГЕНЕВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ".

Когда-то, въ доброе старое время на Руси существовалъ полиціймейстеръ Эртель. Не знаю, въ честь ли этого полиціймейстера наименованъ Эртелевъ переулокъ, но несомнѣнно, что въ честь его сложена одна народная или, скорѣй, фабричная пѣсня, въ которой повѣствуется въ весьма нецензурныхъ выраженіяхъ, какъ легендарный представитель полицейской власти обращался съ «погибшими, но милыми созданіями». Въ этой пѣснѣ проводится общая мысль о томъ, что полиціймейстеръ Эртель былъ необыкновенно энергиченъ, искусенъ и дѣйствовалъ, какъ выражается припѣвъ, «хорошо, хорошо, даже очень хорошо». Вполнѣ вѣря свидѣтельству народной музы насчетъ легендарнаго полиціймейстера, я, однако же, осмѣлюсь думать, что его однофамилецъ, современный беллетристъ г. Эртель, въ своемъ дѣлѣ искусенъ и энергиченъ никакъ не менѣе и сочиняетъ разные очерки и повѣсти тоже «хорошо, хорошо, даже очень хорошо». Эртель подвизается на литературномъ поприщѣ, если не ошибаюсь, уже

нѣсколько лѣтъ и началъ его, кажется, въ «Вѣстникѣ Европы» небольшими разсказами подъ общимъ заглавіемъ «Записокъ Степняка». Этими разсказами онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность... въ редакціи журнала г. Стасюлевича. «Записки Степняка», такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ злые языки, ставились почтенной редакціей и по «современному содержанію», и по «прелести художественной формы» чуть ли не наравнѣ съ «Записками Охотника» и г. Эртель признавался почти «Тургеневымъ нашего времени». Послѣ появленія «Записокъ Степняка» въ «Вѣстникѣ», онѣ были изданы отдѣльно въ двухъ томахъ. Имѣетъ ли это изданіе успѣхъ въ публикѣ, мнѣ неизвѣстно. Думаю, что имѣетъ: было бы позорно «для насъ, для всей Руси», если бы беллетристъ, почти равный Тургеневу, пишущій «даже очень хорошо», не имѣлъ успѣха. Кромѣ «Записокъ Степняка», г. Эртель прославился еще фельетонами въ «Голосѣ», отъ либерализма которыхъ, говорятъ, захлебывались петербургскіе канцеляристы, прокуроры и даже адвокаты. Однимъ словомъ, г. Эртель — вполнѣ несомнѣнная литературная «извѣстность» нашихъ дней.

Я съ особенной настойчивостью «констатирую этотъ фактъ», какъ любятъ выражаться газетные репортеры. Констатирую я его ради справедливости и ради казни самому себѣ. Да я долженъ казниться въ душѣ, я долженъ терзаться за свою критическую неаккуратность или разсѣянность: несмотря на извѣстность г. Эртеля, работающаго такъ

долго и такъ изобильно, мнѣ до сихъ поръ не доводилось бесѣдовать о его произведеніяхъ. Случилось это не потому, что я не читалъ ихъ: нѣтъ, я читалъ произведенія г. Эртеля, не скажу чтобы очень усердно, но все же читалъ, и не разъ даже собирался поговорить о томъ или другомъ разсказѣ его «Записокъ». Но постоянно какая-то злая судьба преслѣдовала меня, мѣшая исполнить это намѣреніе. Какъ только я задумаю побесѣдовать о какомъ нибудь новомъ произведеніи «Тургенева нашего времени», такъ сейчасъ пойдутъ всякія неожиданности: то немедленно по прочтеніи забуду разсказъ г. Эртеля; то повѣсть или романъ какого нибудь Скоробрешкина, Сапогова, Сидорова—писателей совсѣмъ не столь знаменитыхъ, какъ г. Эртель—покажутся мнѣ болѣе интересными для критической бесѣды; то отъ одной мысли объ оцѣнкѣ глубокихъ идей и прелести художественной формы «Записокъ Степняка» мною овладѣетъ такая нервическая зѣвота, что ломятся челюсти, дѣлается мигрень. Благодаря такимъ препятствіямъ, очевидно роковымъ, мнѣ до сихъ поръ не удавалось исполнить свою обязанность по отношенію къ писателю, заслуживающему полнаго вниманія. Положимъ, г. Эртель въ мнѣніи своихъ читателей и поклонниковъ ничего не потерялъ отъ того, что я упорно молчалъ о немъ; но я-то въ мнѣніи моихъ читателей потерялъ страшно: помилуйте, пропустилъ сквозь пальцы «Тургенева семидесятыхъ годовъ!» Вѣдь это мало того, что небрежность, это—просто преступленіе. На про-

изведенія Сидорова, Сапогова, Скоробрешкина отзывался я и даже неоднократно сердцемъ своимъ, а знаменитаго беллетриста нашихъ дней просмотрѣлъ. Совѣстно и ужасно сознаться. И однако я сознаюсь публично и каюсь въ своей великой винѣ, въ своемъ великомъ преступленіи. А чтобы мое раскаяніе не показалось фарисейскимъ, я тотчасъ же приступлю къ дѣйствительному исправленію себя: займусь новѣйшимъ произведеніемъ г. Эртеля — повѣстью «Волхонская барышня».

Повѣсть «Волхонская барышня», безъ всякаго сомнѣнія, не только не хуже прежнихъ разсказовъ г. Эртеля, но даже лучше ихъ. По глубинѣ идеи, по современности тенденціи, по художественной выработкѣ эта повѣсть—истинный перлъ среди многочисленныхъ работъ нашего автора. Г. Эртель, такъ сказать, вылился въ новомъ произведеніи всѣми лучшими сторонами своего таланта и своего либерализма. Тутъ, въ этомъ небольшомъ беллетристическомъ этюдѣ вложено столько поэзіи и наблюдательности, столько самыхъ животрепещущихъ тенденцій и скорбей современности, что настоящую, достойную критическую оцѣнку этого этюда могъ бы произвести развѣ одинъ г. Евгеній Утинъ, который въ животрепещущихъ тенденціяхъ и скорбяхъ современности, что называется, собаку съѣлъ. Я—сознаюсь въ этомъ откровенно—не въ состояніи произвести подобнаго рода оцѣнки и ограничусь только слабыми и отрывочными указаніями на иныя прелести эртелевскаго творчества, чувствуя

свое безсиліе опредѣлить ихъ и выяснить вполнѣ. Сюжетъ «Волхонской барышни» съ перваго взгляда представляется необыкновенно избитымъ и пошлымъ, трактованнымъ по крайней мѣрѣ тысячу разъ россійскими беллетристами: авторъ разсказываетъ извѣстную, переизвѣстную исторію о томъ, какъ въ деревню пріѣзжаетъ современный герой-развиватель и какъ онъ развиваетъ въ самомъ послѣднемъ вкусѣ наивно-отзывчивую душу деревенской барышни. Повидимому, что̀ можетъ быть пошлѣе и заѣзжаннѣе такого сюжета? Да, это только повидимому, это съ перваго взгляда такъ кажется, а когда вы вникните въ дѣло глубже, когда вы прочтете, какъ разрабатываетъ этотъ пошлый сюжетъ г. Эртель, вы поймете, что онъ дѣйствительно «Тургеневъ семидесятыхъ годовъ», что онъ съ чуткостью автора «Рудина» и «Отцовъ и дѣтей» схватываетъ самыя тончайшія «вѣянія» времени и воспроизводитъ ихъ въ удивительно яркихъ и законченныхъ образахъ, съ невѣроятною художественностью и поэзіей. Скажу даже больше: подлинный Тургеневъ, Тургеневъ сороковыхъ годовъ, какъ извѣстно, человѣкъ вполнѣ русскій и поэтому въ его талантѣ нѣтъ одной черты, которою обладаетъ Тургеневъ семидесятыхъ годовъ — черты нѣмецкой аккуратности въ творчествѣ, если такъ можно выразиться. Г. Эртель, вѣроятно, тоже русскій человѣкъ; но его фамилія даетъ нѣкоторый поводъ предполагать, что нѣмецкій элементъ не чуждъ его крови и быть можетъ потому-то въ его талантѣ и замѣ-

чается сейчасъ указанная черта. О, его творчество необыкновенно аккуратно. Онъ творитъ такимъ образомъ, что на каждомъ дѣйствующемъ лицѣ своего произведенія аккуратно наклеиваетъ ярлычекъ, какъ аптекарь-нѣмецъ на склянкѣ микстуры или коробочкѣ порошковъ. Когда г. Эртель рисуетъ современнаго героя, онъ какъ бы поясняетъ читателю: это «есть» современный герой; когда онъ изображаетъ наивно отзывчивую дѣвицу, онъ какъ бы пишетъ у нея на лбу: это «есть» наивно-отзывчивая дѣвица; когда онъ дѣлаетъ поэтическое описаніе природы, онъ какъ бы докладываетъ: это «есть» поэтическое описаніе природы; даже когда онъ производитъ психическій анализъ, онъ какъ бы внушаетъ: это «есть» производимый мною психическій анализъ. По крайней мѣрѣ на меня всегда дѣлало и дѣлаетъ подобное впечатлѣніе беллетристическое творчество г. Эртеля и я, всегда въ душѣ соглашаясь съ ярлычными поясненіями автора, невольно прибавлялъ къ нимъ уже отъ себя: а все вмѣстѣ это «есть» нѣмецкая аккуратная работа, особенность которой равно замѣтна и у нѣмецкихъ беллетристовъ, и у нѣмецкихъ сапожниковъ. Сказать по правдѣ, у сапожниковъ нѣмцевъ я эту аккуратную работу люблю и почитаю; но въ области свободнаго творчества она мнѣ всегда немножко противна...

И такъ г. Эртель съ нѣкотораго рода нѣмецкой аккуратностью шьетъ сапоги... я хотѣлъ сказать: пишетъ повѣсти. Но этотъ элементъ въ его твор-

чествѣ ни мало не мѣшаетъ ему идти по слѣдамъ Тургенева, какъ увѣряютъ его поклонники. И Боже, какъ бодро, какъ смѣло, какъ увѣренно идетъ онъ: ни малѣйшее смущеніе не овладѣваетъ имъ, ни на минуту не задумывается онъ, по силамъ ли ему роль «Тургенева семидесятыхъ годовъ». Настоящій Тургеневъ написалъ «Записки Охотника», обнаруживъ въ нихъ бездну художественной наблюдательности, тонкой поэзіи въ изображеніи русской природы и русскаго быта, и освѣтивъ нарисованныя имъ картины свѣтомъ гуманной и либеральной мысли. Г. Эртель пишетъ «Записки Степняка» и обнаруживаетъ въ нихъ рѣшительно такіе же пріемы и такія же тенденціи, съ тою лишь маленькою разницею, что беллетристическая живопись стараго Тургенева напоминаетъ изящныя акварели, а беллетристическая живопись новаго Тургенева— росписанные подносы. Тургеневъ сороковыхъ годовъ изобразилъ типъ героя его времени въ лицѣ Рудина. «Тургеневъ семидесятыхъ годовъ» тоже начинаетъ изображать такой типъ въ новой своей повѣсти. Главный герой «Волхонской барышни» новый человѣкъ самой послѣдней формаціи. Я сказалъ новый человѣкъ, хотя правильнѣе было бы сказать «новый глупецъ», прибавившійся въ галлерею портретовъ тѣхъ глупцовъ, которые созданы въ такомъ огромномъ количествѣ теперешними беллетристами отъ г. Боборыкина до Максима Бѣлинскаго включительно. Надо отдать справедливость г. Эртелю: его глупецъ самый неотесанный, самый

грубый, самый наглый изо всѣхъ глупцовъ, какіе когда-либо создавались беллетристами шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Не знаю какъ кому, а мнѣ всегда было горько и досадно видѣть, какъ теперешніе беллетристы выставляютъ грубыхъ и неотесанныхъ глупцовъ истинными сынами вѣка. Неужели грубость, неотесанность и глупость — это именно тѣ основныя качества, которыми характеризуются типы нашего времени? Трудно повѣрить такой клеветѣ, но изобразители этихъ типовъ въ беллетристикѣ вотъ уже лѣтъ десять увѣряютъ насъ въ этомъ упорно, съ необыкновеннымъ азартомъ и по истинѣ удивительнымъ усердіемъ. Всего назидательнѣе, что г. Эртель сотвореннаго имъ неотесаннаго и грубаго глупца зачисляетъ въ рядъ современныхъ писателей-народниковъ и даже записываетъ его въ члены географическаго общества. По моему почтенное общество должно заявить протестъ противъ такого страннаго распоряженія г. Эртеля; или же, если дѣйствительно герой состоитъ членомъ въ обществѣ, немедленно исключить его. Мало того: г. Эртель рекомендуетъ своего глупца, какъ «принципіальнаго» человѣка, какъ одного изъ «печальниковъ» народа, какъ одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи. Помимо грубѣйшихъ глупостей и глупѣйшихъ грубостей этотъ принципіальный человѣкъ ничего не говоритъ, кромѣ глупѣйшихъ и безтолковѣйшихъ наглостей ничего не дѣлаетъ и между тѣмъ передъ нимъ всѣ склоняются, всѣ признаютъ его превосходство: и прія-

тель, практическій агрономъ, скромно и добросовѣстно дѣлающій свое дѣло, котораго членъ географическаго общества обзываетъ безпрестанно буржуй-буржуевичемъ; и аристократическая барышня, которую онъ развиваетъ въ одинъ пріемъ пошлой и невѣжественно-фразерской лекціей, извлеченіе изъ которой я приведу ниже; и родитель барышни, либеральный и образованный эстетикъ, скомпилированный г. Эртелемъ изъ тургеневскихъ Потугина и Павла Кирсанова. Трудно даже представить, посредствомъ какихъ очарованій господствуетъ надъ всѣми глупый герой г. Эртеля, ибо кромѣ самыхъ избитыхъ фразъ о народѣ, о русскихъ общинныхъ идеалахъ и началахъ, кромѣ грубыхъ выраженій и словъ, въ родѣ «ступайте утрите сопли», «на какого дьявола», «какіе же это къ лѣшему результаты», «жратву добывать», «жрутъ», «лопаютъ», «корёжиться», «поганьте» и т. п. — кромѣ этихъ прелестей онъ ничего изъ себя не извергаетъ, а между тѣмъ геройствуетъ да и только. Аристократическая барышня какъ его увидѣла, такъ сейчасъ и влюбилась въ него и приникла предъ его авторитетомъ. Услыхала она, что герой въ разговорѣ съ ея родителемъ-эстетикомъ ни съ того, ни съ другого нагрубилъ ему, услыхала, что онъ своему пріятелю-агроному пустилъ «на какого дьявола» и безсмысленную фразу: «мужикъ вотъ возьметъ да вжаритъ ренту до чертиковъ» и ей «вдругъ ужасно захотѣлось проникнуть въ міръ его идей, перенять его обильныя познанія». Герой

не замедлилъ изложить эти «обильныя познанія» и прочиталъ ей лекцію, о которой я упоминалъ. Барышня спросила: «что такое народный вопросъ?» Герой отвѣтилъ: «такіе вопросцы посложнѣе вашего затѣйливаго туалета. А однакожъ и туалетъ вашъ въ этой же сферѣ кружится». Затѣмъ онъ, по увѣренію г. Эртеля, «почувствовалъ, что находится въ ударѣ, факты и мысли, какъ въ ключѣ, бились въ его воображеніи», въ немъ проснулся «принципіальный человѣкъ» и онъ пошелъ валять заѣзженную въ заграничныхъ брошюрахъ рацею вотъ въ такомъ родѣ:

— Народный вопросъ, милая барышня, имѣетъ исторію длинную, но въ современномъ его видѣ недавно гуляетъ по нашимъ нервамъ, — строгимъ и нѣсколько пересохшимъ голосомъ произнесъ онъ. — Но ужь начинать, такъ начнемъ съ Адама, и прежде чѣмъ «вопроса» коснуться, потолкуемъ о почвѣ, этотъ вопросъ взростившей...—и онъ кратко и выразительно перечислилъ ей внѣшніе факты русской крестьянской исторіи. Государственное собираніе земли на Москвѣ; немощь въ крестьянскомъ обиходѣ, вызванная этимъ собираніемъ; разбродъ, какъ слѣдствіе этой немощи; насильственное прикрѣпленіе къ землѣ; безпрерывный стонъ народный, заглушаемый визгомъ политической суетни; торжественное шествіе государственной машины подъ гулъ побѣдоносныхъ и иныхъ кампаній,—вотъ какими чертами онъ опредѣлилъ эту исторію. А дошедъ до временъ пугачевщины — съ ироніей сказалъ:

— Это репримандъ нумеръ первый.

Затѣмъ, въ его живомъ и рѣзкомъ изложеніи опять потянулись однообразные факты. Систематическое расширеніе крѣпостного права. Рѣдкія вздрагиванія крестьянскаго горба, изнывавшаго подъ тяжестью государственныхъ забавъ. Англійскій пластырь на зіяющихъ язвахъ. Наивное свирѣпство помѣстнаго дворянства и плотоядной бюрократіи. Наконецъ, цѣлая сѣть кровавыхъ

расправъ, съ особенной настойчивостью расползавшаяся по тихимъ захолустьямъ и идиллическимъ дворянскимъ гнѣздамъ, — все это выростало и тянулось предъ Варей стройной и сокрушающей вереницей, и неотступно заполоняло ея воображеніе. — «Тамъ поваръ, какъ куренка, рѣзалъ свою барыню; тамъ сѣнная дѣвка подсыпала барину зелья въ питье; тамъ мужики дубьемъ расправлялись съ своимъ мучителемъ; тамъ, просто на просто «властей не признавали» и объявляли завѣдомую войну изъѣдавшему ихъ режиму; такъ назрѣвалъ и насыщалъ атмосферу тяжкимъ предвѣстіемъ грозы крестьянскій протестъ,— говорилъ Тутолминъ, и на этомъ прервалъ свою рѣчь насмѣшливымъ примѣчаніемъ:

— Это былъ второй репримандъ.

На освобожденіи крестьянъ онъ покончилъ съ ихъ исторіей.

— Теперь у насъ иная пѣсня потянется, — сказалъ онъ,— теперь мы доберемся до «народнаго вопроса», милая барышня... — И прямо указалъ на Радищева. «Это первый печальникъ народный, — вымолвилъ онъ, — первый, если можно такъ выразиться, принципіальный печальникъ, то есть, сознательный. идейный»... Затѣмъ съ ироніей упомянулъ о «Бѣдной Лизѣ», Карамзина, о чувствительныхъ европейскихъ вліяніяхъ во вкусѣ изысканныхъ пасторалей Ватто, о «романтическомъ» народолюбіи декабристовъ, о «народности», возвѣщенной правительствомъ Николая. Когда же дошелъ до сороковыхъ годовъ и коснулся литературнаго направленія, выростившаго «Записки Охотника» и «Антона Горемыку», иронія его пропала и замѣнилась нѣсколько пренебрежительной снисходительностью. Онъ признавалъ за направленіемъ воспитывающее значеніе и въ этомъ смыслѣ — извѣстную заслугу, но не много давалъ ему цѣны, какъ серьезному выраженію крестьянскихъ нуждъ и крестьянскихъ стремленій. Впрочемъ, упомянулъ онъ объ этомъ вскользь, и Варя больше по тону его догадалась, что онъ не большой поклонникъ «художниковъ» сороковыхъ годовъ.

Этой избитой рацеей герой плѣнилъ барышню несказанно. Она, по увѣренію г. Эртеля, почувствовала, что «слезы горькимъ клубкомъ подкатыва-

лись къ ея горлу». Послѣ того, какъ горькій клубокъ слезъ подкатился къ горлу, разумѣется, оставалось только броситься на шею къ герою, объяснившему барышнѣ «рѣдкія вздрагиванія крестьянскаго горба» и барышня бросилась, признавъ нашего члена географическаго общества и народника-писателя «чѣмъ-то важнымъ, свѣтозарнымъ, недосягаемымъ». Свѣтозарный и недосягаемый членъ географическаго общества съ своей стороны «прикоснулся губами къ ея затылку, отъ котораго пахнуло тонкими духами», погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «дорогая моя, невѣста моя» и затѣмъ, «счастливый и безмятежный, началъ развивать передъ ней свои планы». Планы заключались въ слѣдующемъ: «Она непремѣнно должна ѣхать въ Петербургъ и слушать лекціи на высшихъ курсахъ. Курсы дадутъ ей факты — научную основу для ея стремленій, полезныя знакомства и связи. Онъ поѣздитъ по деревнямъ, соберетъ матеріалы для книги, которую думаетъ написать — «О проявленіяхъ артельнаго духа въ по-реформенной деревнѣ, въ связи съ стойкостью русскихъ общинныхъ идеаловъ вообще», а къ зимѣ возвратится въ Петербургъ и они заживутъ тамъ на славу. Впереди же... о, впереди масса работы, масса честнаго и свѣтлаго труда — рука объ руку съ вѣрными «однокашниками», съ товарищами, «испытанными въ лихую и жестокую годину».

Затѣмъ нѣкоторое время все шло какъ по маслу. Въ ожиданіи исполненія плановъ, свѣтозарный ге-

рой и барышня катались на лодкѣ, причемъ ихъ «обступали» разные чудесные пейзажи, а въ души ихъ вливались и ихъ охватывали волны всякихъ чудесныхъ чувствъ и ощущеній. Къ слову сказать: г. Эртель ужасно любитъ описывать «красы природы, цвѣтъ розо-желтый облаковъ» и изображать, какъ разныя волны ощущеній и чувствъ вливаются въ души. Эти красы природы и ощущенія онъ безпрестанно суетъ въ свой разсказъ, почти всегда начиная ихъ изображеніе союзомъ *а*. «А солнце зажигало западъ и небо, розовымъ сводомъ опрокидывалось надъ озеромъ»; «а впереди смачно (?) чернѣлась пашня»; «а за ея плечами все стоялъ какой-то кошмаръ и темными крыльями вѣялъ на нее и, отъ времени до времени (какой осторожный этотъ, душка, кошмаръ!) обнималъ ее судорожной дрожью»; «а Варя вошла въ свою комнатку и долго не раздѣвалась. Призрачныя тѣни лежали на поляхъ. Роща недвижимо темнѣла»; «а она чувствовала какое-то странное удовлетвореніе въ этомъ жуткомъ приближеніи грозы. Внутренній ея міръ какъ будто закрылся для нея; и только какая-то превозмогающая (?) струна звучала въ немъ трагической и суровой нотой, и этотъ непрестанный звукъ какъ-то странно совпадалъ съ тѣми звуками, которые слышались ей въ грозномъ рокотаніи грома и въ шумѣ сада, дикомъ и внушительномъ, и въ пугливомъ шопотѣ безпредѣльныхъ нивъ». Вотъ въ этакомъ родѣ сочиняетъ безпрестанныя а — а г. Эртель и всегда такимъ довольп.

нымъ и серьезнымъ тономъ, что читателю невольно слышится, какъ авторъ подсказываетъ: «это есть поэтическая живопись природы и производимый мною тонкій психическій анализъ, это есть превосходная художественная манера, усвоенная мною столь же хорошо, какъ Тургеневымъ». Бѣдный г. Эртель! Онъ не понимаетъ, что это есть довольно деревянное, условное, рутинное сочинительство, которое пускается шаблонными авторами тѣмъ чаще, чѣмъ меньше у нихъ живой наблюдательности, чувства и истиннаго поэтическаго созерцанія природы и жизни человѣческой души.

Я однако отвлекся отъ разсказа сюжета повѣсти г. Эртеля. Возвратимся къ нему. Все шло хорошо у свѣтозарнаго члена географическаго общества и у барышни, какъ вдругъ членъ узналъ, что въ окрестныхъ деревняхъ ходитъ горячка. Какъ только онъ узналъ объ этомъ, такъ сейчасъ «какое-то жгучее ощущеніе стыда хлынуло на него неукротимыми волнами». «Нѣтъ, хорошъ я! произнесъ онъ съ горечью: — люди издыхаютъ какъ собаки, безъ помощи, безъ свѣта, въ грязи, въ гноѣ, а я»... Ну, конечно, онъ не могъ договорить отъ бушеванія неукротимыхъ волнъ въ его душѣ и тотчасъ же написалъ барышнѣ грубѣйшую записку: «У насъ подъ бокомъ люди околѣваютъ, драгоцѣнная барышня, а мы, благодаря терпкимъ горбамъ этихъ людей, получившіе возможность корёжиться въ миндальныхъ мечтаніяхъ, толчемъ розовую воду и смакуемъ книжки. Не приду я къ

вамъ». Для поясненія послѣднихъ словъ слѣдуетъ прибавить, что барышня звала героя читать вмѣстѣ книгу профессора Постникова, который ей показался сухъ и не милъ безъ героя. И однако, отказавшись читать съ барышней книгу Постникова, герой не отказался отъ безполезной прогулки съ нею по избамъ, гдѣ были больные, при чемъ ни онъ, ни барышня ничѣмъ не помогли терпкимъ горбамъ околѣвающихъ людей. Но герой, конечно, зачелъ себѣ въ гражданскій подвигъ эту прогулку. По всей вѣроятности, этой безполезной прогулкой по крестьянскимъ избамъ членъ географическаго общества плѣнилъ бы барышню въ конецъ, если бы на его несчастіе къ барышнѣ не пріѣхалъ аристократическій кузенъ съ какимъ-то молодымъ отпрыскомъ одного изъ россійскихъ милліонеровъ-кулаковъ. Кузенъ барышни выродившійся аристократикъ, вывихнутая по всѣмъ суставамъ и донельзя изнервничавшаяся мнимо-аристократическая натура. Онъ начинаетъ разводить передъ барышней тирады, занимающія цѣлыя страницы, тирады невыносимо-книжно сочиненныя г. Эртелемъ, тирады съ претензіей на остроуміе и выразительность. Вотъ образчики этихъ тирадъ:

— Ты находишь неправильнымъ мое выраженіе? Ты думаешь, что въ улыбкахъ нельзя захлебнуться?—живо спросилъ графъ и, не давая ей отвѣтить, продолжалъ меланхолически: — о, какая ты счастливая кузина: ты не воспитывалась въ пажескомъ корпусѣ, ты не учила грамматики!.. (Она попыталась возразить, но онъ снова перебилъ ее)— ты не учила грамматики... Ты знаешь, что̀ за остроумный приборъ эта грамматика? — Это сапоги, кото-

рые до того научно обнимаютъ твои ноги, что въ нихъ невозможно ходить... или, лучше всего—культурная мамаша, которая странствуетъ за своимъ ребенкомъ съ новѣйшей и раціональнѣйшей книжкой въ рукахъ—«Принципы къ руководству ухода за дѣтьми»—пошутилъ онъ въ скобкахъ—въ трехъ томахъ, цѣна за каждый томъ три цѣлковыхъ... Ребенку кушать хочется—мамаша въ книжку смотритъ: «Нѣтъ, mon enfant, потерпи 53 минуточки»... Терпѣть! да ему, можетъ быть, животишко подводитъ, драгоцѣннѣйшая madame!..—Ребенокъ отъ сонливости глазенки провертѣлъ кулачишками, а мамаша снова къ книжкѣ и снова не полагается спать бѣдняжкѣ, а полагается бодрствовать и кушать какой-то патентованный бульонъ на воробьиныхъ лапкахъ... О бѣдовое дѣло эта грамматика!.. Ты не замѣчала ли въ своей комнаткѣ:—раскрытая книга лежитъ на коврѣ вверхъ тисненнымъ переплетомъ; бархатная скатерть полуспущена и широкими складками драпируется на полу; съ рѣзного кресла въ красивомъ безпорядкѣ ниспадаетъ твое бальное шелковое платье; на столѣ рядомъ съ бронзовой чернильницей стоитъ граненый графинъ съ водою; тяжелая гардина откинута; кошка лежитъ на атласной подкладкѣ драпри и лѣниво мурлычетъ. А утреннее солнце ярко и горячо освѣщаетъ этотъ живописный безпорядокъ. Оно и въ графинѣ сверкаетъ прихотливой радугой, и блеститъ на крышкѣ чернильницы, и свѣтитъ на коверъ, на стальной отливъ твоего платья, на переплетъ книги... и мелкая пыль бьется золотымъ столбомъ, и крутится, и толпится въ его лучахъ... И нѣга тебя обнимаетъ и встаютъ предъ тобой странныя мечтанія, мерещится палитра, арматура загадочнаго вооруженія, недопитый бокалъ съ янтарнымъ рейнвейномъ, бархатный костюмъ художника... И какія-то крылья навѣваютъ на тебя смутныя грезы, и веселая эпоха какого-нибудь Возрожденія силится предстать предъ тобою... О, дивно иногда живется безъ грамматики, моя прелесть!.. Но придетъ твоя Мареа—или какъ ее,—впрочемъ, пусть будетъ Мареа, это такъ идетъ къ ней, къ твоей воображаемой горничной—помнишь: Мареа, Мареа, что печешися о мнозѣмъ?..—И придетъ эта Мареа съ шваброй въ рукѣ, и водворитъ порядокъ, и закричитъ на кошку: брысь, проклятая! и смететъ пыль, и оправитъ скатерть, а въ

сердце твое, мой ангелъ, нагонитъ сухого и скучнаго холода... И грезы твои разлетятся какъ птицы... О, это остроумный приборъ—и онъ опять поникъ въ задумчивости.

— Ты смѣешься? Нѣтъ, ты не смѣйся,—и онъ грустно вздохнулъ,—ты лучше пойди, поплачь къ себѣ. А знаешь, когда я люблю плакать? Когда вечеромъ мрачныя тучи покроютъ небо и густо столпятся надъ закатомъ, а подъ ними узкимъ и пламеннымъ румянцемъ горитъ заря. И въ полѣ ходятъ трепетныя тѣни и погасаютъ, и заря какъ будто прощается, какъ будто умираетъ и на вѣки покидаетъ холодную землю... Есть картина такая: «Вечеръ на островѣ Рюгенѣ», Клевера, кажется... Такъ вотъ передъ этой картиной я разъ стоялъ и плакалъ. Я плакалъ, а на меня смѣялись. И толстый купчина съ пятномъ на животѣ смѣялся, и накрахмаленный жидокъ изъ банкирской конторы смѣялся, и барыня въ гремящемъ платьѣ смѣялась, и мадмуазелька съ лорнеткой въ одной рукѣ и съ любовной запиской въ другой—и та смѣялась... А ты не читала Байроновой «Тьмы»? Я читалъ, а потому и плакалъ предъ картиной. Ты не читай... А ты знаешь, моя прелесть, я слишкомъ много говорю и навѣрное скоро расплачусь... Но ты ужасно мнѣ нравишься... А какъ ты находишь Лукавина? О, какъ онъ поетъ, моя милая!.. Вотъ погоди.— И онъ никогда, никогда не расплачется. И замѣть, какой онъ здоровый. Таковы были варвары, которыхъ изображалъ брюзга—Тацитъ. А мы съ тобой римляне, моя ненаглядная, изнѣженные, истерзанные римляне—и онъ съ печалью улыбался, тихо прикасаясь къ клавишамъ.

Разумѣется, какъ только свѣтозарный членъ географическаго общества узрѣлъ изящнаго кузена съ развинченными нервами, такъ сейчасъ переполнился грубостью и глупостью уже просто черезъ край. Онъ надѣлъ чистую рубашку съ какими-то необыкновенными воротничками до ушей и парадный сюртукъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ аристократишкой; но лишь тотъ съ нимъ заговорилъ, нашъ свѣтозарный членъ географическаго об-

щества утратилъ всю свою недосягаемость и свѣтозарность. Произошелъ для героя роковой разговоръ съ кузеномъ барышни такимъ образомъ. Кузенъ, узнавъ, что герой беллетристъ-народникъ, скромно выразилъ такое мнѣніе: напрасно современные беллетристы пренебрегаютъ изяществомъ формы, выработанной прежними художниками; напрасно переходятъ «отъ Пареенона къ хижинѣ зулуса, отъ самаго принципа формы къ полнѣйшей стихійности». Это замѣчаніе взорвало героя и онъ рѣшилъ «оборвать» кузена и оборвалъ, Боже какъ оборвалъ! Говоря его выразительнымъ языкомъ: просто треснулъ въ морду аристократишку.

— Вы гдѣ изволили обучаться? — быстро перебилъ его Илья Петровичъ. Варя встрепенулась въ испугѣ. Графъ въ изумленіи посмотрѣлъ на него.

— Въ пажескомъ корпусѣ, — сказалъ онъ.

— И по заграницамъ ѣздили!

— Путешествовалъ...

— Бывали въ музеяхъ, видѣли Мадонну Сикстинскую, Венеру въ Луврѣ!

— Видѣлъ... Но я не понимаю...

— И языками владѣете? Въ подлинникѣ Шекспира читаете? Декамеронъ, поди, штудируете на сонъ грядущій? Римскія элегіи изучаете...

— Простите, но я...

— Отлично-съ, — рѣзко остановилъ его Тутолминъ: — а я, смѣю доложить вашему сіятельству, сынъ стряпчаго,— знаете, взяточники этакіе существовали въ старину, — а учился я у дьячихи... А въ университетъ пѣшкомъ приперъ, съ родительскимъ подзатыльникомъ вмѣсто благословленія. Да университета-то не кончилъ по случаю голодухи, ибо на третьемъ курсѣ остро́е воспаленіе кишокъ схватилъ отъ чухонскихъ щей... Въ дѣтствѣ читалъ «Путешествіе Пиѳагора», да сказку про солдата Яшку, красную рубашку, — вашему сіятельству неизвѣстна такая?..

— Все, разумѣется, имѣетъ raison d'être... — началъ было явно опѣшенный графъ.

— Но графъ и не думаетъ винить васъ, Илья Петровичъ... — вмѣшалась Варя.

— О, я и не воображалъ въ вашемъ домѣ встрѣтить прокурора, мадмуазель, — язвительно произнесъ Тутолминъ: — я только имѣю интересный вопросъ къ его сіятельству...

— Чѣмъ могу служить? — съ преувеличенной вѣжливостью вымолвилъ графъ. А Варя надменно закинула головку: она глубоко негодовала.

— Служить-то вы мнѣ ничѣмъ не можете, — безцеремонно сказалъ Тутолминъ, — я только хотѣлъ васъ спросить: отчего, это всѣ вы, изучающіе Мадоннъ и Шекспировъ, предпочитаете курорты навѣщать, а не являетесь въ литературу?

— Но странное дѣло, таланты...

— Что до талантовъ! Хотя бы принципъ представляли. Принципъ изящной формы. Мы, глядишь, посмотрѣли и усвоили бы его... А то вѣдь намъ не то жратву добывать (графъ сдѣлалъ гримасу; «извините за вульгарное слово», — съ насмѣшливымъ поклономъ замѣтилъ Тутолминъ), не то «сущность» ловить, гдѣ-нибудь въ самой, что ни на есть «безформенной» деревушкѣ... Гдѣ ужъ тутъ до Парѳенона-съ!.. А вы бы насъ и научили, изящные-то люди...

— Но у васъ есть образцы...

— Есть, это вѣрно. А если...

— Но вы не понимаете своихъ выгодъ, — сказалъ графъ, — вы выходите на битву безъ латъ... Вы забываете, что форма то же оружіе... Гейне...

Тутолминъ всталъ во весь ростъ.

— Выхожу съ открытой грудью и горжусь этимъ, ваше сіятельство, — почти закричалъ онъ, — мнѣ некогда было сковать мои латы, да еще вопросъ: пригодны ли онѣ для нашей битвы... Но я не шляюсь по курортамъ... Не изнываю по музеямъ въ томительной чесоткѣ... Не транжирю мужицкихъ денегъ на такъ-называемое «покровительство» изящныхъ искусствъ, до которыхъ мужику такое же дѣло, какъ намъ съ вами до китайскаго императора...

Кузенъ барышни могъ бы, конечно, очень тол-

ково отвѣтить на всѣ приведенные столько же невѣжественные, сколько грубые аргументы героя. Онъ могъ бы сказать, что какое же дѣло читателямъ его литературныхъ трудовъ, что онъ не кончилъ университета и что схватилъ на третьемъ курсѣ воспаленіе кишокъ отъ чухонскихъ щей. Шекспиръ, напримѣръ, тоже не кончилъ курса въ университетѣ и тоже въ юности голодалъ — однако его произведенія отъ этого не лишились своего величія и изящества. Если литературное образованіе героя ограничивалось только знакомствомъ съ «Путешествіемъ Пиѳагора» и сказкой про солдата Яшку, — ему не слѣдовало пускаться въ литературу и постараться «добывать жратву» посредствомъ какого-нибудь ремесла. Люди, изучавшіе Шекспира и Мадоннъ, давнымъ-давно явились въ литературу и давнымъ-давно дали образцы болѣе поучительные, чѣмъ сказка о солдатѣ Яшкѣ. Имена этихъ людей извѣстны всѣмъ; это были: Пушкинъ, Лермонтовъ, Герценъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Левъ Толстой, Достоевскій, словомъ всѣ корифеи литературы. Гордиться свѣтозарному герою, что онъ выходитъ нагишомъ потому, что ему некогда сковать латъ, тоже нечего: во-первыхъ, онъ въ своемъ натуральномъ видѣ представляетъ безчинное, смѣшное и жалкое зрѣлище; во-вторыхъ, его «открытая грудь» не выдерживаетъ даже соломенки ироніи, направленной въ него аристократическимъ шелопаемъ, «шоколадной куклой», какъ онъ самъ называетъ кузена барышни. Ну, на какія же дѣла можно выходить съ

такой могучей грудью, хотя бы въ самомъ соблазнительномъ декольте? Да, все это могъ бы сказать кузенъ барышни нашему герою и если не сказалъ, то, кажется, не потому, что не догадался, а изъ пренебреженія къ его грубому невѣжеству. А герой нашъ даже и этого не понялъ и удалился въ полномъ убѣжденіи, что удивилъ Европу, что онъ отдѣлалъ своего собесѣдника такъ, что тотъ ужъ и не встанетъ.

Закончена повѣсть такъ же, какъ и начата она, то есть конецъ пригнанъ по всѣмъ правиламъ, установленнымъ для беллетристическихъ работъ съ либеральной «идеей». Героиня повѣсти, бѣдная современная барышня, въ которую заронилъ искру «гражданскаго» сознанія современный развиватель, пробудившій въ ея невинной и неопытной душѣ сочувствіе къ «вздрагиваніямъ крестьянскаго горба» — эта обычная жертва теперешнихъ россійскихъ художниковъ, разумѣется, заклана г. Эртелемъ на алтарѣ новѣйшаго Молоха — прогресса. Волхонская барышня, какъ десятки подобныхъ ей невытанцовавшихся особъ, созданныхъ кабинетной беллетристической фантазіей, «отцвѣтаетъ, не успѣвши разцвѣсть»: она умерла и умерла не просто отъ какой нибудь случайной болѣзни, не по волѣ божіей, а особенной, книжной, такъ сказать, смертью, умерла «по либеральному поводу». При какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ приключилась ей смерть — я постараюсь изложить это

читателямъ по возможности сжато, но тѣмъ не менѣе точно.

Развиватель барышни, глупо и грубо возревновавъ ее къ аристократическому кузену, вошелъ въ необычайный ражъ, котораго не могъ утишить даже чтеніемъ статьи «Отечественныхъ Записокъ». Несмотря на то, что статья, по увѣренію г. Эртеля, была интересна и представляла «экономическія данныя», она «какъ-то туго и тяжело влѣзала въ его голову». Это бы, впрочемъ, еще ничего; безъ сомнѣнія, многія статьи «Отечественныхъ Записокъ» влѣзаютъ въ голову ихъ читателей туго и тяжело, хотя зато вылѣзаютъ очень свободно, такъ какъ не оставляютъ въ головѣ никакихъ «данныхъ», а одни только «слова, слова, слова», порою нагроможденныя довольно безтолково. Но съ головою эртелевскаго развивателя приключилось еще и другое горе: туго пропуская статью «Записокъ», она при этомъ «пылала», а «по спинѣ его ходили иглы». Однако, развиватель кой-какъ залилъ свою пылавшую голову, прекратилъ прогулку иглъ по своей спинѣ и «въ немъ выросло и стало во весь ростъ» сознаніе любви къ барышнѣ. «Это фактъ — произнесъ онъ громко — и съ нимъ надо считаться... Но нужно вырвать ее (то есть барышню) изъ этой экзотической гнили (то есть изъ общества кузена и родительскаго дома); нужно рѣшительно и разъ навсегда вывесть ее на прямую дорогу», то есть на дорогу обожанія его, развивателя, на дорогу собиранія купно съ нимъ матеріаловъ для его

статьи «О проявленіяхъ артельнаго духа въ пореформенной деревнѣ, въ связи съ стойкостью русскихъ идеаловъ вообще и книжно-беллетристическихъ сапоговъ въ смятку въ особенности». И полный этимъ великимъ рѣшеніемъ, онъ «твердою рукою» принялся выводить... письмо къ барышнѣ. Въ письмѣ онъ предложилъ ей «заявиться передъ разными салонными пряниками въ подлинномъ своемъ видѣ». Для того, чтобы «заявиться въ подлинномъ своемъ видѣ», барышня, по его мнѣнію, должна разрѣшить ему съ ней обращеніе на ты «уже не подъ сурдинку, а какъ подобаетъ взрослымъ людямъ». Такое открытое обращеніе съ барышней на ты онъ считалъ необходимымъ ранѣе «такъ называемаго предложенія» потому, что находилъ «очень разумнымъ ея и свое рѣшеніе не сходиться до тѣхъ поръ, пока она не взглянетъ жизни прямо въ глаза, то есть не извѣдаетъ ея нуждъ и прозы».

Это нелѣпое предложеніе барышнѣ, однако, не возымѣло успѣха, на который разсчитывалъ прямолинейный развиватель, и ему не удалось посредствомъ такого легкаго способа вывести барышню на прямую дорогу изъ «экзотической гнили». Барышня, какъ ни была неопытна, почувствовала грубость и неотесанное нахальство развивателя, поняла, что такого господина не только нельзя любить, но даже слѣдуетъ быть отъ него подальше. Пригласивъ развивателя на свиданіе, конечно, въ «густолиственную кленовую»... то бишь, въ бере-

зовую аллею, барышня объявила ясно и рѣшительно, что не любитъ его. Развиватель, получивъ такой «неожиданный репримандъ», грубо попрекнулъ ее, что она прежде «хотѣла быть его женою». Барышня наивно призналась, что она «преувеличивала». Развиватель, какъ подобаетъ подобнымъ мелкимъ героямъ, тотчасъ же самолюбиво обозлился и подпустилъ ядовитый намекъ: «съ которыхъ же поръ ей, барышнѣ, стало ясно это преувеличеніе — до его сіятельства (то есть кузена барышни, предмета его глупой и неосновательной ревности) или послѣ?» Но и этотъ жалкій намекъ не воздѣйствовалъ на барышню. Тогда развиватель, откинувъ свою твердую заботливость о выведеніи барышни на прямую дорогу, самъ пустился въ «экзотическую гниль» не хуже аристократическаго кузена и разлился передъ нею въ сладчайшихъ сантиментахъ. Онъ «склонялся какъ подкошенный», «жадно приникалъ къ ея рукамъ, мокрымъ отъ его слезъ», «называлъ ее милою, дорогою, счастьемъ, любовью», приглашалъ ее не спѣшить, всмотрѣться въ него, не обращать вниманія на его «проклятую шероховатость», не «забывать идей, которыя онъ представляетъ», понять, что ея счастье только въ нихъ, въ этихъ идеяхъ, взятыхъ имъ на прокатъ изъ-заграничныхъ брошюрокъ и отечественныхъ «толстыхъ» журналовъ. Во время этого погруженія развивателя въ «экзотическую гниль» вся природа кругомъ, по свидѣтельству г. Эртеля, усердствовала вмѣстѣ съ его героемъ

стараясь, такъ сказать, разсиропить милую барышню: «Солнце подымалось. Косые лучи его бодро и весело пронизывали аллею. Березы стыдливо румянились. Въ рощѣ щебетали птицы, кропинки росы сверкали, какъ раздробленный хрусталь. Душистая прохлада расплывалась непрерывными волнами и ласково вѣяла въ лицо барышнѣ». «А она стояла нѣмая и неподвижная, какъ мраморъ. А сердце ея не растворялось и въ головѣ бродила мгла». Потомъ барышня начала лепетать какую-то чепуху, о томъ, что ей надо указать дѣло, за которое она могла бы умереть. Развиватель на это отвѣчалъ, что дѣло требуетъ жизни, а не смерти, и притомъ жизни безъ какихъ-то «барабановъ».

— Я не понимаю тебя, сказала она, поглядѣвъ на него въ недоумѣніи.

— Глупо дѣлали и прежде, что барабанили, вымолвилъ Тутолминъ, — Христосъ безъ барабановъ побѣдилъ міръ.

— Но Онъ умеръ на крестѣ, живо произнесла Варя.

— Не слѣдовало.

Барышня совсѣмъ сбилась съ толку, услышавъ изъ усть развивателя это категорическое «не слѣдовало» и въ ужасѣ, сквозь слезы, воскликнула: «никуда-то я, никуда-то я не гожусь». Развиватель началъ ее утѣшать и заманивать опять купнымъ съ нимъ шествіемъ «рука съ рукою впередъ», «серьезнымъ и любовнымъ изученіемъ народной жизни», чтеніемъ книжекъ; даже «замирающимъ шопотомъ»

прибавилъ: «вѣдь я весь твой», чѣмъ и уподобился, Асѣ, Еленѣ и другимъ героинямъ Тургенева, которыя, какъ извѣстно, изобрѣли формулу «отдаванія»: «твоя, вся твоя». Однимъ словомъ, всю обычную программу либерально-беллетристическаго фразерства истощилъ нашъ развиватель. Но, увы, толку не добился, хотя, по повелѣнію г. Эртеля, окружающая природа снова съ еще большимъ усердіемъ начала помогать развивателю: «солнце горячимъ пятномъ ударяло въ лицо» барышни, «ласточка стремительно влетѣла въ аллею и едва не коснулась ея платья. Гдѣ-то закуковала кукушка», гдѣ-то квакнула лягушка, гдѣ-то замычала телушка. Три муравья самыхъ либеральныхъ изъ всего муравейника вползли на изящныя ножки барышни и, слегка покусавъ ей щиколки, тихо шептали: «душка, полюби ты этого человѣка, подбери свой аристократическій трэнъ и гряди за нимъ изучать проявленіе стойкости артельнаго духа въ пореформенной деревнѣ». Все было тщетно: не только ударъ солнца, ласточка и кукушка, пущенные въ ходъ г. Эртелемъ совершенно серьезно, но даже лягушка, телушка и либеральные муравьи, приведенные мною въ шутку. Барышня такъ и удалилась отъ развивателя съ затвореннымъ сердцемъ, причемъ шла домой «съ размѣренной осторожностью», ибо «несла въ себѣ» нѣчто въ родѣ «заливного», приготовленнаго г. Эртелемъ — «несла въ себѣ что-то мертвое и мучительно-холодное».

Понятно, что послѣ отказа въ любви либераль-

ному развивателю, дни барышни были сочтены. Какъ извѣстно, наши новѣйшіе беллетристы уподобляются шиллеровскому великому инквизитору, который допустилъ къ Филиппу маркиза Позу, незримо для послѣдняго и для короля, придерживая великаго идеалиста на ниточкѣ, и разрѣзалъ эту ниточку, когда по разсчету его, инквизитора, пришло для этого время. Новѣйшіе беллетристы точно также держатъ своихъ героинь на ниточкѣ, впрочемъ, не незримой, а очень хорошо видимой для глазъ опытнаго читателя, и всегда перерѣзываютъ эту ниточку въ условленный моментъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ мірѣ существованіе для современной барышни, которая просвѣтлена гражданскимъ чувствомъ, которая начала уже отзываться на вздрагиванія крестьянскихъ горбовъ, но въ то же самое время неспособна примириться съ шершавостью и карявостью, грубостью и глупостью современнаго развивателя? Ни подъ какимъ видомъ невозможно. Она должна погибнуть, она должна умереть, она должна быть принесена въ жертву либеральной идеѣ. Такое жертвоприношеніе обязательно для каждаго истиннаго жреца теперешней беллетристики. Если онъ не совершитъ такого жертвоприношенія, его сочтутъ отступникомъ либерализма во всѣхъ «толстыхъ» либеральныхъ журналахъ, а въ средѣ молодого поколѣнія, для стяжанія одобренія котораго можно и даже слѣдуетъ лгать въ жизни и въ искусствѣ, пожалуй и прямо обзовутъ подлецомъ. Въ виду всего этого, чего жа-

лѣть новѣйшихъ Ифигеній: закалывай ихъ десятками, въ благоугожденіе прогрессу и въ утѣшеніе гимназистамъ! Г. Эртель, разумѣется, очень хорошо понимаетъ необходимость такого закланія и, не желая отстать отъ прочихъ художниковъ нашего времени, производитъ его скоро, смѣло, съ полной увѣренностью, что Молоху-Прогрессу жертва его будетъ необыкновенно пріятна, что всѣ гимназисты восплещутъ, узрѣвъ либеральное закланіе бѣдной волхонской барышни. Закланіе барышни совершено почтеннымъ авторомъ по нижеслѣдующему рутинному рецепту.

Барышня, желая заглушить въ своей душѣ тоску и тревогу, естественно развившуюся въ ней послѣ разочарованія въ героѣ ея перваго романа, предалась искусственному веселію и оживленію. Это оживленіе оказалось на руку родителю барышни и ея аристократическому кузену, которые составили планъ выдать ее замужъ за сына милліонера-купца, пріѣхавшаго въ деревню вмѣстѣ съ кузеномъ. Для аристократическаго кузена съ устройствомъ этого брака связаны самые неблаговидные разсчеты: онъ думаетъ имъ погасить свои долги и поправить запутанное состояніе. Родитель барышни тоже не прочь пріобрѣсти богатаго зятя. Тогда, мечтаетъ родитель, его эстетическимъ вкусамъ представится широкое поле: онъ заведетъ великолѣпную картинную галлерею, будетъ собирать у себя артистовъ, художниковъ, литераторовъ. Все идетъ прекрасно. Разсчеты кузена и родителя, повидимому,

удаются. Барышня благоволитъ къ сыну милліонера. Милліонеръ разсчитываетъ сдѣлать ей формальное предложеніе въ день ея рожденія. Въ этотъ день родитель барышни устраиваетъ праздникъ съ блистательнымъ фейерверкомъ. Описаніе праздника даетъ г. Эртелю выказать во всей силѣ свою художественность, мѣткій и чудесный юморъ, вѣроятно, по мнѣнію гг. Стасюлевича, Утина, Арсеньева и другихъ цѣнителей и судей «Вѣстника Европы», мало чѣмъ уступающій тургеневскому юмору. Въ восторгѣ за талантъ г. Эртеля, я съ своей стороны не могу удержаться, чтобы не привести образчикъ его великолѣпнаго юмора. Вотъ описаніе провинціальнаго общества, собравшагося на праздникѣ:

Тутъ были и братья Пѣтушковы, очень приличные молодые люди, которые великолѣпно обращались съ салфетками и... простите за нескромное выраженіе — съ носовыми платками; здѣсь находился и старикъ Кочетковъ съ сыномъ, котораго всѣ почему-то звали Монтре, несмотря на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ Станислава въ петлицѣ. Нужно-ли упоминать, что всѣ уѣздные міродержцы присутствовали въ Волхонкѣ? Нужно-ли разсказывать, что и Психѣй Психѣичъ, предсѣдатель земской управы, былъ здѣсь, и Корнѣй Корнѣичъ, исправникъ, и мировой судья Цуцкой, и другой Цуцкой тоже мировой судья, но только поглупѣе, и непремѣнный членъ Клепушкинъ, женатый на барынѣ, которую въ глаза всѣ звали Клепкой, а за глаза Клеопатрой Аллилуевной. Тутъ былъ даже какой-то отецъ Ихтіозавръ, впрочемъ, не попъ, а уѣздный врачъ и надворный совѣтникъ.

Какая живая наблюдательность у г. Эртеля и какое остроуміе: въ роспивочныхъ листкахъ даже пожалуй пишутъ не такъ остроумно и игриво. Но,

вотъ, позвольте, еще страничка, уже совсѣмъ художественная. Г. Эртель изображаетъ какого-то провинціальнаго тайнаго совѣтника, ветхаго старца — ретрограда, издавшаго за границей брошюру: «Жупелъ, или raisonnement о томъ, какъ надобѐ жить, дабы revolution не нажить».

Авторъ заграничной брошюры, тотъ, какъ вошелъ, добрую минуту топтался на одномъ мѣстѣ и, безпомощно подрыгивая костлявыми своими ногами, истерзанными подагрой, извинялся передъ Варей и Алексѣемъ Борисовичемъ, что явился не въ формѣ. Его тотчасъ-же тѣсно окружили.

— Какой случай! — лепеталъ онъ, — сильно пришепетывая и съ безпокойствомъ разглаживая бакенбарды:—кхе, кхе... преинтересный случай... Былъ я, представьте себѣ, въ Петербургѣ, и въ багажѣ-съ препроводилъ въ деревню всѣ свои, эти такъ-называемые онеры, хе, хе, хе... и представьте себѣ, — получается... пакля-съ!

Окружающіе воскликнули въ подобострастномъ удивленіи. Старецъ обвелъ ихъ торжествующимъ взглядомъ.

— Именно, пакля, — повторилъ онъ, — ни мундира, ни звѣзды, ни... — онъ въ затрудненіи зашевелилъ губами.

— Пьедестальчиковъ, ваше высокопревосходительство?— сказалъ Алексѣй Борисовичъ, едва замѣтно улыбаясь.

— Именно—пьедестальчиковъ! — съ живостью подхватилъ старецъ, — хе, хе, хе... именно — пьедестальчиковъ. Представьте мое положеніе...—и добавилъ, игриво разводя руками:—генералъ безъ пьедестальчиковъ!—послѣ чего, молодецки подрыгивая ножками, двинулся въ гостиную, окруженный почтительно смѣющейся толпою. Только отецъ Ихтіозавръ съ Монтре остались позади, и тогда первый позволилъ себѣ язвительно фыркнуть. Но Монтре съ нимъ не согласился. «Что ни говорите, батенька—тайный совѣтникъ!» — вымолвилъ онъ тономъ непобѣдимаго аргумента.

А тайный совѣтникъ внезапно остановился среди гостиной и, разводя руками, снова залепеталъ:

— Но въ паклѣ, господа... кхе, кхе... представьте мое положеніе: въ паклѣ оказалась... шляпа!

Всѣ точно оцѣпенѣли въ изумленіи.

— Съ плюмажемъ, ваше высокопревосходительство? — вѣжливо освѣдомился Волхонскій.

— Хе, хе, хе, совершенно вѣрно изволили замѣтить, именно — съ плюмажемъ!

— И въ шляпѣ... — вопросительно произнесъ Алексѣй Борисовичъ, подобно всѣмъ давно уже слышавшій объ этой исторіи съ генеральскими вещами.

— И въ шляпѣ, кхе, кхе... въ шляпѣ...—снова затруднился старецъ, пріискивая выраженія и торопливо подергивая бакенбарды.

— Нецензурная дрянь, ваше высокопревосходительство?—подхватилъ Волхонскій.

Старецъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ, вотъ...—поспѣшно произнесъ онъ,—совершенно вѣрно изволили выразиться... именно—дрянь... именно—нецензурная дрянь, хе, хе, хе... Нѣтъ, представьте, какова дерзость!

— И вы, ваше высокопревосходительство—безъ шляпы и безъ пьедестальчиковъ,—съ участіемъ сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— И прибавьте: безъ мундира, безъ звѣзды-съ... хе, хе, хе, — и старецъ побѣдоносно двинулся далѣе.

Ну, скажите, можно ли злѣе и въ то же время игривѣе изобразить ретроградного старца? Можно ли болѣе талантливо утѣшить всѣхъ либераловъ и маститыхъ и молодыхъ, соединивъ столь удачно художественный реализмъ съ самой тонкой насмѣшкой? Нельзя, рѣшительно нельзя. Такія страницы встрѣчаются только у г. Эртеля и я думаю, что въ этихъ страницахъ онъ превышаетъ тургеневскую ядовитость въ изображеніи извѣстнаго пикника генераловъ въ «Дымѣ».

Блистательный праздникъ, столь блистательно изображаемый г. Эртелемъ, закончился, однако же, трагически: въ ту самую минуту, какъ въ барскомъ саду загорѣлся великолѣпный фейерверкъ,

въ деревнѣ вспыхнулъ, по мановенію г. Эртеля, страшный пожаръ. Барышня стремительно бросилась на пожаръ; пріѣхали велѣдъ за ней и прочіе «господа». Тутъ талантъ г. Эртеля достигаетъ своего апогея: рядомъ съ поразительной картиной крестьянскаго бѣдствія онъ рисуетъ поразительную безчувственность господъ и поразительную же «гражданскую» дѣятельность героя его повѣсти, появившагося передъ взорами всего общества на «багровомъ фонѣ съ упирающейся коровой, которую онъ изъ всѣхъ силъ тащилъ за рога». Я снова не могу воздержаться, чтобы не привести читателямъ еще одинъ, на этотъ разъ уже послѣдній образчикъ высокоталантливаго изображенія безчувственности «господъ», въ виду народнаго бѣдствія помышляющихъ лишь объ эффектности зрѣлища и заподозрѣвающихъ въ пожарѣ ни къ селу, ни къ городу, какъ это свойственно гнилымъ ретроградамъ, участіе нигилистовъ:

Тѣ изъ господъ, которые не хлопотали вокругъ огня, столпились около длинной линейки, стоявшей въ значительномъ отдаленіи, и, мѣняясь оживленными фразами, смотрѣли на пожаръ. Иные сидѣли. «Какъ это эффектно!» воскликнулъ Волхонскій, указывая рукою.

— Да, да...—лепеталъ старецъ, авторъ знаменитой брошюры,—именно—эффектно... Но знаете-ли, я теперь начинаю припоминать... припоминать этотъ апраксинскій пожаръ... этотъ петербургскій...

— Я видѣлъ этотъ пожаръ, ваше высокопревосходительство,— сказалъ Алексѣй Борисовичъ.

— А, а, видѣли?.. Превосходно сдѣлали, превосходно изволили сдѣлать... Не правда-ли, эти... эти языки огня... эти, эти столбы дыма...

— Напоминали нѣчто грандіозное.

— Вотъ, вотъ... Именно—грандіозное, именно—напоминали... Это вы превосходно изволили выразить...—и вдругъ наморщивши чело, онъ прошепталъ, наклоняясь къ Волхонскому:—а что здѣсь, какъ вы полагаете, здѣсь не совершено злого умысла?..

— Не думаю, ваше высокопревосходительство,—съ едва замѣтной ироніей отозвался Алексѣй Борисовичъ: — развѣ вотъ нигилисты...

Старецъ даже подпрыгнулъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ...— горячо подхватилъ онъ, въ безпокойствѣ ковыряя пальцами свои баки:— именно — нигилисты, именно, я ихъ имѣлъ въ виду!..

— Да нѣтъ, врядъ-ли, — произнесъ Волхонскій, внутренно помирая со смѣху: — тутъ и всего-то одинъ нигилистъ, да и тотъ вонъ корову за рога тащитъ...—онъ указалъ на Тутолмина.

— А, а, корову... — старецъ любопытно посмотрѣлъ по указанію:—корову... это отлично,—сказалъ онъ, и добавилъ глубокомысленно:— но... несомнѣнный нигилистъ?

— О, несомнѣннѣйшій! При мнѣ обходился безъ помощи носоваго платка, и даже громогласно утверждалъ, что чинъ тайнаго совѣтника въ сущности не чинъ, а сонное мечтаніе.

Старикъ широко раскрылъ глаза и явилъ въ нихъ безпокойство.

Офицерики увивались около барынь. «Но, скажите, ежели мнѣ одинаково нравятся лилія и роза?» спрашивалъ одинъ, пронизывая коварнымъ взглядомъ пуструю дамочку, безпрестанно выдвигавшую изъ-подъ платья изящную ножку въ сѣрой туфлѣ.

— О, непремѣнно должны сдѣлать выборъ! — говорила та.—Но если это значитъ разорвать сердце?—Разрывайте.— О, какъ вы жестоки... Нѣкоторые приглашали на кадриль. «Пановскій, будешь со мной визави? Пожалуйста, Пановскій!» умоляющимъ голосомъ взывалъ свѣженькій субалтерикъ.

— Нѣтъ, что ни говори, а ужасное мы государство,— значительно тянулъ сановникъ:—смотрите, это вѣдь вопіющая мерзость—эти соломенныя кровли!

Старецъ быстро оборотился въ его сторону.

— Совершенно вѣрно изволили выразить, ваше превосходительство,— залепеталъ онъ:— именно — мерзость, имён-

но—соломенныя кровли мерзость... Но теперь этого не будетъ!—и онъ торопливо замахалъ кистью руки.

— То есть какъ-же такъ? — ядовито спросилъ сановникъ, питавшій странную ревность ко всѣмъ улучшеніямъ, которыя могли-бы совершиться безъ его вѣдома.

— А я изобрѣлъ... я очень наглядно изобрѣлъ... Знаете, постройки эдакія... эдакія огненеподдающіяся постройки...

— Но въ чемъ же ихъ преимущество?—полюбопытствовалъ сановникъ.

— О, преимущество громадное! — подхватилъ Волхонскій:—обычныя постройки горятъ и отъ нихъ остаются угли... Но когда сгораетъ эдакая... огненепобораемая... отъ нея остается глина, и... мужикъ. Мужикъ и глина.

— Вотъ, вотъ, — радостно подхватилъ старецъ,—совершенно вѣрно изволили... именно — мужикъ, именно — мужикъ и глина!

Сановникъ благосклонно улыбнулся.

Душа барышни, просвѣщенная гражданскимъ сознаніемъ, не выдержала и, какъ говорилось когда-то, разорвалась окончательно. Ужаснаго ли зрѣлища народнаго бѣдствія или комическаго зрѣлища героя, «на багровомъ фонѣ» волокущаго корову за рога, не выдержала эта душа—неизвѣстно. Но какъ бы тамъ ни было, а барышня на пожарѣ упала въ обморокъ и черезъ четыре дня умерла. Герой, конечно, удалился изъ Волхонки съ сокрушеннымъ сердцемъ. Онъ былъ сраженъ не только въ своей любви къ барышнѣ, но подъ конецъ, кажется, и въ своей вѣрѣ въ стойкость крестьянскихъ идеаловъ, ибо выѣзжая уже на чугунку услышалъ, что между мужиками въ ходу слѣдующая новѣйшая, послѣреформенная поэзія:

Купилъ Шаша двѣ бутылки,
Одна — пиво, другой — ромъ,

Давай съ тобой разопьемъ,
Бутылочки разобьемъ...

Черти вы! — воскликнулъ онъ по адресу къ народу и даже плюнулъ при этомъ. И его скорбь и о потерянной барышнѣ и о потерянныхъ народныхъ идеалахъ была такъ глубока, что онъ даже не примѣчалъ, какъ кнутъ везшаго его мужика «жгучей полосой проскользнулъ по его носу». Ужасно, но истинно, если вѣрить г. Эртелю.

Такова эпопея о современной барышнѣ и современномъ развивателѣ. Ея идею и ея художественныя прелести читатели могли уразумѣть отчасти по моему пересказу ея содержанія, отчасти по тѣмъ выдержкамъ, которыя приведены мною. Вполнѣ понимая и высоко цѣня помянутыя художественныя прелести подобныхъ эпопей, излюбленныхъ теперешними беллетристами, я не могу понять и оцѣнить одного: какое, выражаясь словами гоголевскаго героя, «тонкое и болѣе политическое» значеніе могутъ имѣть такія эпопеи объ амурахъ (удавшихся или неудавшихся — все равно) современныхъ барышень и современныхъ развивателей? А вѣдь по взгляду новѣйшихъ беллетристовъ и критиковъ самая-то суть дѣла въ подобнаго рода эпопеяхъ именно заключается не въ художественномъ изображеніи упомянутыхъ амуровъ, а въ ихъ «болѣе тонкомъ и политическомъ значеніи». Видите ли, у насъ это вотъ уже лѣтъ двадцать практикуется въ беллетристикѣ, что герои-развиватели съ «политической» (прежде были съ философской

или съ артистической) закваской должны непремѣнно пробовать свое вліяніе на барышняхъ или молодыхъ дамахъ, неудовлетворяющихся замужествомъ. Амуры съ барышнями и дамами выставляются беллетристами въ качествѣ какихъ-то оселковъ, на которыхъ изощряется «идейное» содержаніе героевъ. Какъ только герой, по волѣ божьей, столкнется съ барышней или интересной дамой, такъ сейчасъ и пошла обычная канитель выказыванія со стороны героя, какой «самой послѣдней» идеи служитъ онъ представителемъ и усвоиваніе этой идеи героиней посредствомъ увлеченія героемъ. Выходитъ все это въ нашихъ повѣстяхъ, романахъ, разсказахъ какою-то новой системой обученія по амурно-политической методѣ. Эта беллетристическая педагогика, по правдѣ сказать, давнымъ давно надоѣла читателямъ, давнымъ давно стала старой, истертой до тла штукой, которую бросить пора и которая уже брошена въ другихъ литературахъ. Но теперешніе наши романисты, повѣствователи и разсказчики никакъ не могутъ разстаться съ этою старой штукой и носятся съ нею, какъ съ писаной торбой, воображая, что она необыкновенно поучительна и необыкновенно интересна. Между тѣмъ, на дѣлѣ поучительность и интересность этой педагогической беллетристики ограничивается очень узкой средой юныхъ гимназистовъ и гимназистокъ. Юные гимназисты и гимназистки очень усердно пропитываютъ свои души беллетристическими уроками гг. Эртелей, Максимовъ Бѣлинскихъ и ком-

паніи, очень усердно стараются подражать развивателямъ и развиваемымъ въ способахъ амурно-политическаго времяпровожденія, въ пристегиваніи къ любовнымъ поцѣлуямъ и изъясненіямъ непремѣннаго сочувствія «мужицкимъ горбамъ». Юные гимназисты и гимназистки въ своей наивности, конечно, не примѣчаютъ, что горбы-то мужицкіе — это, какъ говорится, совсѣмъ изъ другой оперы: ничего общаго съ амурами эти горбы имѣть не могутъ. Что же касается до взрослыхъ людей, маломальски соображающихъ, какъ и что должно воспроизводить изъ жизни искусство, то для нихъ, разумѣется, «тонкое и болѣе политическое» значеніе эпопей о развивателяхъ барышень и дамъ кажется или пошлымъ шарлатанствомъ, или же невинной глупостью. Но гг. Эртели, Максимы Бѣлинскіе, быть можетъ, не понимаютъ этого или же не хотятъ понимать. Въ своихъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ они упорно и старательно занимаются преподаваніемъ излюбленныхъ уроковъ. Занятіе это тѣмъ болѣе легко для нашихъ авторовъ, что оно не требуетъ участія къ жизни, не требуетъ ея живого наблюденія: можно и по однимъ журнальнымъ статейкамъ сочинять эпопеи о развивателяхъ и развиваемыхъ, можно «создавать» типы героевъ и героинь, «въ которыхъ отразился»... отнюдь не «вѣкъ и современный человѣкъ», а единственно лишь рутинный, журнальный либерализмъ, цѣна которому мѣдный грошъ и никакъ не болѣе.

НЕУДАЧНАЯ ТРАГЕДІЯ.

Въ одномъ изъ моихъ этюдовъ, разсуждая о томъ, что событія русской исторіи прошлаго столѣтія даютъ превосходный матеріалъ для драматурга, я писалъ слѣдующее: «Возьмите, напримѣръ, кровавое и удивительное по глубокой трагической идеѣ дѣло Петра и царевича Алексѣя. Въ какой другой исторіи вы найдете подобную типически-величавую фигуру, какъ этотъ гигантъ, которому, по выраженію поэта, «никто въ царяхъ не равенъ», приносящій въ жертву своимъ великимъ преобразовательнымъ стремленіямъ жизнь собственнаго сына? Тутъ, въ этомъ дѣлѣ для драматическаго поэта не только готовая историческая канва — тутъ даже образы обрисованы такъ ярко и опредѣленно, въ такихъ рѣзкихъ, прямо героическихъ чертахъ, что стоитъ только правильно понять ихъ и поэтически перевести со страницъ исторіи на сцену — и передъ зрителями пройдетъ глубокая, потрясающая трагедія съ истинно шекспировскимъ крупнымъ замысломъ и колоритомъ». Въ то время, когда я писалъ эти стро-

ки, я никакъ не воображалъ, что судьба очень скоро доставитъ мнѣ удовольствіе ознакомиться съ однимъ изъ опытовъ драматической обработки именно того эпизода изъ жизни Петра, который мнѣ представлялся столь благодарнымъ для драматурга. Опытъ этотъ принадлежитъ извѣстному автору «Фрола Скобѣева», «Каширской старины» и другихъ драматическихъ вещей. Появился опытъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и называется онъ такъ: «Царевичъ Алексѣй. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ». Я съ большимъ любопытствомъ принялся за чтеніе этой трагедіи. Зная хорошо по предшествующимъ драмамъ объемъ дарованія г. Аверкіева, многаго я не ждалъ отъ новой трагедіи; но все-таки мнѣ думалось, что ея историческій сюжетъ волей-неволей заставитъ нашего драматурга напрячь всѣ силы, какія у него есть и, что называется, отличиться, если не талантомъ, то покрайней мѣрѣ добросовѣстной обработкой. Покушаясь на воспроизведеніе такой исторической личности, какъ Петръ, покушаясь на драматическое изображеніе такого событія въ его жизни, какъ роковая распря съ сыномъ, окончившаяся ужасной жертвой, принесенной великимъ царемъ на алтарь великой идеи, бывшей цѣлью всей его жизни, — покушаясь на все это, г. Аверкіевъ, казалось мнѣ, долженъ былъ сообразить, что къ подобнымъ вещамъ нельзя относиться съ одною легкостью въ мысляхъ и съ однимъ невиннымъ желаніемъ плодить діалоги и монологи,

написанные пятистопнымъ ямбомъ съ плохо соблюдаемою, или же и совсѣмъ несоблюдаемою цезурой.

Тщательное ознакомленіе съ трагедіей г. Аверкіева убѣдило меня, что онъ ровно ничего не сообразилъ, что для нашего драматурга великая историческая личность Петра представляется столь же легкой для «обработки», какъ сказочная личность «Фролки». Г. Аверкіевъ взглянулъ на кровавое дѣло царя съ сыномъ не съ точки зрѣнія историческо-трагической идеи этого дѣла, а, такъ сказать, съ точки зрѣнія семейной. Уже одно то, что трагедія г. Аверкіева начинается такъ сказать съ развязки этого дѣла— съ момента возвращенія царевича изъ побѣга за границу — уже одно это наглядно свидѣтельствуетъ, какъ мало драматургъ уразумѣлъ сущность трагической задачи, представлявшейся ему. Въ пьесѣ почти совсѣмъ не обозначено, какими вліяніями, какими силами тогдашняго общества обусловливалось и направлялось непокорство Алексѣя Петру и пассивное сопротивленіе, предпринятое сыномъ противъ отца. Короче говоря, въ трагедіи не выяснена та историческая идея, которую представлялъ собою царевичъ и за которую онъ безсознательно и роковымъ образомъ долженъ былъ погибнуть и погибъ. А между тѣмъ едва ли не каждому школьнику въ наши дни очень хорошо извѣстна эта идея. Царевичъ былъ надеждою старой Руси съ ея закоснѣлыми преданіями церковно-боярскаго формализма, противъ котораго возсталъ Петръ, вооруженный своимъ реформирующимъ деспотизмомъ, воз-

сталъ со всею дикою яростью неофита, принявшаго крещеніе европейской цивилизаціи. Старая Русь, попираемая и гонимая Петромъ, котораго она ненавидѣла до олицетворенія его съ антихристомъ, эта придавленная Русь робко приподняла голову изъ подъ придавившей ее ботфорты царя, бросила умиленный взоръ на его сына и въ немъ, этомъ слабоватомъ и простоватомъ по виду, но не лишенномъ лукавой скрытности, царевичѣ увидала возможность своего возрожденія. И царевичъ и та партія, которая представляла старую Русь, инстинктивно и очень скоро поняли другъ друга. Партія эта толкнула Алексѣя на роковую дорогу сперва пассивной, а потомъ долею и активный борьбы съ Петромъ и онъ пошелъ по этой дорогѣ отчасти невольно, отчасти по внутреннему стремленію. Петръ, конечно, уразумѣлъ своимъ великимъ духомъ очень скоро, какую силу, какое стремленіе олицетворяетъ собою царевичъ и ему было страшно и тяжело сознавать, что въ своемъ собственномъ сынѣ и наслѣдникѣ онъ нашелъ перваго врага своей великой идеи. Тѣмъ болѣе ему было тягостно и страшно сознавать это, что онъ конечно сознавалъ и внутреннюю причину, поставившую къ нему сына во враждебныя отношенія. Причина эта заключалась въ безпредѣльномъ деспотизмѣ царя, ради своихъ реформатскихъ цѣлей не разбиравшаго средствъ, не останавливавшагося ни предъ какою нравственною виною—даже если эта вина была тягчайшимъ грѣхомъ въ глазахъ всего народа. Такихъ винъ за

Петромъ числится не мало; одной изъ главнѣйшихъ и начальныхъ былъ его насильственный разрывъ съ женою. Г. Костомаровъ въ своей прекрасной, необыкновенно отчетливо написанной монографіи «Царевичъ Алексѣй Петровичъ» очень вѣрно разъясняетъ трагическую сущность борьбы Петра съ сыномъ и въ своемъ объясненіи какъ бы обозначаетъ всѣ существенные мотивы и элементы этой сложной драмы. Вотъ слова наиболѣе мѣткаго и проницательнаго изъ нашихъ историковъ, слова очевидно или неизвѣстныя г. Аверкіеву, или пренебреженныя имъ по свойственной всякому «александринскому» генію легкости въ мысляхъ:

«Трагическая судьба Алексѣя Петровича оставляетъ въ исторіи поучительный образчикъ того нравственнаго закона, по которому содѣянная несправедливость влечетъ за собою необходимость совершить другую, иногда же цѣлый рядъ несправедливостей. Важность зла бываетъ соразмѣрна кругу, на который простирается вліяніе совершающаго несправедливость. Петръ съ молодости совершилъ несправедливое дѣло съ женою, отъ которой имѣлъ сына, долженствовавшаго быть наслѣдникомъ престола. По естественному человѣческому свойству, этотъ сынъ съ дѣтства получилъ враждебное чувство къ отцу; чувство это развивалось оттого, что самъ отецъ не любилъ сына: сначала оставлялъ его безъ надлежащаго надзора и руководства, потомъ, покоряясь необходимости существующей вещи, долженъ былъ признавать его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,

т. е. единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ, — онъ хотѣлъ деспотическимъ и суровымъ обращеніемъ заставить его подражать ему и походить на него, но тѣмъ самымъ еще болѣе утвердилъ въ сынѣ то, что̀ зародилось въ дѣтствѣ и получило первое развитіе въ отрочествѣ, т. е. вражду къ отцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вражду ко всему отцовскому направленію. Неизбѣжность рокового столкновенія вытекаетъ сама собою. Петръ видитъ неспособность сына къ престолу, онъ видитъ ее тѣмъ живѣе, что не любитъ этого сына; отцовское чувство не затмѣваетъ для него правды. Въ противуположность этой нелюбви къ сыну Евдокіи, Петръ любитъ Екатерину, любитъ ея дѣтей, и тутъ-то естественно является у него мысль замѣнить нелюбимаго сына другимъ, но сохранивши, однако, по наружности нѣкотораго рода право. И вотъ Петръ совершаетъ еще одно несправедливое дѣло: онъ требуетъ отъ сына невозможнаго: исправиться, быть не тѣмъ, чѣмъ сынъ былъ до тѣхъ поръ, хочетъ перемѣны всего, установившагося съ дѣтства существа своего сына, иначе грозитъ и отреченіемъ и монастыремъ — «я хуже, какъ съ злодѣемъ поступлю» — пишетъ онъ сыну. Сынъ боится уже не только насильственнаго постриженія, но и тайнаго убійства; сынъ чувствуетъ, что онъ для отца лишній, что онъ ему мѣшаетъ, что для отца всего пріятнѣй было бы, еслибы умеръ сынъ его. Что могло быть естественнѣе для царевича въ его положеніи, какъ спасать заранѣе свою жизнь. Сынъ убѣгаетъ за

границу, но убѣгаетъ не за тѣмъ, чтобы сыскать себѣ мирное и тихое пристанище, не думаетъ онъ посвятить себя жребію частнаго человѣка; онъ убѣгаетъ съ сознаніемъ своихъ правъ и заявляетъ объ этихъ правахъ сосѣднему государю».

Объяснивъ затѣмъ, что Петръ не могъ оставить сына за границей, потому что тотъ былъ бы постояннымъ пугаломъ и Петру и Россіи со стороны державъ, которыя укрывали бы царевича, и могъ бы сдѣлаться въ рукахъ враговъ и завистниковъ Россіи ихъ покорнымъ орудіемъ, почтенный историкъ говоритъ, что царю оставалось сдѣлать еще одну несправедливость: нарушить слово, данное сыну и отдѣлаться отъ него окончательно.

«Алексѣй разъ уже отрекся отъ наслѣдства поневолѣ, и потомъ передъ дворомъ иноземнаго государя заявилъ о своихъ правахъ; отсюда логически вытекало, что и въ другой разъ, отрекшись отъ наслѣдства, также по неволѣ, при удобномъ случаѣ Алексѣй сдѣлаетъ то же. Прощенный врагъ все-таки останется врагомъ, если въ немъ останутся убѣжденія, которыя сдѣлали его врагомъ: онъ не будетъ показывать своей вражды только до тѣхъ поръ, пока это возможно. Положеніе Алексѣя было не таково, чтобы Петръ могъ для него сдѣлать невозможнымъ когда нибудь заявить свои права; сторонниковъ поддержать эти права нашлось бы всегда много на Руси»*).

*) «Царевичъ Алексѣй Петровичъ». «Древняя и Новая Россія», 1875, № 2.

Вотъ общій трагическій смыслъ и общіе мотивы историческаго эпизода, называемаго дѣломъ царевича Алексѣя. Какимъ образомъ слѣдовало бы разработать драматургу этотъ эпизодъ, если онъ взялъ его предметомъ исторической драмы или хроники? Прежде всего драматургъ долженъ показать, какъ въ Петрѣ созрѣло непріязненное отношеніе къ сыну—непріязненная мысль о томъ, что Алексѣй не можетъ и не долженъ быть его наслѣдникомъ. Драму стало быть слѣдовало начать именно съ того историческаго факта, въ которомъ выразилась эта непріязненная мысль, то есть съ того рокового дня борьбы отца съ сыномъ, когда царевичу, тотчасъ послѣ похоронъ его несчастной жены, Петръ публично вручилъ письмо, въ которомъ грозилъ лишить сына наслѣдства, если онъ не исправится, выражалъ ему такую мысль, что не пожалѣетъ его, не смотря на то, что онъ одинъ у него сынъ, прямо говорилъ, что «лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный». Затѣмъ драматургъ долженъ показать впечатлѣніе этого факта на царевича и людей его партіи, которые съ этого времени начали его подталкивать на путь сопротивленія отцу, — разжигать въ немъ опасенія, и такъ уже томившія душу несчастнаго царевича. Тутъ должны выступить характерныя лица Александра Кикина, Вяземскаго, должны быть намѣчены отношенія народа къ Петру и къ Алексѣю. Какія яркія сцены могъ бы драматургъ разыграть на эти мотивы! Совѣтъ Кикина о томъ, чтобы царевичъ согласился

на постриженіе въ монахи, его замѣчаніе, что «клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ», колебанія царевича, его ненависть ко всѣмъ нововведеніямъ отца, его надежды на архіереевъ и священниковъ, которые «когда время будетъ безъ батюшки» «учинятъ властителемъ» царевича, надежды угнетеннаго народа на благодушнаго Алексѣя, затаенная вражда къ Петру, затаенныя желанія старо-боярской партіи, родственниковъ царицы Евдокіи и т. д. — вотъ тотъ живой матеріалъ, который слѣдовало вложить въ начало, въ завязку драмы съ одной стороны. Другая сторона этой завязки — любовь Петра къ Екатеринѣ, къ новому наслѣднику, рожденному на другой день послѣ врученія царевичу помянутаго угрожающаго письма, угнетающія царя сомнѣнія о томъ, что слабый и неспособный Алексѣй есть его врагъ и ненавистникъ, что онъ въ грядущемъ разрушитъ весь тотъ трудъ, который царь подъялъ для блага любимой имъ Россіи, наконецъ коварные совѣты и вліяніе Екатерины, Меншикова и иныхъ представителей партіи реформы.

За началомъ драмы слѣдуетъ ея дальнѣйше развитіе — побѣгъ царевича. Тутъ опять сцена съ Кикинымъ, съ Шенборномъ (въ Вѣнѣ), любовь царевича къ Ефросиніи, сцены съ Толстымъ, посланнымъ добывать царевича и, наконецъ, добывшимъ его. Потомъ возвратъ въ Москву царевича, участіе выказанное ему при возвращеніи народомъ, духовенствомъ и помѣщиками. Впечатлѣніе на Петра

овацій царевичу, при которыхъ народъ, по свидѣтельству Плейера, кланялся Алексѣю и говорилъ «благослови, Господи, будущаго государя нашего». Какъ слѣдствія этого впечатлѣнія — рѣшимость растоптать партію, подъ вліяніемъ которой царевичъ задумалъ свой побѣгъ и окончательно отстранить Алексѣя отъ престола. Первая послѣ побѣга встрѣча царя съ сыномъ 3-го февраля въ Москвѣ. Слабость, выказанная царевичемъ въ оговорѣ лицъ, ему сочувствовавшихъ. Взрывъ энергической ярости царя, казнь Кикина и подавленіе партіи Алексѣя.

За тѣмъ слѣдуетъ развязка трагедіи. Царь сокрушилъ клику «бородачей», возстановившихъ противъ него сына, сломилъ всю формальность правъ послѣдняго въ настоящемъ. Но нравственнаго права царевича, которое можетъ возстать съ страшною силою послѣ смерти отца, онъ сломить не въ состояніи: Алексѣй все-таки законный наслѣдникъ и кромѣ того любимъ народомъ, который ждетъ отъ него въ будущемъ ослабленія того «вздернутаго на дыбы» положенія, въ какое народъ поставленъ Петромъ ради преобразовательныхъ цѣлей. Изъ простодушнаго показанія Ефросиніи, передъ которой Алексѣй конечно открывалъ самыя затаенныя свои желанія и мысли, онъ узнаетъ, что царевичъ только и жилъ надеждами на скорую смерть Петра, что онъ говорилъ: «Когда стану царемъ, то старыхъ всѣхъ переведу, а наберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; кораб-

лей держать не стану, войнъ ни съ кѣмъ не хочу; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ» и т. д. Такъ вотъ задушевныя желанія этого «терна въ листахъ его вѣнца», который со временемъ, вопреки всѣмъ трудамъ Петра, разростется въ волю и заглушитъ всѣ его благія насажденія. Петръ рѣшаетъ судъ надъ Алексѣемъ и затѣмъ его казнь.

Такова могла бы быть, по моему мнѣнію, программа драмы или хроники, задавшейся цѣлью представить въ сценической обработкѣ весь ходъ кроваваго и поучительнаго дѣла. Г. Аверкіевъ въ своей трагедіи, какъ я уже замѣтилъ, поступилъ иначе: онъ заблагоразсудилъ въ сценическомъ дѣйствіи изобразить только развязку борьбы отца съ сыномъ и потому-то у него и хватило драматическаго матеріала лишь на четыре акта, тогда какъ исторія даетъ его сколько угодно, не только на пять условныхъ, но даже хотя на десять актовъ. Въ трагедіи почтеннаго драматурга вовсе не показано какое вліяніе имѣла старая партія на царевича, ни объ одномъ лицѣ этой партіи нѣтъ и помина. А между тѣмъ какія бы типическія лица могли быть созданы! Точно также мы не видимъ въ трагедіи, въ какомъ отношеніи къ царевичу стоялъ народъ. Взамѣнъ указанныхъ элементовъ, которыми обусловливалось бы въ пьесѣ значеніе Алексѣя, какъ представителя стараго, противуреформаторскаго принципа тогдашней Руси, мы встрѣчаемъ въ трагедіи нашего автора какой-то жалкій разговоръ о царевичѣ Нарышкина и Лопухина и

[illegible] Марфа [illegible] [illegible] только [illegible] [illegible] [illegible]

скій и царскій гнѣвъ на сына, опозорившаго отца передъ Европой.

Второй актъ изображаетъ допросъ царевича Петромъ. Въ третьемъ нѣсколько какъ бы вскользь брошенныхъ чертъ объ отношеніи Меншикова и Екатерины къ царевичу, при чемъ Екатерина выставлена искренней доброжелательницей Алексѣя, чего на самомъ дѣлѣ не было, а, конечно, было наоборотъ: прямые интересы Екатерины, какъ и Меншикова, требовали гибели царевича и конечно «чернобровая жена чудотворца-исполина» не мало постаралась для того, чтобы укоренить въ Петрѣ ненависть къ сыну Евдокіи. Затѣмъ, послѣ сценъ съ Меншиковымъ и Екатериной, опять допросъ царевича Петромъ. Тутъ особенно любопытно, какъ мотивировано драматургомъ роковое рѣшеніе Петра судить сына въ качествѣ государственнаго измѣнника. У г. Аверкіева это рѣшеніе является не плодомъ давно залегшей въ душѣ царя мысли, не тяжелымъ сознательнымъ шагомъ къ преступленію, необходимому, по понятію царя, для блага Россіи и его реформъ; нѣтъ, г. Аверкіевъ мотивируетъ помянутое рѣшеніе такъ же просто, какъ мелко — порывомъ внезапнаго бѣшенства, овладѣвшаго Петромъ въ тотъ моментъ, когда у Алексѣя срывается признаніе, что онъ могъ бы принять участіе въ бунтѣ дворянскихъ полковъ противъ царя. Петръ говоритъ иронически Алексѣю, что пожалуй онъ готовъ былъ бы соединиться съ бунтовщиками. «Ты думаешь?»... восклицаетъ царевичъ обычнымъ вос-

[illegible]

[illegible] Петровъ [illegible] объяснить [illegible] [illegible] [illegible]

Петръ.

Молчи! Не слов. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Замѣчу мимоходомъ, что послѣдняя фраза отличается далеко не трагическимъ, а, напротивъ, совершенно комическимъ пошибомъ. Особенно прибавленіе слова «бѣгите» сообщаетъ заковыстый тонъ этому восклицанію Петра. Впрочемъ, это мелочи, непониманіе автора трагической сущности сцены выражается не только въ этихъ мелочахъ, а, какъ я замѣтилъ выше, въ самой мотивировкѣ рѣшимости Петра, являющейся въ пьесѣ какъ бы мгновенной вспышкой ярости, тогда какъ на дѣлѣ эта рѣшимость была глубокимъ и тяжелымъ выводомъ изъ всѣхъ предъидущихъ перипетій борьбы великаго отца съ слабымъ и ничтожнымъ сыномъ, борьбы реформаторскаго генія, для котораго открывалась перспектива новой жизни Россіи въ буду-

щемъ, съ косною и ограниченною посредственностью и умѣренностью, жившею затаенною мыслью обратить вспять все то, что было двинуто впередъ силою воли и ума царя-работника. И этотъ-то удивительный по трагической идеѣ мотивъ г. Аверкіевъ обратилъ въ мелочную вспышку внезапнаго гнѣва, да въ добавокъ еще подпорченную въ конецъ комическою фразою: «скорѣй сюда бѣгите!» Такъ обдумываютъ наши александринскіе драматурги свое творчество! Такъ хорошо они понимаютъ смыслъ и требованія трагическаго въ искусствѣ. И вѣдь что необыкновенно странно: г. Аверкіевъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» преподноситъ, не знаю кому въ поученье, глубокомысленные трактаты о теоріи драмы, въ которыхъ цитируетъ Аристотеля, Лессинга, Шиллера и даже г. Родиславскаго. Въ этихъ трактатахъ онъ, «напрягши умъ, наморщивши чело», излагаетъ и анализируетъ всевозможныя правила и условія драмъ и трагедій, практикованныя отъ Адама до нашихъ дней. Ну, а вотъ когда ему приходится приложить на практикѣ самому эти правила, онъ является совершеннѣйшимъ профаномъ и впадаетъ въ грубѣйшія ошибки противъ самыхъ элементарныхъ драматическихъ требованій.

Четвертый актъ представляетъ, такъ сказать, примирительное объясненіе между Петромъ и Алексѣемъ, измученнымъ пыткою, при чемъ, подъ конецъ, царевичъ умираетъ на рукахъ Петра. Вотъ какъ начинается это объясненіе:

Петръ.

Ахъ, Алексѣй! Что̀ сдѣлалъ я съ тобою?

Алексѣй.

Голубчикъ—батюшка!..

Петръ.

Алеша! Сынъ мой!
Прости, прости. Нѣтъ, нѣтъ, не улыбайся.
О! вѣрь, мнѣ легче было бъ услыхать
Твой вопль и стоны, грозныя проклятья,
Чѣмъ видѣть какъ, страданья заглушая,
Ты хочешь показать... О, Боже, Боже!..
Прости, прости!..

Подобное примирительное объясненіе едва-ли имѣло мѣсто въ исторической дѣйствительности. Съ желѣзнымъ характеромъ и нравомъ Петра какъ-то плохо вяжется представленіе о мольбахъ о прощеніи у сына, казнь котораго онъ рѣшилъ по своимъ государственнымъ соображеніямъ. Къ тому же и исторія прямо свидѣтельствуетъ, что Петръ встрѣтилъ казнь сына инымъ настроеніемъ: на другой день послѣ его смерти царь обѣдалъ на почтовомъ дворѣ въ саду, вечеромъ веселился. Черезъ три дня, когда еще тѣло царевича не было предано землѣ, Петръ праздновалъ день своихъ имянинъ, присутствовалъ на спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Дѣло царевича продолжалось и по смерти его и спустя шесть мѣсяцевъ послѣ казни сына Петръ казнилъ его приверженцевъ. Трудно такіе факты связать съ трогательнымъ примиреніемъ между царемъ и

царевичемъ, въ родѣ того, какое устроиваетъ въ послѣднемъ актѣ своей трагедіи г. Аверкіевъ.

Но, впрочемъ, оставивъ въ сторонѣ историческую невѣрность сцены примиренія — драматургъ вовсе не обязанъ держаться исторіи въ иныхъ случаяхъ — посмотримъ на ея внутренній трагическій смыслъ. Алексѣй объясняетъ отцу, что вся ихъ борьба была — недоразумѣніе, что онъ разлюбилъ отца и пошелъ противъ него по совѣтамъ «родныхъ по матери». И Петръ, тотъ самый Петръ, который принесъ сына въ жертву своей реформаторской идеѣ, вдругъ проникается умиленіемъ и начинаетъ упрекать себя:

«О милый сынъ мой!
Ты молодъ былъ, и могъ всему повѣрить.
Но я зачѣмъ, зачѣмъ же я-то вѣрилъ
Лишь худу про тебя?..»

Алексѣй силится припасть къ ногамъ отца, «благодаря его за примиренье». Петръ не допускаетъ его:

«Нѣтъ, нѣтъ, не допущу. Не ты отцу,
А я, отецъ, за всѣ твои страданья,
Я долженъ сыну въ землю поклониться!»
(Склоняетъ передъ сыномъ колѣни).

Алексѣй.

Охъ, что ты, батюшка! Ахъ, встань...

Петръ.

О, Боже!
Ужель теперь какъ сына я обрѣлъ,
Когда узналъ его святую душу
И сердце полное любви — ужели
Его отнимешь у меня...

Видите, все дѣло трагедіи сводится на такъ называемое «роковое недоразумѣніе», а не на борьбу двухъ принциповъ. Г. Аверкіевъ вѣренъ себѣ до конца: онъ и личность Петра и трагическій смыслъ его сыноубійства мѣряетъ мѣщанскимъ масштабомъ александринскаго драматурга.

А между тѣмъ, вмѣсто сцены примиренія, очень сомнительной и въ психологическомъ и въ историческомъ смыслѣ, г. Аверкіеву представлялась другая, болѣе правдоподобная и болѣе трагическая заключительная сцена, которую можно было бы основать на историческомъ документѣ, излагающемъ трагическія подробности удушенія царевича. Правда, документъ этотъ, — извѣстное письмо Александра Румянцева, — сильно заподозрѣвается и даже совершенно отвергается компетентными судьями. Но вѣдь драматургъ вовсе не обязанъ слѣдовать только точнымъ и достовѣрнымъ историческимъ документамъ: онъ смѣло можетъ пользоваться даже историческими легендами и преданіями, если только онѣ способны придать живую реальность выводимымъ имъ историческимъ образамъ.

ЗНАКОМЫЙ ТИПЪ.

Изученіе и наблюденіе народной среды въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. среды деревенскаго люда, поучительно и полезно уже въ томъ одномъ отношеніи, что въ этой средѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ типическіе національные характеры въ ихъ первобытномъ, родовомъ складѣ, въ ихъ чистомъ, такъ сказать, видѣ, не осложненномъ и не измельченномъ посторонними, наносными вліяніями. Наблюдая и анализируя подобные примитивные характеры, разбирая ихъ отношенія къ жизни, ихъ разумѣніе ея основныхъ условій, ихъ борьбу съ этими условіями активную или пассивную—это все равно, мы можемъ почерпнуть въ такомъ наблюденіи и анализѣ уроки, весьма яркіе по своей простотѣ и очень примѣнимые къ цѣлому общественному складу нашей дѣйствительности. Мы можемъ перенести получаемые изъ помянутаго анализа и наблюденія выводы гораздо далѣе тѣхъ границъ и тѣхъ личностей, надъ которыми они произведены. Мы можемъ эти выводы распространить и на другія об-

щественныя группы, считаемыя высшими по развитію и по положенію въ соціальномъ механизмѣ. Мы можемъ, при нѣкоторомъ стараніи, въ этихъ группахъ, въ характерахъ и стремленіяхъ личностей ихъ составляющихъ, открыть посредствомъ сравненій и аналогій, если такъ можно выразиться, усложненную и обремененную различными мелочными деталями копію тѣхъ примитивныхъ характеровъ и стремленій, какіе даетъ сельская народная среда.

Съ указанной точки зрѣнія мнѣ представляется чрезвычайно любопытнымъ и полнымъ глубокаго интереса небольшой разсказъ «Фантастическіе замыслы Миная». Разсказъ этотъ подписанъ неизвѣстнымъ въ литературѣ именемъ С. Коронина; разсказъ этотъ не отличается никакими особенными беллетристическими достоинствами; авторъ его, очевидно, вовсе не хлопоталъ о томъ, чтобы нарисовать изящно-художественную жанровую картину: онъ имѣлъ въ виду лишь просто и по возможности точно сообщить свои наблюденія надъ одною типическою личностью изъ современной крестьянской среды, не покушаясь изъ этихъ наблюденій создавать произведеніе искусства. Разсказъ «Замыслы Миная» не болѣе какъ только беллетристическій этюдъ, очень старательный и показывающій въ авторѣ значительную способность вникать въ существенныя черты дѣйствительности и передавать ихъ ясно, правдиво, безъ всякой претензіи на внѣшнюю тенденцію. И между тѣмъ этотъ безпри-

тязательный, безъискусственный этюдъ, по моему мнѣнію, имѣетъ гораздо болѣе интересный и глубокій смыслъ, чѣмъ иныя очень искусныя и очень искусственныя сатиры или беллетристическія диссертаціи на школьно-либеральные тезисы.

Въ разсказѣ, или точнѣе, въ этюдѣ г. Коронина изображенъ типъ, — нѣтъ, виноватъ, я не такъ выразился, — сдѣлана мѣткая, подробная и точная характеристика одного крестьянскаго типа, столько же любопытнаго, сколько распространеннаго въ нашемъ великомъ отечествѣ. Это типъ сельскаго мечтателя, который при полной безхарактерности живетъ спустя рукава, выпускаетъ изъ рукъ все ближайшее, что̀ даетъ ему дѣйствительность и что̀ необходимо крѣпко держать въ рукахъ, хотя бы уже потому одному, что дается-то всего очень скудно, и въ то же самое время мечтаетъ постоянно и упорно о томъ, что въ его руки все должно плыть само, что жизнь, безъ особенныхъ усилій съ его стороны, должна устроиться авось да какъ нибудь, но непремѣнно устроиться заново и по его фантастическимъ планамъ. Выдающаяся черта его натуры, главная причина всего нелѣпаго направленія его жизни заключается въ томъ, что онъ не хочетъ пальца о палецъ ударить для выработки своей личности, для надлежащаго пріуроченія ея къ какому бы то ни было настоящему житейскому дѣлу, а между тѣмъ помышляетъ о переработкѣ всего общаго строя жизни и своего жалостнаго существованія въ частности и непреложно вѣритъ не только

въ необходимость такой неудачности, но даже въ самые близкое, неизбѣжное ея осуществленіе. Богъ знаетъ, какими какихъ фантастическихъ причинъ, и Богъ знаетъ, какими фантастическими способами. Въ вѣчной жаждѣ, въ вѣчномъ желаніи перемѣны своей судьбы, постоянно злосчастной и крайне непріятной, онъ рѣшительно не можетъ дорожить скудной кучкой приобрѣтенныхъ силъ, портитъ добровольно свою жизнь и жизнь семьи, утѣшаетъ себя мечтами о томъ, что все дѣло поправится и фантастическими представленіями, какъ именно должно оно поправиться и какъ тогда все будетъ хорошо и славно. Такъ проходитъ его жизнь отъ ранней юности до могилы. Въ этюдѣ г. Боронина очень обстоятельно и подробно прослѣжена вся несложная, мелочная, но въ сущности глубоко-жалостная, почти трагическая исторія этой жизни, очень обстоятельно и подробно указаны выдающіяся фазисы ея отъ начала до конца. Вотъ въ краткомъ изложеніи нѣкоторыя данныя этой печальной и поучительной исторіи, какъ она является въ этюдѣ автора. «Минай — такъ начинаетъ г. Боронинъ характеристику своего героя — мечталъ вездѣ и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, мечталъ даже тогда, когда для другого человѣка рѣшительно не было матеріала для мечтаній. Невозможно отыскать въ его жизни ни одного момента, когда онъ плюнулъ бы на все и оцѣпенѣлъ. Въ его жизни постоянно давали о себѣ знать весьма плачевныя обстоятельства; но всѣмъ имъ вмѣстѣ и каждому порознь онъ

показывалъ языкъ». Это показываніе языка плачевнымъ обстоятельствамъ заключалось въ томъ, что Минай съ легкомысліемъ безхарактерности такъ привыкъ напускать на себя внѣшній видъ безпечной веселости, мнимо-твердаго рѣшенія не пасовать ни передъ какими невзгодами, что, наконецъ, это формальное, напускное свое состояніе онъ привыкъ принимать за настоящую спасительную стойкость души и при своей склонности къ фантазіямъ сдѣлалъ его воображаемымъ щитомъ отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ. Онъ не давалъ себѣ думать о настоящихъ своихъ невзгодахъ, заглушая ихъ усвоеннымъ легкомысліемъ и фантазіями. Онъ «вмѣсто обдумыванія мечталъ», какъ только у него выдавалась свободная минута, онъ «баловалъ себя» такимъ образомъ постоянно.

Пріѣдетъ онъ съ зимняго извоза, раздѣнется, разуется, ляжетъ на полати и начинаетъ фантазировать. Придумываетъ онъ тутъ разныя измышленія, высчитываетъ безчисленные счастливые случаи и самъ восхищается своими созданіями. Прежде всего его занимаетъ ожидающійся урожай. Полосы уже засѣяны; теперь только ждать надо. У Миная какъ-то выходитъ, что и дождичекъ льетъ вовремя, и сухое время настаетъ въ пору; однимъ словомъ, урожай будетъ превосходный. Съ этого осьминника онъ получитъ столько-то, а съ этого вотъ сколько. Хлѣба будетъ довольно. Потомъ Минай начинаетъ распредѣлять баснословный урожай. Туда онъ заплатитъ, этому отдастъ, сюда сунетъ, на подати опять продастъ — и все выходитъ какъ нельзя лучше. Но Минай не хочетъ на-обумъ рѣшать сложныя задачи, но высчитываетъ.—Р-разъ! шепчетъ онъ про себя, отыскивая счастливый случай, и загибаетъ на ладони палецъ. Затѣмъ начинаетъ прибирать другіе неестественные случаи хлѣбныхъ остатковъ... Два! радостно шепчетъ онъ, загибая другой палецъ. Онъ непремѣнно

смотритъ на пальцы и выказываетъ необычайное волненіе, когда ему не удается загнуть слѣдующаго пальца. Но это рѣдко бываетъ. Фантазія его на перетъ чѣмъ не останавливается, лишь бы загнуть всѣ пальцы. Въ концѣ концовъ всегда оказывается, что интерви вся загнута, хлѣба доставить и волки будутъ уплачены.

Такія утѣшительныя представленія будущихъ благополучій сбываются у Минея въ самой жалкой житейской обстановкѣ, въ то время, когда онъ видитъ передъ собой полуголодную семью, сынишку, у котораго «распучило пузо» отъ «страннаго» хлѣба. Минея, однако, нисколько не смущаетъ эта во очію предстоящая передъ нимъ печальная дѣйствительность. Онъ и тутъ находитъ возможность дать просторъ фантазіямъ и только для виду, для того, чтобы найдти поводъ къ предположеніямъ будущихъ благъ, иногда пытается чинить зіяющія прорѣхи своей бѣдственной жизни. У него, напримѣръ, стнила до тла вся изба: того и гляди рухнетъ. Но онъ и въ усъ себѣ не дуетъ и примѣрно, для виду, ее починяетъ: «потешетъ дощечку, пригѣшитъ ее гвоздиками къ провалившемуся мѣсту и потомъ хвастается: «чудесно! вѣку не будетъ!» Провалился у него плетень, стали залѣзать чужія свиньи къ нему на дворъ и поѣдать все, что попадаетъ. Починить плетень нечѣмъ: хвороста купить на гривенникъ не можетъ Минай. Онъ, однако, не смущаясь, придумалъ привязать старую собаку Полкана къ самой большой дырѣ въ плетнѣ, чтобы Полканъ не пускалъ свиней. Полканъ постоянно отрывался и уходилъ, но Минай ловилъ его, снова привязывалъ

и не только не утомлялся своей глупой выдумкой, но даже радовался: ему было весело смотрѣть, какъ собака хватала свиней за глотку. Онъ умѣлъ изъ своей развалившейся избы и изъ этого несчастнаго дыряваго плетня создать себѣ матеріалъ для самыхъ пріятныхъ грезъ.

Начиналъ онъ всегда съ плетня. Плетень — это былъ его личный врагъ. Его онъ сломаетъ и поставитъ новый.. Нѣтъ, не плетень, а прямо заборъ. А старый плетень на дрова; сколько будетъ дровъ! на годъ хватитъ! Полкашкѣ тоже надо отдыхъ дать — бѣдный Полканъ!.. А потомъ онъ примется за избу; гнилушки — въ щепы, въ прахъ! Будетъ, послужили свой вѣкъ — и честь пора знать. Новыхъ бревенъ онъ прямо изъ города привезетъ; онъ выждетъ случай; онъ не промахнется — шалишь! Крышу онъ тесовую положитъ, а солому по боку. Какъ же можно сравнить тесъ съ соломой?! То тесъ, а то солома. Тесъ — любезное дѣло, а солома прѣетъ... Ну, и вонь! Коровонку еще надо прикупить... Расходъ большой... ко за то корова! Суммы у него хватитъ на все. Да онъ, ежели прямо говорить, двѣ коровы купитъ, три! Молока тогда будетъ вдосталь, масло же... ну, масло въ городъ, по прямой линіи въ городъ, потому, что брюхо крестьянское непривычно къ нему... Молоко, простокваша — это такъ, это можно. Дунька тогда поправится; Дунькѣ тогда — лафа; Дунька тогда—сыта. А и пользы отъ коровъ ожидать должно, въ смыслѣ, напримѣръ, навоза. Тогда онъ не пожалѣетъ ста кучъ, двѣсти кучъ! Тогда этого добра дѣвать будетъ некуда — вали, знай! И хлѣбъ свой... цѣлый годъ свой! И нетолько этакій, со всѣми, напримѣръ, подлостями, а чистый, какъ слѣдуетъ, хлѣбъ... Расходу — прорва! Ну за то лошади... Этотъ самый одеръ, теперешній, только хвостомъ вертитъ! Ты его жарь кнутомъ, дубиной его жарь, а онъ вертитъ... одеръ естественный!.. А онъ купитъ теперь лошадь какъ слѣдуетъ... ха-аррошаго мерина! Онъ двѣ лошади купитъ! ужь за одно, въ масть...

При такой склонности жить мечтаніями и позабывать для нихъ всѣ насущныя нужды своей

требующей неотложной поправки «жисти», Минай, конечно, могъ бы дойдти до того, что, какъ выражается авторъ, «отъ него давнымъ давно остались бы одни порты». Онъ бы даже могъ утратить свою милую способность показывать языкъ обстоятельствамъ, еслибы не одно особенное житейское условіе. «Бѣдъ у Миная было много; сыпались онѣ на него, какъ словно шишки на Макара; но онъ ежеминутно чувствовалъ за своей спиной силу. Этой силой былъ міръ. Онъ въ него такъ вѣрилъ, что когда у него ничего не оставалось, тогда все-таки оставался міръ. Если по временамъ изъ его легкомысленной души исчезала надежда, онъ обращалъ глаза на міръ и ждалъ: вотъ-вотъ міръ что ни на есть придумаетъ». И вотъ этотъ человѣкъ, который лично для себя, въ своей семьѣ, не умѣлъ путнымъ образомъ палецъ о палецъ ударить и могъ только праздно фантазировать,—этотъ человѣкъ являлся въ дѣлахъ «опчества» первымъ и самымъ усерднымъ участникомъ — разумѣется на словахъ, разумѣется горлодерствомъ и ничѣмъ болѣе.

Онъ не пропускалъ ни одной сходки и слылъ за самаго отчаяннаго горлодера. Даже въ тѣ дни, когда его разрывали на части и когда ему приходилось бороться съ уныніемъ, онъ все же появлялся на сходкѣ. Всего вѣрнѣе, потому и появлялся, что боролся съ уныніемъ. Тамъ онъ былъ въ своей сферѣ. Горло у него было широкое; ругался онъ такъ, что даже опытные въ этомъ дѣлѣ становились въ тупикъ и умолкали. Онъ раньше всѣхъ приходилъ на сходъ, позже всѣхъ уходилъ оттуда. Прямо по приходѣ на сходъ онъ точилъ лясы и балагурилъ; потомъ ругался. Прислонится къ чему-нибудь, къ плетню или за-

бору, и оретъ, пламенно оретъ, не глядя ни на кого и не слушая ни другихъ, ни, повидимому, даже самого себя; оретъ до тѣхъ поръ, пока всѣ прочіе не умолкнутъ въ изнеможеніи, безсильно хлопая глазами: его поневолѣ слушали. На міру онъ такъ и слылъ «горлодеромъ», т. е. человѣкомъ, который во всякій часъ дня и ночи можетъ разинуть ротъ и сколько угодно орать. Всего яростнѣе Минай нападалъ на Епишку. Епишка былъ кабатчикъ, небольшой, вертлявый, съ пронзительными глазами человѣчишко. Сначала онъ чуть не со слезами на глазахъ вымолилъ у парашкинцевъ право держать кабакъ; а потомъ ему удалось какими-то подвохами купить землю у барина (старика-барина давно не было въ живыхъ — имѣніе было въ рукахъ его сына), и съ тѣхъ поръ Епишка преобразился. Кабака онъ не бросилъ; напротивъ, сдѣлалъ его центромъ своего хищничества. Здѣсь онъ жилъ, отсюда онъ дѣлалъ набѣги на парашкинцевъ, сюда тащилъ все, что̀ ему удавалось, тѣмъ или другимъ путемъ, выудить. Въ концѣ-концовъ, онъ опуталъ парашкинцевъ обязательствами, и вытурить его было уже невозможно.

— Чего вы смотрите? кричалъ Минай на сходѣ: — чего смотрите? Куда у васъ разумъ-то дѣвался? Нонѣ онъ на хвостъ намъ сѣлъ, а завтра наплюетъ намъ въ бороды! Чего наплюетъ! онъ прямо въ ротъ затешется, Епишка-то! Ахъ, вы...

Однако же, такъ хорошо разумѣя и такъ хорошо отдѣлывая Епишку на «опчественныхъ» сходкахъ, Минай, встрѣчаясь съ нимъ одинъ на одинъ, относился къ нему благосклонно, балагурилъ съ нимъ и даже выпрашивалъ у него косушку водки въ долгъ. И когда Епишка, припоминая «опчественную» ругань Миная, попрекалъ его этой руганью, Минай оправдывался такимъ оригинальнымъ образомъ: «Тамъ, братъ, апчественное дѣло; по совѣсти тамъ, братецъ ты мой... Тамъ съ нечистымъ рыломъ невозможно»! Вообще, замѣчаетъ авторъ, въ

«опчественныхъ дѣлахъ» Минай старался поступать (т. е. болтать) по совѣсти, «съ чистымъ рыломъ»; дома же онъ никогда не слѣдилъ за собой: дома онъ привыкъ ходить нечистымъ. Несмотря, впрочемъ, на свое стремленіе въ «опчественныхъ дѣлахъ» быть чистымъ», Минай, разумѣется, былъ кругомъ въ недоимкахъ и отыгрывался только тѣмъ отъ нихъ, что претерпѣвалъ за нихъ мірское сѣченіе, которое для него дѣлалось все-таки источникомъ новыхъ, самыхъ обольстительныхъ и даже гордыхъ мечтаній. Но «ежедневныя фантастическія настроенія — говоритъ авторъ — уже не удовлетворяли Миная: онъ жаждалъ чего нибудь диковиннаго и захватывающаго духъ. Онъ старался забыть свою «жисть» и выдумать другую, неслыханную. Всѣ мечты его принимали болѣзненный и придурковатый характеръ. Самъ по себѣ онъ мало надѣялся; но за то онъ ждалъ; и эти ожиданія также принимали больной видъ, и со стороны казались просто глупыми и невѣжественными. То онъ выдумаетъ, что ему позволятъ переселиться въ Азію, то онъ вѣритъ, что недоимки будутъ съ него сняты, то онъ убѣждаетъ себя, что земли прирѣжутъ. Онъ ловилъ малѣйшій слухъ, который не былъ очевидной нелѣпостью и фантазировалъ на его счетъ. Показывая видъ, что онъ нисколько не вѣрилъ болтовнѣ бабъ, онъ втайнѣ предавался мечтаніямъ на счетъ какой-нибудь утки, пущенной какимъ-нибудь солдатикомъ, и въ то же время съ жаромъ ловилъ новую утку, волнуясь при ея

появленіи до глубины души. Въ этомъ случаѣ онъ даже и не лгалъ передъ собой: онъ вѣрилъ. «Это спасало его на время, позволяя ожидать чего-то».

Предоставляя читателямъ ознакомиться съ полной исторіей Миная въ самомъ разсказѣ г. Коронина, я считаю достаточнымъ указанныхъ чертъ для характеристики любопытнаго типа, выведеннаго авторомъ. Что въ крестьянской средѣ такой типъ очень распространенъ — въ этомъ, я полагаю, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: каждый, кому случалось сближаться съ сельскимъ людомъ, наблюдать его нравы и характеры, каждый, вѣроятно, встрѣчалъ сотни представителей минаевскаго типа. Авторъ, какъ говорится, вырвалъ своего Миная живьемъ изъ дѣйствительности, и разработай онъ этотъ типъ не въ простомъ безпритязательномъ этюдѣ, а въ настоящей художественно-беллетристической картинѣ, онъ могъ бы сдѣлать себѣ литературное имя подобнымъ трудомъ. Но и такъ, и въ простомъ этюдѣ его Минай необыкновенно интересенъ и поучителенъ. Интересенъ и поучителенъ онъ тѣмъ, что въ этомъ Минаѣ встрѣчаются такія черты, которыя свойственны вообще россіянамъ, не только сельскимъ, но и городскимъ, не только крестьянскаго «опчества», но и интеллигентнаго общества. Развѣ точно такіе же Минаи не встрѣчаются въ нашей интеллигенціи? О, сколько угодно, на каждомъ шагу. Основныя черты минаевскаго склада: моральную неряшливость относительно собственной личности, безхарактерную апа-

тію къ ближайшему, будничному дѣлу и ширяніе въ отдаленныя области фантазіи, затыканіе «дыръ жисти», какъ выражается авторъ—«клочьями своего воображенія», клочьями несбыточныхъ, порою совсѣмъ нелѣпыхъ надеждъ—эти основныя черты вы найдете у представителей интеллигенціи въ какихъ угодно сферахъ: въ общественной, административной, педагогической, литературной и т. д. Въ сельскомъ Минаѣ, конечно, эти черты являются въ примитивномъ, простомъ видѣ, не осложненныя тѣми детальными прибавками и украшеніями, какими развитіе и извѣстная доля цивилизаціи обременяетъ личность интеллигентнаго человѣка, замаскировавъ за этими мелочными деталями ея сущность. У сельскаго Миная формы его придурковатаго отношенія къ настоящей, дѣйствительной жизни, какъ и формы его придурковатыхъ фантазій и надеждъ отличаются грубою первобытностію и потому ихъ гораздо легче уловить наблюдателю, чѣмъ у человѣка интеллигентнаго, у котораго, одинаковое по сущности, т. е. придурковатое и жалкое разумѣніе своей жизни и фантазированіе является въ формахъ не столь рѣзкихъ и съ перваго взгляда какъ будто имѣющихъ болѣе серьезное и толковое значеніе. Но вѣдь это не дѣлаетъ никакой настоящей разницы между первобытнымъ типомъ сельскаго Миная и выработавшимся, осложненнымъ развитіемъ типомъ Миная интеллигентнаго. Въ узкомъ районѣ Парашкинской волости сельскіе Минаи вліяютъ на организацію

и складъ общаго строя парашкинской жизни точно въ такомъ же смыслѣ и въ такомъ же направленіи, какъ и интеллигентные Минаи въ болѣе широкомъ районѣ ихъ дѣятельности. Результатъ вліянія тѣхъ и другихъ во всякомъ случаѣ выходитъ однороднымъ, одинаковымъ: ни тѣ, ни другіе не умѣютъ вырабатывать въ себѣ нравственной личности, не умѣютъ завоевывать ея правъ и безплодно мечутся и толкутся на одномъ мѣстѣ, стараясь найдти забвеніе своей жалкой «жисти» въ фантазіяхъ о томъ, какъ она можетъ хорошо устроиться въ будущемъ и какія могутъ въ ней произойдти внезапныя перемѣны безъ всякихъ видимыхъ и разумныхъ причинъ. Мнѣ кажется даже, что у иныхъ интеллигентныхъ Минаевъ нѣкоторыя черты придурковатости сельскихъ Минаевъ развиты въ бо́льшей степени. Напримѣръ, хоть вотъ эта черта: склонность къ совершенно безплодному вмѣшательству въ общественныя дѣла, выражающаяся въ пустомъ кричаньѣ, въ репетиловскомъ «шумимъ, братецъ, шумимъ», въ болтовнѣ всякаго сорта: консервативной, либеральной, радикальной, но въ концѣ концовъ ровно ничего не приносящей ни самимъ болтунамъ, ни обществу, такъ какъ рядомъ съ этою болтовней является жалчайшее и грубѣйшее униженіе болтуновъ передъ тѣми и передъ тѣмъ, противъ кого и противъ чего направляется ихъ крикъ. Сельскихъ нашихъ Минаевъ, праздно фантазирующихъ и праздно болтающихъ, міръ, несмотря на ихъ горлодерное участіе «съ чистымъ рыломъ» въ

«отечественныхъ дѣлахъ», ни мало не уважаетъ; кулаки Епишки, несмотря на минаевскіе протесты и ругательства, держатъ сельскихъ Минаевъ въ рукахъ и ѣздятъ на нихъ верхомъ. Интеллигентные наши Минаи, несмотря на такое же мнимо-либеральное или мнимо-консервативное горлодерство, яко бы тоже «съ чистымъ рыломъ», точно также не достигаютъ никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ презрѣнія и выѣзжанія верхомъ на ихъ либеральныхъ или консервативныхъ хребтахъ... И, повторяю, происходитъ это какъ у первыхъ, такъ и у вторыхъ отъ одной причины — именно отъ того, что нельзя быть «съ чистымъ рыломъ» общественнымъ дѣятелемъ, если не вымылъ предварительно это «рыло», если не сдѣлался чистымъ въ своей личной жизни, то есть, другими словами, не выработалъ нравственной своей личности...

„СРЕДНІЙ“ ДРАМАТУРГЪ.

Г. Крыловъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Виктора Александрова, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу плодовитѣйшихъ русскихъ драматурговъ. Можно сказать безъ преувеличенія, современная сцена запружена его пьесами. Большая часть этихъ пьесъ—передѣлки съ французскаго и нѣмецкаго. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются очень значительнымъ успѣхомъ, обошли не только столичныя, но и всѣ провинціальныя сцены и упорно держатся въ репертуарѣ на ряду съ самыми выдающимися, крупными драматическими произведеніями. Причина такого успѣха, говоря по справедливости, заключается отнюдь не въ высокихъ художественныхъ достоинствахъ помянутыхъ пьесъ и не въ величинѣ таланта ихъ автора, а, главнымъ образомъ, въ приноровленности его произведеній къ «среднимъ» вкусамъ нашей театральной публики и къ лицедѣйскимъ качествамъ «среднихъ» исполнителей нашей сцены.

«Средняя» театральная публика, какъ извѣстно,

властвуетъ у насъ въ храмахъ Таліи и Мельпомены совершенно деспотически, потому что въ московскомъ театрѣ она составляетъ огромное большинство, а въ Александринскомъ театрѣ другой публики, кромѣ «средней», почти нѣтъ. Что же касается до публики театровъ провинціальныхъ, то она, кажется, заимствуетъ свои вкусы и сужденія отъ публики столичной, она одобряетъ и превозноситъ все то, чѣмъ восхищаются столицы. Требованія средней театральной публики стоятъ на очень невысокомъ уровнѣ. Ея понятія о комизмѣ до сихъ поръ совершенно тѣ же, какія были еще во дни Гоголя, превосходно подмѣтившаго и резюмировавшаго въ двухъ фразахъ «Разъѣзда» самую суть этихъ понятій. Комедія, по разумѣнію средней публики, должна быть основана на «смѣшныхъ свѣтскихъ случаяхъ» и «сцѣпленіяхъ» въ родѣ слѣдующихъ: «ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую, или къ Смольному монастырю»; или: «одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу». Къ такимъ смѣшнымъ случаямъ и сцѣпленіямъ современная средняя публика требуетъ еще нѣкотораго моральнаго соуса въ формѣ различныхъ благонамѣренно-либеральныхъ тирадъ, хотя бы онѣ были вставлены въ комедію ни къ селу, ни къ городу. И замѣчательное дѣло: чѣмъ въ пьесѣ пошлѣе, смѣшнѣе «случаи» и «сцѣпленія», чѣмъ безцвѣтнѣе и банальнѣе либеральныя тирады и выходки,

тѣмъ въ большее восхищеніе приходитъ теперешняя средняя публика. Я до сихъ поръ помню, какъ меня поразилъ неистовый восторгъ александринскихъ зрителей въ одной пьесѣ, видѣнной мною не такъ давно. Не помню съ точностью, какъ называлась пьеса: кажется «Забубенный лобъ», или что-то въ этомъ родѣ. Остроумный авторъ придумалъ въ пьесѣ такое «сцѣпленіе»: герою пьесы нужно поскорѣе согрѣть самоваръ и онъ, выдвинувъ его на авансцену, снимаетъ сапогъ и начинаетъ раздувать голенищемъ. Публикѣ такъ понравился этотъ комическій замыселъ, что она не только кричала и хлопала, но можно сказать грохотала и даже требовала повторенія штуки съ сапогомъ. Вотъ вамъ яркій образчикъ вкуса и пониманія теперешней средней публики нашего театра.

Понятное дѣло, что спеціально для удовлетворенія этой публики у насъ выработались «средніе» исполнители. Между этими исполнителями есть даже таланты, не Богъ вѣсть какіе, конечно, но все-таки таланты. И несмотря однакоже на свою талантливость, эти исполнители отличаются самымъ вульгарнымъ лицедѣйствомъ, главная характеристическая черта котораго заключается въ томъ, что они всегда изображаютъ въ пьесѣ только роль, а отнюдь не лицо. Создать сценическое лицо и играть на сценѣ роль—въ этомъ есть неизмѣримая разница. Созданіе лица, помимо таланта, требуетъ сценической обдуманности, наблюдательности, нѣкотораго хотя бы даже и непосредственнаго разу-

мѣнія законовъ, условій и стремленій драматическаго искусства. Играніе роли ничего не требуетъ, кромѣ бойкости и привычки къ сценѣ, нѣкоторыхъ внѣшнихъ сценическихъ качествъ, можетъ быть нѣкоторой веселости, или, точнѣе, нѣкотораго изученнаго или природнаго фиглярства. Актеры, способные только на изображеніе ролей, обыкновенно желаютъ, чтобы авторы сочиняли для нихъ въ пьесѣ такіе персонажи, которые бы подходили къ ихъ спеціальнымъ сценическимъ качествамъ. Положимъ, актеръ имѣетъ плаксиво-бабій голосъ: онъ желаетъ, чтобы авторъ сочинилъ ему такую роль, гдѣ по преимуществу необходимо выть плаксиво-бабьимъ голосомъ. Положимъ, актриса превосходно продѣлываетъ нервное раздраженіе, обмороки, истерики: ова желаетъ, чтобы авторъ далъ ей роль, сущность которой заключалась бы въ нервности, обморокахъ, истерикахъ. Положимъ, у актера хамоватая фигура и манеры — подавайте ему пьесу съ ролью хамоватаго представителя петербургскаго дендизма. Положимъ, актриса обладаетъ тоненькой таліей, фигуркой и живостью семнадцатилѣтней институтки — выводите ей въ пьесѣ роль капризной институтской «инженю» и т. д., и т. д.

Крупные драматурги при созданіи своихъ пьесъ очень рѣдко берутъ въ разсчетъ, какой актеръ, или какая актриса будетъ представлять то или другое лицо. Иногда, въ видѣ исключенія, они сочиняютъ какое-либо драматическое положеніе такого или иного характера, разсчитывая это положеніе на

средства и особенности очень крупнаго сценическаго дарованія. Да и то подобнаго рода исключительныя вещи крупные авторы дѣлаютъ не ради вящшаго успѣха своей пьесы, а изъ уваженія къ высокому сценическому художнику, въ угоду выдающимся качествамъ его таланта. Обыкновенно же они даютъ актеру своими созданіями не только матеріалъ для сценической обработки, но, такъ сказать, опредѣляютъ ему и тотъ планъ, по которому онъ долженъ построить извѣстное драматическое лицо, опредѣляютъ всѣ общіе размѣры сценической постройки даннаго лица. Но кромѣ крупныхъ драматическихъ авторовъ существуютъ еще, какъ публика, какъ актеры, драматурги средніе. Эти драматурги въ сочиненіи, или, точнѣе; въ составленіи своихъ пьесъ, поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они прежде всего и въ концѣ всего имѣютъ въ виду сценическія средства исполнителей и сочиняютъ не лица или типы, а только роли, соотвѣтствующія помянутымъ средствамъ. Не они даютъ матеріалъ актеру, а напротивъ актеръ даетъ имъ матеріалъ для композиціи персонажей и сценическихъ положеній. Средніе авторы, если такое выраженіе не покажется неумѣстнымъ, какъ портные, снимаютъ мѣрку съ сценическихъ способностей того или другого артиста, той или другой артистки и потомъ закраиваютъ не только дѣйствующихъ лицъ комедій, но даже общій ея замыселъ по этой мѣркѣ. Они дѣлаютъ это вовсе не изъ угожденія актерамъ, не по личнымъ желаніямъ или просьбамъ этихъ послѣднихъ,

а, вопервыхъ, по исключительной заботливости объ успѣхѣ пьесы и, вовторыхъ, потому, что, при поверхностности и легкости своего дарованія, они ничего бо̀льшаго сдѣлать не могутъ и не умѣютъ. Средніе же актеры, какъ я замѣтилъ уже, съ своей стороны, ничего иного отъ среднихъ авторовъ не требуютъ, какъ только такихъ ролей, въ которыхъ бы заключалось приноровленіе къ ихъ лицедѣйскимъ качествамъ. Изъ этого тайнаго согласія стремленій среднихъ авторовъ и актеровъ и возникаютъ тѣ чудеснѣйшія пьесы, которыя сочиняются или компилируются столь скоро и легко и пользуются такимъ живымъ успѣхомъ у средней театральной публики. Конечнымъ результатомъ такой трогательной и плодотворной солидарности среднихъ драматурговъ, среднихъ лицедѣевъ и средней публики, по увѣренію нѣкоторыхъ придирчивыхъ цѣнителей искусства, можетъ быть постепенное пониженіе родной сцены, которое будто бы примѣчается довольно явственно уже и теперь. Какъ на рѣзкій симптомъ подобнаго пониженія придирчивые цѣнители указываютъ на тотъ фактъ, что актеры и актрисы, образовавшіе свое дарованіе по преимуществу на примѣренныхъ и закроенныхъ по ихъ средствамъ роляхъ, оказываются порядочными исполнителями исключительно только этакихъ ролей. Въ пьесахъ же серьезныхъ, въ пьесахъ, гдѣ приходится воспроизводить лица и характеры, созданные творчески, взятые изъ жизни, а не скомпилированные по внѣшнимъ авторскимъ соображеніямъ, однимъ

словомъ, въ пьесахъ Грибоѣдова, Гоголя и въ лучшихъ комедіяхъ Островскаго помянутые бойкіе актеры и актрисы являются несостоятельными до того, что иногда на ихъ игру не только смотрѣть не хочется, а даже тошнитъ отъ ея пошлости и грубости. Впрочемъ, на такія указанія придирчивыхъ цѣнителей искусства теперь никто не обращаетъ вниманія; обыкновенно говорятъ, что они это отъ излишней придирчивости провидятъ упадокъ тамъ, гдѣ, напротивъ, происходитъ только процвѣтаніе и замѣненіе старыхъ, отжившихъ пріемовъ и задачъ искусства задачами и пріемами новыми и свѣжими, даже коли хотите свѣжепросольными, ибо они просолены аттическою солью авторовъ «Фролокъ», «Мертвыхъ петель», «Осадныхъ положеній», «Забубенныхъ лбовъ» и проч. и проч.

Очень можетъ быть, я глубоко ошибаюсь — въ такомъ случаѣ да простятъ мнѣ музы Талія и Мельпомена мою великую и въ то же время невольную ошибку — но мнѣ кажется, что г. Крыловъ, столь успѣшно, плодовито и легко работающій всякія драмы и комедіи, принадлежитъ именно къ числу тѣхъ среднихъ драматурговъ, о которыхъ я говорилъ. Я готовъ даже признать его высшимъ между средними, наиболѣе типическимъ представителемъ среднихъ. Никто больше и чаще г. Крылова не пишетъ для современной сцены, никто такъ хорошо не знаетъ современный нашъ театръ, его дѣятелей, его публику, никто такъ ловко не удовлетворяетъ и актеровъ и зрителей, какъ авторъ столь же много-

численныхъ, сколько удачныхъ пьесъ, каковы: «Къ мировому», «Змѣй Горынычъ», «По духовному завѣщанію», «На хлѣбахъ изъ милости», «Въ осадномъ положеніи», «По кривой дорогѣ», «Завоеванное счастье», «Шустрая гувернантка» и проч. и проч. Ничему иному какъ этому великому знанію и пониманію сценическихъ средствъ теперешнихъ среднихъ актеровъ и вкусовъ теперешней средней публики я не могу приписать значительный успѣхъ многихъ изъ этихъ пьесъ, успѣхъ столь замѣтный.

Я сейчасъ объяснюсь подробнѣе, но прежде мнѣ приходится сдѣлать откровенное признаніе, которое, конечно, не послужитъ мнѣ въ пользу, ибо засвидѣтельствуетъ о моемъ равнодушіи къ наслажденію искусствомъ: я очень рѣдко посѣщаю Александринскій театръ. Почему? спросятъ меня. Право, не знаю почему, положимъ отъ лѣни. Но какая бы ни была причина — результатъ тотъ, что я очень долгое время былъ плохо знакомъ съ драматическими работами г. Крылова, ибо видѣлъ на театрѣ лишь немногія изъ нихъ. Тѣ пьесы, которыя мнѣ случалось видѣть, на меня не производили никакого впечатлѣнія и казались мнѣ посредственными; но это были, однакоже, не лучшія пьесы почтеннаго автора. Я всегда жалѣлъ, что лучшія созданія его пера остаются мнѣ неизвѣстными и всегда предполагалъ при этомъ, что именно тамъ-то, въ этихъ пьесахъ, и сосредоточиваетъ г. Крыловъ всю силу своего таланта, давшаго ему значительную извѣстность. Такъ было до послѣдняго времени, когда г. Крыловъ сталъ из-

давать свои драматическія сочиненія отдѣльно и печатать свои комедіи въ журналахъ. Я прочиталъ эти сочиненія и пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе. И было отчего недоумѣвать: авторъ собралъ все, что̀ у него вышло лучшаго, оригинальнѣйшаго и между тѣмъ все это — говорю откровенно — производило впечатлѣніе безцвѣтности какъ драматическаго замысла, такъ и формы. Съ одной комедіей — «Земцами» еще кой-какъ можно было помириться: тутъ хотя задача вложена общественная и два-три лица, нѣсколько сценъ, не лишены жизни; но все остальное!.. Богъ мой, какая банальность пріемовъ, какая искусственность и вмѣстѣ съ этимъ вялость и стертость языка, какое отсутствіе просто веселости, я не говорю уже объ остроуміи и комическомъ юморѣ. Скажите, пожалуйста, мыслимы ли комическія лица безъ языка хоть сколько-нибудь выразительнаго, характернаго, типическаго? Разумѣется, нѣтъ. Даже у посредственныхъ драматурговъ, напримѣръ у покойнаго Дьяченки, встрѣчается порою хоть внѣшняя характерность въ языкѣ, мелькаютъ отдѣльныя, если не комическія, то по крайней мѣрѣ забавныя фразы, «словечки». Поищите-ка даже такой внѣшней характеристики и забавныхъ фразъ въ пьесахъ г. Крылова: едва ли отыщется что-нибудь подобное. Всѣ дѣйствующія лица его комедій говорятъ однимъ и тѣмъ же, довольно безцвѣтнымъ и нерѣдко сочиненнымъ книжнымъ языкомъ. Даже языкъ женскихъ персонажей мало чѣмъ отличается отъ языка мужскихъ. Для под-

[illegible] [illegible] [illegible] [

шимъ драматургомъ въ уста московской дамѣ. Рѣшительно разводишь руками при мысли о томъ, какимъ образомъ такой опытный, сценическій писатель, какъ г. Крыловъ, можетъ такъ грубо ошибаться въ тонѣ языка, какъ онъ не понимаетъ и не чувствуетъ, что невозможно заставлять говорить московскую даму-полукамелію такими фразами: «вѣчная эксплоатація бѣднаго богатымъ», «первобытное состояніе», «научный трудъ» и т. д. Но онъ, какъ видно, дѣйствительно не чувствуетъ и не понимаетъ этого и во всѣхъ его пьесахъ діалоги всевозможныхъ дѣйствующихъ лицъ блещутъ такой же книжной дѣланностью и никакихъ характерныхъ признаковъ настоящей выразительности не носятъ на себѣ, отличаясь развѣ только однимъ качествомъ — безцвѣтностью.

Теперь пойдемте дальше. Главное свойство каждаго настоящаго драматурга — рѣзкая постановка и обрисовка характеровъ дѣйствующихъ лицъ, умѣнье сообщать имъ живое отличіе другъ отъ друга. Нашъ авторъ едва ли обладаетъ этимъ качествомъ. У него нѣтъ характеровъ въ комедіяхъ, какъ нѣтъ въ нихъ также и нравовъ, ибо безъ типическаго языка комически-живое воспроизведеніе бытовой стороны жизни немыслимо. Вмѣсто характеровъ, персонажи пьесъ г. Крылова представляютъ, такъ сказать, одни условные ярлыки. Вотъ вамъ молодая дѣвушка, у которой наклеенъ ярлыкъ: честная, горячая натура, сдерживающая свои порывы. Вотъ дама съ ярлыкомъ: продувная

[illegible] Есть другой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и пошлость. Есть другой [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]. Есть третій [illegible] [illegible] [illegible]. Есть четвертый [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. Есть [illegible] общіе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] г. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

и кровью. За то различныхъ «ролей» въ его пьесахъ изобиліе и всѣ какъ по мѣркѣ сшиты: это спеціально для г. Сазонова, это — для г-жи Савиной, это для г. Варламова, и т. д.

Пойдемъ еще дальше. Не только въ публикѣ, но даже и въ печати не разъ высказывалось мнѣніе, что пьесы г. Крылова необыкновенно хороши и живы въ отношеніи развитія сценическаго дѣйствія, что съ этой стороны нашъ авторъ самый опытный драматургъ, что онъ далеко оставляетъ за собою даже крупнѣйшихъ драматическихъ писателей, напримѣръ Островскаго, комедіи котораго, какъ всѣмъ извѣстно, нерѣдко страдаютъ слабымъ и вялымъ развитіемъ дѣйствія. Вникнувъ попристальнѣе въ произведенія г. Крылова, придется отнять, если не у многихъ его комедій, то у него самого это похвальное драматическое качество — умѣнье завязывать, живо, напряженно вести и ловко развязывать драматическое дѣйствіе. Дѣло въ томъ, что подобное качество нашъ авторъ обнаруживаетъ только въ тѣхъ пьесахъ, которыя являются передѣлкою съ иностраннаго. Въ такихъ пьесахъ мастерство завязки и развязки, живость общаго дѣйствія никакъ не могутъ быть отнесены на счетъ передѣлывателя и, конечно, всецѣло принадлежатъ авторамъ тѣхъ иностранныхъ оригиналовъ, искаженныя копіи которыхъ даетъ русской публикѣ нашъ драматургъ. Въ оригинальныхъ же комедіяхъ г. Крылова, каковы, напримѣръ, «Земцы», «Къ мировому», «Въ духѣ времени» дѣйствіе ве-

дется довольно вяло, растянуто, съ полнымъ отсутствіемъ возростающаго интереса и движенія и иногда, какъ въ «Зевцахъ» и «Къ мировому», остается безъ надлежащей развязки, такъ что эти пьесы въ сущности выходятъ какъ бы неоконченными. Въ особенности комедія «Въ духѣ времени» показываетъ, что онъ, при всемъ своемъ давнемъ знаніи сцены, при всей своей опытности, весьма мало постигъ драматическую технику: болѣе неискусную и мелкую интригу комедій трудно представить себѣ. Притязательное заглавіе комедіи до такой степени мало соотвѣтствуетъ той жалкой фабулѣ, на которой она построена, что просто становится и смѣшно и досадно, когда прочитаешь пьесу до конца и оцѣнишь ея смыслъ и ея впечатлѣніе. Помилуйте, ну развѣ возможно олицетворить хищническій и эксплоататорскій духъ нашего времени въ какой-то жалкой особѣ московской продувной барыни и въ какой-то жалкой исторіи о томъ, какъ эта барыня выманила у глупаго купчика пятнадцать тысячъ подъ невозможную росписку, какъ она хотѣла продать свое имѣніе за сумму вдвое бо̀льшую его стоимости, что̀ впрочемъ ей не удалось, какъ она кокетничала съ довольно ограниченнымъ профессоромъ, полагая, что у него большое состояніе и какъ отдѣлалась отъ этого профессора, узнавъ, что состояніе онъ пожертвовалъ для своего брата. Неужели г. Крыловъ не съумѣлъ извлечь изъ современной дѣйствительности, столь обильной не только комиче-

скими, но даже уголовными подвигами самаго сложнаго и самаго изощреннаго и выразительнаго хищничества и эксплоататорства, — неужели онъ не съумѣлъ изъ этой живой дѣйствительности извлечь случай болѣе крупный, болѣе живой и главное болѣе характерный? Неужели типическими представителями хищническаго духа времени могутъ служить такія жалкія — и далеко не умныя особы, какъ Буранова, и такіе плохенькіе «дѣльцы», какъ Бликъ? Неужели г. Крыловъ, наконецъ, для изобличенія хищническаго духа времени не имѣлъ тирады болѣе выразительной, чѣмъ вотъ эта, которую онъ помѣщаетъ въ концѣ своей комедіи:

«Обобрать не штука, если сила есть, — аферу ловко обдѣлать, на законномъ основаніи, не то: тутъ талантъ, творчество!.. И сколько же теперь этого таланту! И гдѣ только на него не наткнешься! (т. е. не натыкаешься, вѣроятно). Господи!.. Женщины, и тѣ въ аферы пускаются. Да какія?! — которымъ бы на облакахъ валяться (?)... Что женщины? — дѣти! мнѣ сынишка разсказывалъ, — у нихъ гимназистъ стянулъ у товарища карандашъ, да въ лотерею его и розыгралъ. Дойдетъ до того, что грудной младенецъ повойникъ съ своей кормилицы прохожему продастъ. И подѣломъ! — стало быть кормилица зазѣвалась. Духъ времени таковъ, держи ухо востро».

Богъ мой, какая элементарная, какая поистинѣ гимназическая тирада для заклейменія такого возмутительнаго явленія, какъ колоссальное развитіе

хищническаго «духа времени». Неужели г. Крыловъ не нашелъ даже болѣе энергическихъ «словечекъ», для выраженія морали своей комедіи? Ну, положимъ, онъ замыселъ ея общій не могъ изобрѣсти порядочно, не съумѣлъ подъискать типовъ и положеній настоящихъ, выразительныхъ, опредѣленныхъ, живыхъ... Но «словечки», «словечки»... Какъ не найдти хоть живыхъ словечекъ? Вѣдь даже у г. Николая Потѣхина словечки иногда отыскиваются...

И такъ, резюмирую оцѣнку г. Крылова, какъ драматурга: онъ въ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ является крайне слабымъ со стороны самыхъ первыхъ и главныхъ условій драматическаго таланта. Въ его пьесахъ нѣтъ ни типическаго, выразительнаго языка, ни комическаго юмора, ни живыхъ бытовыхъ чертъ, ни живыхъ лицъ и характеровъ, ни даже надлежащаго умѣнья завязывать, вести и развязывать дѣйствіе (послѣднее, повторяю, касается пьесъ оригинальныхъ, а не заимствованныхъ). Теперь спрашиваю: чѣмъ же объяснить несомнѣнный и довольно значительный успѣхъ г. Крылова? Никакого другого объясненія, кромѣ указаннаго мною въ началѣ моего этюда, не остается: г. Крыловъ умѣетъ угождать вкусамъ средней театральной публики, умѣетъ составлять и закраивать «роли» по мѣркѣ сценическихъ средствъ среднихъ актеровъ. Въ этомъ умѣньи именно заключается тайна его

успѣха и имъ исчерпывается его значеніе для современной сцены.

Впрочемъ, скажу въ заключеніе, г. Крыловъ нисколько не долженъ огорчаться такою оцѣнкою настоящей сути его таланта и его драматической дѣятельности. Избравъ себѣ посильную работу давать средней публикѣ и среднимъ актерамъ удобоваримую пищу, онъ работаетъ съ трудолюбіемъ и рвеніемъ поразительными: онъ, какъ это всѣ знаютъ, рѣшительно наполнилъ русскую сцену своими произведеніями, онъ имѣетъ массы поклонниковъ и почитателей и въ публикѣ и въ средѣ артистовъ. Какъ хотите, а это что нибудь да значитъ. Отдѣльныя мнѣнія, подобныя напримѣръ тому, какое высказано мною, не должны особенно тревожить г. Крылова, такъ какъ они стушевываются совершенно передъ общимъ мнѣніемъ толпы. Г. Крыловъ можетъ легко признать меня зоиломъ его славы, и утѣшиться этимъ, какъ утѣшаются многіе авторы...

[illegible] [illegible] Бобрыкин

Ты знаешь, что [illegible] Мальборуг в поход поехал и что при нем был конь [illegible]. Мне очень жаль, что слов [illegible] [illegible] [illegible]

г. Боборыкинѣ изъ какого-то органа «роспивочной» прессы»? Это, читатели, не изъ роспивочнаго органа я выписываю, а изъ серьезно-либеральныхъ «Отечественныхъ Записокъ». Болтовня эта съ претензіей на роспивочное остроуміе сфабрикована не какимъ-нибудь насѣкомымъ мелкой газетки, а критикомъ «Записокъ», который подписался псевдонимомъ «Посторонняго», но въ которомъ однакоже можно узнать по нѣкоторымъ аллюрамъ г. Михайловскаго. Привожу я эту болтовню затѣмъ, чтобы наглядно показать вамъ примѣръ, до чего можетъ доводить обиженное литературное самолюбіе, особенно самолюбіе мелкое, самолюбіе кружковыхъ геніевъ, стоящихъ въ собственномъ сознаніи и въ сознаніи разныхъ либеральныхъ лиллипутовъ на пьедесталѣ по крайней мѣрѣ въ два вершка вышиною. Такое самолюбіе съ двухвершковой высоты своего пьедестала озирается на все съ самодовольной гордостью, старается постоянно приподняться на каблучки либерализма и страшно обижается, если ему даже не прямо въ глаза, а хотя косвенно дадутъ понять, что вѣдь пьедесталъ, на который оно взгромоздилось, не выше двухъ вершковъ и что даже приподнимаясь на каблучки оно все-таки далеко не достигнетъ главою небеснаго свода...

П. Д. Боборыкинъ въ одномъ изъ своихъ «этюдовъ», помѣщенныхъ не въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣлъ неосторожность высказать такую мысль, что критика послѣдняго времени весьма мало служитъ интересамъ искусства, что она отличается

[illegible] что [illegible] большой части [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible]

бичеванія — ибо ничьи критическія стать идо сихъ поръ не свидѣтельствовали столько о такой манерѣ чтенія Бэновъ, Миллей и Дарвиновъ, какъ статьи самого Петра Дмитріевича — такая дерзкая откровенность не была бы, впрочемъ, поставлена въ вину г. Боборыкину, если бы, осуждая за всякія провинности критику послѣдняго времени, онъ сдѣлалъ оговорку, что не всѣхъ критиковъ имѣетъ въ виду, а только, напримѣръ, однихъ «консерваторовъ», а «либераловъ» и «радикаловъ» исключаетъ; или ужь, въ крайнемъ случаѣ, онъ бы прибавилъ, что между либералами и радикалами все-таки найдется хотя одинъ современный праведникъ, изъ-за котораго можно пощадить остальныхъ грѣшниковъ. Но г. Боборыкинъ не сдѣлалъ такой оговорки и прибавки, онъ не кивнулъ почтительно въ ту сторону, гдѣ возвышается двухвершковый пьедесталъ, хотя бы, напримѣръ, г. Михайловскаго, онъ не указалъ «ни одного такого праведника» ради котораго «древле Богъ пощадилъ цѣлый преступный городъ» (пощадилъ, впрочемъ, замѣтимъ въ скобкахъ, въ журнальномъ воображеніи г. Посторонняго изъ «Отечествен. Записокъ», а не въ Библіи, ибо тамъ Богъ только хотѣлъ пощадить для десяти праведниковъ Содомъ, да ихъ не нашлось въ наличности). Нѣтъ, нашъ неосторожный романистъ забылъ кивнуть въ сторону пьедестальчика и поставилъ въ одинъ рядъ и газетную критику и журнальную, и консервативную и радикальную. И такъ какъ онъ не сдѣлалъ надлежащаго почтительнаго кивка, не отличилъ въ сон-

мѣ лиллипутовъ двухвершковаго великана г. Михайловскаго, то... то въ «Отечественныхъ Запискахъ» сейчасъ же и послѣдовала такая милая оцѣнка г. Боборыкина, что онъ, г. Боборыкинъ, свиститъ и поетъ плетя лапти, что онъ своей доволенъ долей, что онъ самъ не знаетъ, что̀ пишетъ, что онъ порядочный невѣжда и довольно незначительный беллетристъ, что онъ своей статьей — о ужасъ! — преступилъ даже долгъ либеральнаго гражданина. Вышла, однимъ словомъ, вотъ какая исторія: почтенный беллетристъ предпринялъ, по свидѣтельству г. Михайловскаго, нѣкій походъ на страницахъ «Наблюдателя» въ образѣ Мальборуга, а г. Михайловскій тотчасъ же устроилъ на страницахъ «Записокъ» нѣкое «сраженіе съ зміемъ», осмѣлившимися уязвить даже либеральную и радикальную критику.

Читателямъ извѣстно, что я отнюдь не пристрастенъ къ г. Боборыкину, особенно не пристрастенъ къ «идейнымъ» претензіямъ какъ его беллетристики, такъ и его публицистическихъ и критическихъ «этюдовъ». И въ своихъ беллетристическихъ работахъ, и въ своихъ публицистическихъ и критическихъ «этюдахъ» почтенный авторъ обыкновенно «касается до всего слегка», въ первыхъ — съ видомъ опытнаго и крупнаго художника, во вторыхъ — «съ ученымъ видомъ знатока». При этомъ поверхностномъ касательствѣ, въ дѣлѣ беллетристики и критики г. Боборыкинъ обнаруживаетъ обыкновенно художественной и мыслительной аммуниціи на грошъ, а амбиціи по крайней мѣрѣ на полтинникъ, коли не

на цѣлый рубль. Въ послѣднемъ онъ очень сходенъ съ его теперешнимъ антагонистомъ г. Михайловскимъ, главная бѣда котораго, при всѣхъ его почтенныхъ достоинствахъ, заключается въ томъ, что онъ тоже никакъ не можетъ соразмѣрить свою литературную аммуницію съ амбиціею! Но все-таки же, не будучи пристрастенъ къ г. Боборыкину, я долженъ сказать, что въ области художественныхъ интересовъ литературы онъ имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ своимъ антагонистомъ — у него, несомнѣнно, иногда проблескиваетъ искренность и онъ обладаетъ литературнымъ вкусомъ. И г. Михайловскому, право, не къ лицу третированіе почтеннаго романиста будто провинившагося школьника, не къ лицу вообще, и въ данномъ случаѣ тѣмъ больше. Пускай г. Михайловскій съ высоты кружковаго двухвершковаго пьедестальчика кичливо восклицаетъ: «я очень хорошо знаю всѣ многоразличные изъяны и слабости русской критики, знаю ихъ гораздо лучше г. Боборыкина, ибо больше чѣмъ онъ люблю русскую литературу и пристальнѣе его къ ней всегда приглядывался», пускай онъ даже клятву даетъ, что «больше любитъ русскую литературу», — почтенный романистъ всетаки можетъ смѣло стать на ряду съ г. Михайловскимъ передъ красавицей, любовью къ которой такъ похваляется его собратъ. И если оба они станутъ рядомъ, мы увидимъ нѣчто въ родѣ картины двухъ рыцарей, красующихся «предъ испанкой благородной», не знающей кого ей предпочесть, или, точнѣе, нѣчто въ родѣ кар-

тыми двумя [illegible] «перелъ франтикомъ столичнымъ». У которыхъ совершенно одинаковыя достоинства:

Оба съ волосъмъ медѣнкъмъ,
У обоихъ рыжаки:
Оба рвутся съ Нетлинной
Бо У стрѣтенку въ Грачи.
Оба стоятъ пятьдатцатый,
Оба съ виду горячи.

Нѣтъ, оставимъ шутки, почему это въ самомъ дѣлѣ у г. Михайловскаго такая претензія на большую любовь къ русской литературѣ, почему любовь г. Боборыкина къ литературѣ меньше любви г. Михайловскаго? Повторяю еще разъ: меня едва ли кто заподозритъ въ послабленіи г. Боборыкину, но я долженъ сказать, что почтенный романистъ доказалъ свою любовь къ русской литературѣ такими выразительными фактами, которыхъ за любовью г. Михайловскаго не значится. Факты эти общеизвѣстны, но не мѣшаетъ напомнить о нихъ. Г. Боборыкинъ отъ младыхъ ногтей былъ приверженъ къ литературѣ, онъ ради ея интересовъ пожертвовалъ даже своимъ достояніемъ, довольно значительнымъ: тысячъ, говорятъ пятьдесятъ истратилъ на изданіе журнала «Библіотеки для Чтенія», наслѣдственныя вотчины расточилъ. Какъ хотите, а это что-нибудь да значитъ, это во всякомъ случаѣ наглядно свидѣтельствуетъ о пламенной любви къ литературѣ. Г. Михайловскій не можетъ выставить такого яркаго и нагляднаго факта съ своей

стороны. Правда, онъ признавался года два назадъ, что расточилъ всѣ свои силы, впалъ въ полную прострацію ради обожаемой имъ красавицы; но вѣдь это еще не Богъ вѣсть какія жертвы: можетъ и всѣхъ-то силъ у г. Михайловскаго было съ горсточку и обожаемая имъ красавица даже и не примѣтила его жертвы.

Затѣмъ, если начать сравнивать литературные труды того и другого рыцаря, то, право, на сторонѣ г. Боборыкина окажется нѣкоторое преимущество передъ его противникомъ. Положимъ, г. Михайловскій написалъ множество статей, если вѣрить его собственному опредѣленію, по «вопросамъ труднымъ и сложнымъ». Онъ «поправлялъ» и уяснялъ въ этихъ статьяхъ Спенсера и Дарвина, уяснялъ соотношеніе теоріи происхожденія видовъ съ оперетками Оффенбаха, уяснялъ, что̀ такое прогрессъ, уяснялъ несостоятельность статей гг. Юлія Жуковскаго и Максима Антоновича; уяснялъ жестокость таланта Достоевскаго, уяснялъ цивическое великодушіе какихъ-то кузинъ, которыя, ради покупки огурцовъ, необходимыхъ для питанія ихъ кузеновъ, жертвовали тѣмъ, что для дѣвицы всего дороже; уяснялъ, и притомъ многократно, собственное либеральное и радикальное значеніе въ развитіи русскаго общества; уяснялъ упорство и неизмѣняемость своихъ убѣжденій и такъ далѣе, и такъ далѣе. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ уясненіяхъ — я охотно допускаю это — г. Михайловскій выказалъ и нѣкоторый талантъ, и нѣкоторыя свѣ-

дѣнія, и большое рвеніе, и значительное трудолюбіе. Но за всѣмъ тѣмъ многочисленныя журнальныя уясненія г. Михайловскаго имѣютъ два основныхъ недостатка. Во-первыхъ, все и вся онъ уяснялъ единственно для себя, а не для публики: таковъ характеръ его статей. Во-вторыхъ, все, что онъ ни пытался уяснять, въ концѣ концовъ онъ такъ-таки и не уяснилъ, даже самому себѣ не уяснилъ. Таковъ ужъ у г. Михайловскаго несчастный складъ мысли; въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть его журнальныя упражненія, часть которыхъ вышла въ отдѣльномъ изданіи и наполнила цѣлыхъ четыре тома. Безъ сомнѣнія, своими неуясненными уясненіями г. Михайловскій достигъ нѣкотораго результата: онъ не только вскарабкался на двухвершковый пьедестальчикъ, но даже довольно прочно установился на немъ въ извѣстную мнимо-радикальную позу, кажущуюся его кружковымъ поклонникамъ и внушительной, и величественной, и даже протестующей. Но вѣдь, по совѣсти говоря, если такой результатъ многолѣтней журнальной дѣятельности можетъ плѣнить самого позирующаго на пьедестальчикѣ героя, то онъ очень мало утѣшителенъ для русской литературы, любовью къ которой такъ похваляется невинный позеръ «Отечественныхъ Записокъ».

Теперь возьмите г. Боборыкина и его литературную дѣятельность. По трудолюбію и усердію онъ, конечно, не ниже г. Михайловскаго, а по литературному таланту, пожалуй, даже и повыше.

Онъ написалъ массу романовъ и повѣстей, изъ которыхъ иные памятны читателямъ не по заглавіямъ только, какъ пресловутыя публицистическія и критическія работы г. Михайловскаго, но и по жизненному содержанію, по своевременному уловленію почтеннымъ романистомъ кой-какихъ образовъ и вѣяній россійскаго прогресса. Несмотря на нѣкоторую поверхностность отношенія ко всему вообще и въ томъ числѣ къ дѣлу воспроизведенія въ беллетристической формѣ современной дѣйствительности, г. Боборыкинъ, однако же, усвоилъ себѣ довольно основательно внѣшнюю технику этого дѣла. Въ этомъ онъ, въ наши дни пренебреженія къ техникѣ изящнаго, является даже нѣкоторымъ примѣромъ многимъ своимъ сверстникамъ-романистамъ и повѣствователямъ. Точно также и въ другомъ онъ можетъ послужить примѣромъ не только сейчасъ названнымъ господамъ, но даже, пожалуй, и самому г. Михайловскому, претендующему на всякія свѣдѣнія, начиная отъ свѣдѣній по теоріи Дарвина и кончая свѣдѣніями по практикѣ канкана: г. Боборыкинъ очень разносторонне образованъ, онъ писалъ и пишетъ подобно знаменитому Удушьеву, Ипполиту Маркеловичу, «обо всемъ», онъ «все знаетъ»: нисколько не хуже г. Михайловскаго онъ разсуждалъ и разсуждаетъ и о современной философіи, и о психологіи, и о естественныхъ наукахъ, и о Милляхъ, Бэнахъ, Дарвинахъ, Спенсерахъ. Нисколько не хуже, да можетъ быть и не меньше онъ уяснялъ и не уяснилъ множество самыхъ «труд-

ныхъ и сложныхъ вопросовъ» отечественнаго либерализма и радикализма. Даже по этой части преимущество нѣкоторое предъ г. Михайловскимъ имѣетъ г. Боборыкинъ: онъ производилъ свои неуяснимыя уясненія не только посредствомъ публицистическихъ и критическихъ статей, но также и посредствомъ романовъ и повѣстей, не только на родномъ языкѣ, но еще и на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ. Однимъ словомъ, если высота пьедестала литературнаго величія г. Михайловскаго измѣряется, по крайней мѣрѣ, двумя вершками, то пьедесталъ г. Боборыкина навѣрное достигаетъ двухъ съ четвертью вершковъ, а то и двухъ съ половиной. Даже въ тѣхъ самыхъ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ г. Михайловскій играетъ видную роль, г. Боборыкинъ одно время игралъ роль почти одинаковаго качества: первый писалъ «Записки профана» и самъ же комментировалъ ихъ, а второй переводилъ «Записки дурака» и тоже сопровождалъ ихъ комментаріемъ. Такъ что, быть можетъ, на памятникахъ этихъ двухъ дѣятелей благодарное потомство начертаетъ такія надписи: «онъ сочинилъ записки профана», «онъ истолковалъ записки дурака»...

Итакъ, повторяю, говоря вообще, г. Михайловскій не имѣетъ никакихъ «особыхъ правъ и преимуществъ» для того, чтобы похваляться большею, чѣмъ у г. Боборыкина, любовью къ русской литературѣ, а также и для того, чтобы третировать почтеннаго романиста, какъ школьника. Еще менѣе

имѣетъ онъ права на подобное третированіе въ томъ частномъ случаѣ, который подалъ ему поводъ устроить на страницахъ «Записокъ» въ нѣкоторомъ родѣ «сраженіе съ зміемъ». Не порицать и укорять слѣдуетъ г. Боборыкина за его статью о недостаткахъ современной русской критики, не въ «гражданское» преступленіе ставить ему эту статью, а напротивъ, въ нѣкоторый гражданскій подвигъ. Въ самомъ дѣлѣ, для шаблоннаго либерала, къ какимъ вотъ уже лѣтъ десять причислилъ себя г. Боборыкинъ, забывшій свои давніе грѣхи *) по превознесенію г. Каткова и по изобличенію грязныхъ воротничковъ у нигилистокъ, — для такого либерала, конечно, было нѣкоторымъ подвигомъ искреннее сознаніе въ томъ, что нашей критикѣ пора сойдти съ узкой дороги мелкихъ кружковыхъ тенденцій, мелкой партейной лжи, называемой громко моралью, пора обратить вниманіе на общіе интересы искусства. То качество, котораго лишенъ г. Михайловскій и которое свойственно до нѣкоторой степени г. Боборыкину — чуткость къ литературнымъ требованіямъ времени, — помогло нашему романисту отрѣшиться отъ установленныхъ, шаблонныхъ рамокъ для критики, помогло ему, хотя робко, заявить требованіе о необходимости иныхъ пріемовъ и иного направленія. Напрасно г. Михайловскій старается довольно жалкимъ остроуміемъ надъ г. Боборыкинымъ придать его справедливому заявленію

*) Въ покойной «Библіотекѣ для чтенія».

[illegible] г. Бобрыкинъ [illegible] какъ [illegible] или [illegible] [illegible] [illegible] г. Михайловскій съ [illegible] [illegible] [illegible] что г. Бобрыкинъ, отжилая [illegible] [illegible] [illegible]

детъ привлекать къ нимъ сочувствіе и доставлять имъ дешевыя рукоплесканія интеллигентной черни. Не въ свиньѣ, однако же, дѣло и не объ изъятіи свиньи изъ «вѣдомства расправы и суда» надъ нею, устроеннаго при «Отечественныхъ Запискахъ» публицистическими и сатирическими прокурорами, хлопочетъ г. Боборыкинъ, когда онъ приглашаетъ современную критику отрѣшиться отъ прокурорскихъ пріемовъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, когда онъ приглашаетъ ее выяснить «въ настоящемъ свѣтѣ произведенія, людей и идеи», и не заниматься приложеніемъ къ произведеніямъ, людямъ и идеямъ изношенныхъ мѣрокъ кружковой и партейной морали, какъ это у насъ дѣлается безпрестанно вотъ уже Богъ знаетъ сколько времени. Кружковая и партейная мораль очень далека отъ общаго руководящаго нравственнаго идеала, необходимость котораго для разумной и справедливой критики никто никогда не отвергалъ. И не только далека помянутая мораль отъ такого идеала, но часто она даже въ полномъ противорѣчіи съ нимъ, часто она служитъ именно интересамъ «торжествующей свиньи», только не въ первобытномъ ея грубомъ видѣ, а свиньи загримированной, закостюмированной, свиньи, прикрывающейся всевозможнаго рода масками, не исключая маски самаго чистаго либерализма и радикализма. И тысячу разъ правъ г. Боборыкинъ, когда онъ говоритъ, что такая мораль «пагуба» для критики и пагуба для тѣхъ произведеній искусства, которыя имѣютъ главною

цѣлью низкое угодничество подобной морали и упустить изъ виду настоящую его цѣль служить общимъ идеаламъ правды и справедливости. Да не только правъ въ этомъ случаѣ г. Боборыкинъ, но, какъ я уже сказалъ, онъ даже самоотверженность нѣкоторую обнаружилъ. Въ данное время искренно высказывать такую правду писателю изъ того либеральнаго лагеря, къ которому причисляетъ себя почтенный романистъ, не совсѣмъ безопасно: сейчасъ же возбудишь противъ себя крики и глумленіе низкопоклонныхъ угодниковъ кружковой морали, сейчасъ же будешь принятъ самозванными рыцарями россійскаго прогресса за нѣкоего змія, съ которымъ необходимо сразиться, не пренебрегая никакимъ оружіемъ... Пожалуй даже въ качествѣ оружія рыцари употребятъ закрытіе страницъ своего журнала для произведеній романистовъ, какъ бы они ни были интересны и талантливы. А «закрытіе страницъ журнала» для писателя — вѣдь это, если не ошибаюсь, именно та самая основательная мѣра, которую предлагалъ г. Боборыкинъ, когда онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ г. Григоріемъ Градовскимъ, объ учрежденіи знаменитаго суда двѣнадцати литературныхъ будочниковъ...

НЕ ВЫМЫШЛЕННЫЙ РОМАНЪ.

Жизненные факты, передаваемые беллетристикой даже самаго реалистическаго и «протокольнаго» пошиба, все-таки кажутся большинству въ нѣкоторомъ родѣ «чародѣйствомъ красныхъ вымысловъ». Какое бы истинное происшествіе ни разсказывалъ авторъ въ формѣ повѣсти или романа, какими бы документальными данными онъ ни пользовался для своего разсказа, какъ бы фотографически ни старался онъ скопировать лица и событія дѣйствительности, читатели всегда склонны думать, что разсказываемое беллетристомъ во многомъ выдумано, прикрашено, что въ жизни, на самомъ дѣлѣ все происходитъ нѣсколько иначе. И это въ сущности справедливо. Жизнь гораздо проще, грубѣе и, если можно такъ выразиться, голѣе ея изображеній въ искусствѣ; вотъ почему она производитъ всегда впечатлѣніе гораздо болѣе рѣзкое и внушительное.

Я говорю это къ тому, чтобы до нѣкоторой степени оправдать себя въ глазахъ читателей за нѣ-

которое уклоненіе изъ сферы литературной въ сферу житейскую. Я хочу въ настоящемъ этюдѣ, оставивъ разныхъ выдуманныхъ героевъ, изображаемыхъ «текущею» беллетристикою, обратиться къ живому герою, фигурирующему на сценѣ дѣйствительности. Я хочу взамѣнъ романовъ, изображаемыхъ разными авторами на страницахъ разныхъ «Вѣстниковъ», «Записокъ», «Дѣлъ» и «Мыслей», обратиться къ роману, разсказанному въ стѣнахъ московскаго окружного суда, я хочу поговорить о громкомъ процессѣ московскаго богача Солодовникова, отчетъ о которомъ напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Житейскій этотъ романъ, право, гораздо содержательнѣе и поучительнѣе многихъ произведеній беллетристики, особенно беллетристики современной, въ большинствѣ представляющей даже не «чародѣйство красныхъ вымысловъ», а просто безцвѣтное недомысліе.

Герой дѣйствительнаго романа одинъ изъ первыхъ милліонеровъ Москвы, человѣкъ почтенныхъ, даже, коли хотите, уже преклонныхъ лѣтъ — ему около шестидесяти. Еще будучи въ порѣ мужества, онъ сошелся съ двадцатишестилѣтней молодой дѣвушкой, бѣдной, образованной, очень красивой и жившей честнымъ трудомъ. Онъ увлекся ею, увлекъ ее и вступилъ съ ней въ связь, которая продолжалась—легко сказать!—семнадцать лѣтъ и плодомъ которой было пятеро дѣтей — дѣвочка и четыре мальчика. Милліонеръ во все продолженіе этой связи жилъ съ увлеченной имъ въ «незаконное» сожитіе

женщиной, какъ съ законной женой, давалъ ей и ея дѣтямъ приличное содержаніе, выказывалъ къ нимъ отеческія отношенія и вдругъ, на старости лѣтъ, бросилъ и дѣтей и мать! Причина такого казуса все та же «старая, вѣчно юная» причина — новая героиня и новая любовь. Удивляться тутъ нечему: пословица давно говоритъ, что вмѣстѣ съ появленіемъ сѣдины въ бородѣ, обыкновенно въ ребрѣ женолюбивыхъ героевъ заводится бѣсъ. Появленіе бѣса въ ребрѣ для разныхъ старцевъ служитъ нерѣдко источникомъ разныхъ терзаній и мученій, но вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко и сладостей, хотя призрачныхъ по сущности, но все-таки пріятныхъ для ихъ самообольщающейся пылкости. Терзанія и мученія являются, по большей части, тогда, когда старцы, почувствовавъ бѣса въ ребрѣ, не чувствуютъ капиталовъ въ карманѣ; въ этомъ прискорбномъ положеніи старцамъ очень трудно бываетъ найдти благосклонное сочувствіе со стороны предметовъ ихъ позднихъ амуровъ. Призрачныя сладости являются тогда, когда старцы, какъ московскій маститый Ромео, обладаютъ капиталами, да еще колоссальными: при капиталахъ старцу, ощутившему въ ребрѣ бѣса, не трудно отыскать какую угодно юную особу, которая согласится разыгрывать роль отвѣчающей ихъ пламенной страсти Джульетты, отвѣчающей, конечно, совершенно искренно и безкорыстно, въ силу единственно только непреодолимаго очарованія, внушаемаго старческою красотою. При большихъ капиталахъ старческая

красота необыкновенно сильно вліяетъ на особъ прекраснаго пола и увлекаетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ щедрѣе и податливѣе старцы на перемѣщеніе своихъ капиталовъ изъ собственныхъ кармановъ въ карманы увлекающихся ими Джульеттъ.

Повторяю: нечего удивляться, что г. Солодовниковъ, почувствовавъ бѣса въ ребрѣ, на старости лѣтъ обзавелся новою любовью, притомъ еще чужою мужней женой весьма юнаго возраста. Какъ это ни предосудительно съ точки зрѣнія строгой морали, но, конечно, трудно бросить въ него за это камень осужденія: всѣ мы люди, всѣ человѣки и всѣ подвержены искушенію грѣха. А милліонеры подвержены сему искушенію болѣе всѣхъ, ибо имъ легче другихъ удовлетворять грѣху. Но вотъ что, однако, ужь совсѣмъ скверно и что̀ даже удивительно: для чего было г. Солодовникову, человѣку съ громаднымъ состояніемъ, оставлять въ полномъ презрѣніи прежнюю сожительницу, мать пятерыхъ дѣтей, которыхъ нѣжнымъ отцомъ онъ считалъ себя много лѣтъ, для чего было бросать этихъ дѣтей, оставляя ихъ безъ средствъ, которыхъ у г. Солодовникова, что называется, куры не клюютъ? Это ужь не слабость, не простительный увлекающемуся старцу грѣхъ безумія страсти, это нечеловѣческое безсердечіе, это поступокъ, которому трудно пріискать соотвѣтствующій порицательный эпитетъ. Нужно быть глубоко-безнравственнымъ, вполнѣ развращеннымъ сердцемъ, чтобы поставить своихъ дѣтей въ такое положеніе, что они изъ обстановки

довольства и даже роскоши, которыми ихъ окружалъ отецъ, когда онъ жилъ съ ихъ матерью, вдругъ очутились въ нищетѣ, какъ только онъ сошелся съ новой любовницей. Не говоря о томъ, что этотъ обладатель милліоновъ виноватъ предъ своими дѣтьми уже тѣмъ однимъ, что онъ, породивъ ихъ въ сей прекрасный міръ, поставилъ ихъ въ тяжелое положеніе «незаконныхъ», онъ еще усугубляетъ это положеніе, отнимая у нихъ средства приличнаго существованія, онъ, старый жуиръ, имѣющій сотни тысячъ и бросающій сотни тысячъ на свои старческія вожделѣнія. Такого безсердечнаго и безпутнаго отца, такой глубоко-безнравственный поступокъ должна была покарать судьба общественнымъ позоромъ, долженъ былъ, наконецъ, покарать законъ. И они покарали его!

Мать дѣтей г. Солодовникова оказалась, въ противоположность тому безсердечному эгоисту, съ которымъ она имѣла несчастіе сойдтись въ молодости, глубоко-честной и любящей матерью; она во все время своего сожительства съ милліонеромъ вела скромную жизнь и заботилась только о своихъ дѣтяхъ и о ихъ воспитаніи. Мало того, она рѣшилась на тяжелый подвигъ самопожертвованія для дѣтей, когда безсердечный отецъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы и забылъ относительно ихъ свои обязанности: она рѣшилась, не щадя себя, не боясь огласки, обратиться къ закону для защиты ихъ правъ. Всѣ свидѣтельскія показанія были въ пользу этой женщины, которую хотѣли опозорить на судѣ на-

сные прелюбодѣи мысли, подкупленные настоящимъ прелюбодѣемъ, которую старался сглазить и онъ самъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній характеръ этой женщины обрисовался въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, что она, не смотря на формальную беззаконность своей связи, конечно можетъ быть поставлена въ образецъ самой честной и безупречной супруги и любящей матери. Ложное и печальное положеніе, которое семнадцать лѣтъ переживала она и которое закончилось такою тяжелою драмой для нея, мало выяснилось во время процесса: она изъ понятнаго чувства не хотѣла отдать на судъ любопытной толпы и наемниковъ-адвокатовъ оскорбившаго ее и ея дѣтей прелюбодѣя подробности своей сердечной драмы. Но тѣмъ не менѣе, и немногихъ данныхъ, обнаружившихся при судопроизводствѣ, слишкомъ достаточно для того, чтобы уразумѣть массу горя и страданій, вынесенныхъ ею во имя дѣтей, чтобы понять глубину тѣхъ душевныхъ оскорбленій, на какія обрекъ ее человѣкъ, погубившій ея молодость и отвернувшійся отъ нея съ грубымъ безсердечіемъ въ то время, когда эта молодость прошла и когда заботы о дѣтяхъ и душевныя огорченія унесли ея свѣжесть и красоту. Я не стану передавать всѣ огласившіяся на судѣ свѣдѣнія о томъ, что̀ вытерпѣла эта брошенная жуиромъ женщина и мать, когда она изъ обстановки довольства должна была перейдти съ пятерыми дѣтьми въ одну маленькую комнатку въ десять шаговъ длиною и въ восемь шириною, какъ ска-

залъ одинъ свидѣтель, когда ея малолѣтній сынъ, видя несчастіе и позоръ покинутой матери, писалъ къ своему безпутному отцу: «Отецъ, ты забылъ, что нужно платить за квартиру — насъ выгонятъ». Я оставлю все это въ сторонѣ и цитирую здѣсь изъ судебнаго отчета только слѣдующій эпизодъ, обрисовывающій въ яркомъ свѣтѣ грубое бездушіе г. Солодовникова, а равно и Джульетты, изъ-за которой онъ бросилъ прежнюю сожительницу. Г-жу Куколевскую—такъ показываетъ теперешняя Джульетта милліонера—она «узнала по слѣдующему случаю: когда она жила въ Славянскомъ Базарѣ, къ ней въ номеръ ворвалась какая-то женщина, оказавшаяся Куколевскою, въ крайне возбужденномъ состояніи, обращалась къ ней и къ Солодовникову, который тогда зашелъ къ ней, заявляла себя законною его женою, говорила, что состояніе его принадлежитъ дѣтямъ ея и вообще сдѣлала крайне патетическую сцену; сначала это ее, свидѣтельницу, напугало, а потомъ ее разсмѣшило; она попросила Куколевскую оставить ее въ покоѣ и не компрометировать ее передъ сосѣдними номерами. Минутъ чрезъ 20 она ушла. Послѣ этого она спросила Солодовникова, развѣ онъ женатъ? Онъ отвѣтилъ со смѣхомъ, что такихъ женъ въ Москвѣ у каждаго по десяти. — А дѣти? — спросила она вновь. Онъ отвѣтилъ, что такихъ дѣтей у него сотни».

Въ этомъ эпизодѣ, какъ ни кратко сообщенъ онъ Джульеттой г. Солодовникова, хорошо выяс-

няются всѣ характеры дѣйствующихъ лицъ тяжелой семейной драмы. Брошенная «незаконная» жена и мать семейства въ порывѣ отчаянія приходитъ къ своей «соперницѣ», завладѣвшей старымъ жуиромъ, который, очевидно, пляшетъ по ея дудочкѣ. Оскорбленная женщина, по показанію одного изъ свидѣтелей, обращается къ счастливой Джульеттѣ, держащей въ рукахъ милліонера, съ мольбой: она говоритъ ей: «вы дѣлаете несчастной меня, дѣтей». Но Джульетта не только не трогается этими мольбами: ее «патетическая сцена» сначала пугаетъ, а потомъ «это ее разсмѣшило». Веселая дама, какъ видите! А г. Солодовниковъ тотъ и еще веселѣе. Прогнавъ мать пятерыхъ своихъ дѣтей и заявивъ ей, какъ показываетъ помянутый свидѣтель: «я хотѣлъ тебя обезпечить, а теперь (т. е. послѣ того какъ осмѣлилась сдѣлать «патетическую сцену» новой любовницѣ) «ты ничего не получишь», — бросивъ ей въ лицо эти безсердечныя слова, г. Солодовниковъ тоже начинаетъ острить и смѣяться съ помянутой веселой дамой. «Такихъ» женъ, какъ брошенная имъ, по мнѣнію почтеннаго милліонера, «въ Москвѣ у каждаго по десяти». «Такихъ» дѣтей у него «сотни». За то надо думать, что «такихъ» отцовъ какъ г. Солодовниковъ, едва ли много найдется въ первопрестольной столицѣ: онъ въ своемъ родѣ единственнен. Какое грубое и подлое отношеніе къ женщинѣ и къ собственнымъ дѣтямъ передъ другой женщиной, любовницей, которая вѣдь тоже въ свою очередь можетъ произвести ему дѣ-

тей. И онъ и, что еще возмутительнѣе, и она смѣются! Да подумалъ ли этотъ сѣдой отецъ, что «такія» дѣти, возросши и узнавъ о подвигахъ ихъ родителя съ ихъ матерью и съ ними, могутъ вѣдь и имѣютъ право наплевать ему въ лицо? Да подумала ли эта «новая» любовница, что вѣдь этотъ престарѣлый жуиръ можетъ и съ нею поступить, какъ съ «прежней»: выкинуть ее и ея дѣтей, если такія есть или будутъ, на улицу!

Замѣчательно, что когда адвокатъ жертвы г. Солодовникова добивался публичнаго разоблаченія на судѣ эпизодовъ, въ родѣ вышеприведеннаго, г. Солодовниковъ старался прервать его, выразилъ, что это «эпизоды вводные», что, разсказывая ихъ, имѣютъ цѣлью «нанести ему непріятность». Вводными или не вводными оказываются такіе эпизоды въ жизни г. Солодовникова — мы не знаемъ; но что они очень характерны, что они ярко рисуютъ нравы подобныхъ ему почтенныхъ и добродѣтельныхъ милліонеровъ, что оглашеніе ихъ кладетъ жгучее клеймо на безстыдные лбы тѣхъ, кто допускаетъ въ своей жизни такіе «вводные» эпизоды — это всѣмъ ясно воочію. И для уроковъ подобнымъ милліонерамъ, для торжества нравственности было бы не дурно, если бы такіе «вводные» эпизоды изъ жизни безсердечныхъ капиталистовъ оглашались публично тѣмъ или другимъ путемъ. Что же касается до непріятности такого оглашенія для продѣлывателей «вводныхъ» эпизодовъ, то какъ быть? Г. Солодовниковъ въ качествѣ милліонера привыкъ,

видите ли, другимъ дѣлать гадости, а себѣ однѣ пріятности въ жизни получать; онъ полагаетъ, что на судѣ не должны разсказываться различныя прелести, характеризующія подлое и грубое поведеніе милліонеровъ. Онъ полагаетъ, что проживъ пятьдесятъ пять лѣтъ на свѣтѣ и имѣвъ, вѣроятно, изрядное количество «вводныхъ» эпизодовъ, если судить по заявленной имъ самимъ «сотнѣ такихъ дѣтей» и десяткамъ «такихъ женъ», — онъ полагаетъ, что все это должно проходить для милліонеровъ безнаказанно. Онъ ошибается. Не все же порхать, жуировать и наслаждаться сладостными грѣхами, иногда придется и разсчетецъ за все это дать, коли не совѣсти собственной, такъ закону. Это подъ старость очень часто приходитъ — разсчетцы-то эти за всякія гадости и постыдные подвиги прожитой жизни.

Замѣчательно, что г. Солодовниковъ, капиталы котораго такъ велики, что банковскіе кассиры, по показанію одного изъ нихъ, натирали себѣ мозоли, отрѣзывая купоны отъ разныхъ процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ г. Солодовникову, — замѣчательно, что этотъ колоссальный милліонеръ ради сохраненія въ своемъ карманѣ лишней сотни тысячъ пропѣлъ на судѣ арію о пользѣ бѣдности и трудовой жизни и вредѣ богатства. Онъ, изволите видѣть, испугавшись, что судъ взыщетъ съ него въ пользу г-жи Куколевской и ея дѣтей крупную сумму, заявилъ еще до разбора дѣла, что своимъ дѣтямъ назначаетъ 50 тысячъ на воспитаніе ихъ,

а матери ихъ обязывается платить 300 рублей въ годъ. По мнѣнію г. Солодовникова, этого слишкомъ достаточно для «такихъ» дѣтей и для «такой жены». «Я — сказалъ милліонеръ на судѣ — я исполнилъ всѣ (?!) обязанности, далъ сумму большую, чѣмъ та, которую получили бы законныя дѣти. Дѣти г-жи Куколевской могутъ быть при этомъ воспитаны наравнѣ съ дѣтьми богачей и кончить воспитаніе въ гимназіи. Я видѣлъ въ городѣ Хемницѣ принцевъ, дѣти которыхъ воспитывались въ гимназіи за плату 800 талеровъ въ годъ. Большая сумма порождала бы зависть въ дѣтяхъ законныхъ и была бы безсильна сдѣлать полезныхъ людей. Лучшіе люди иногда въ молодости заработываютъ кусокъ хлѣба трудомъ; напримѣръ, Джонсонъ, Бокль, извѣстный авторъ «Европейской цивилизаціи», Биконсфильдъ и другіе, не будучи сначала богатыми, трудовой жизнью достигли общаго почета, и, наоборотъ, часто дѣти первыхъ богачей выходятъ послѣдними людьми». Да съ послѣднимъ нельзя не согласиться: по крайней мѣрѣ относительно нравственности это часто бываетъ, чему яркое доказательство представляетъ самъ г. Солодовниковъ, который принадлежитъ къ категоріи дѣтей «первыхъ богачей» и въ «молодости не заработывалъ куска хлѣба трудомъ» и, конечно, только жуировалъ, жуировалъ и жуировалъ. Благодаря, вѣроятно, этому обстоятельству, то-есть тому, что онъ сынъ богатыхъ родителей, г. Солодовниковъ не пріобрѣлъ для себя и такого элементарнаго развитія, которое свой-

ственно даже животнымъ заботящимся о своихъ дѣтяхъ. Но только отчего же г. Солодовниковъ полагаетъ, что «большая сумма», употребленная на воспитаніе однихъ незаконныхъ дѣтей, «была бы безсильна сдѣлать полезныхъ людей». Вотъ онъ вѣдь законный сынъ своихъ родителей и конечно на воспитаніе его извели родители «большую сумму» и однако при всей его законности вышелъ ли изъ него полезный человѣкъ? Что черствый и безсердечный эгоистъ вышелъ, что жуиръ вышелъ, это теперь знаютъ всѣ, благодаря скандальному процессу. Но на счетъ «полезности» г. Солодовникова что-то мало свѣдѣній. Правда, одинъ изъ почтенныхъ свидѣтелей заявилъ на судѣ, что г. Солодовниковъ любитъ якшаться съ кокотками и такъ какъ кокотки даромъ старичкамъ своихъ красотъ не преподносятъ, то, надо думать, для кокотокъ г. Солодовниковъ полезенъ. Ну, а кромѣ кокотокъ?..

Не менѣе г. Солодовникова выказалъ всю свою нравственную красивость одинъ изъ его защитниковъ, извѣстный г. Лохвицкій. Г. Лохвицкій извѣстенъ многими прелестными подвигами, но главнымъ образомъ тѣмъ, что его въ качествѣ защитника встрѣчаемъ постоянно въ самыхъ скверныхъ, въ самыхъ грязныхъ, въ самыхъ скандальныхъ процессахъ и онъ защищаетъ всегда явныхъ и гнусныхъ виновниковъ различныхъ безнравственностей: грабителей сиротъ и вдовъ, злостныхъ банкротовъ, растлителей дѣтей и т. д. И какъ защищаетъ г. Лохвицкій: не щадя, что называется, ни чести, ни со-

вѣсти своей и прелюбодѣйствуя словами съ цинизмомъ, доходящимъ до неистовства. Такой именно цинизмъ выказалъ г. Лохвицкій и въ процессѣ г. Солодовникова. Обѣляя своего кліента, онъ не постыдился сказать, что если судъ присудитъ г-жѣ Куколевской требуемую ею отъ Солодовникова сумму на воспитаніе дѣтей, прижитыхъ съ нимъ, то такое присужденіе будетъ имѣть характеръ «награды за ея порочную жизнь». Если можно назвать порочною жизнью жизнь женщины, которая въ продолженіи семнадцати лѣтъ, будучи сожительницей милліонера, отличалась примѣрною скромностью и заботилась только о воспитаніи своихъ дѣтей, безропотно вынося и свое и ихъ ложное положеніе передъ обществомъ, если такую жизнь можно назвать порочной, то какъ же назвать жизнь г. Солодовникова, по его собственнымъ признаніямъ, народившаго сотни незаконныхъ дѣтей отъ десятковъ матерей. Царь Никита и тотъ только «прижилъ сорокъ дочерей отъ разныхъ матерей», а г. Солодовниковъ цѣлую сотню! Неужели г. Лохвицкій, осуждая порочность жизни г-жи Куколевской, не сообразилъ какую плохую услугу онъ оказываетъ своему кліенту? Коли честная и приличная женщина, по его мнѣнію, должна быть названа порочной, то распутнаго и жестокосердаго старца, который производитъ сотни дѣтей и бросаетъ ихъ, при этомъ слѣдуетъ уподобить сосуду всѣхъ мерзостей — никакъ не менѣе этого. И г. Лохвицкій вызываетъ своей рѣчью возможность такихъ ужасс

выхъ угодленій для своего кліента. Какъ это неостроумно и непрактично съ адвокатской точки зрѣнія.

Хорошо тоже со стороны г. Лохвицкаго увѣреніе «вредъ богатства въ нравственномъ отношеніи» на воспитаніе дѣтей. Богатство будетъ вредно незаконнымъ дѣтямъ г-жи Куколевской, говоритъ г. Лохвицкій, ибо они «записаны въ мѣщане», а мѣщанамъ не подобаетъ быть богатыми. Вотъ дворянамъ и вообще «благородныхъ» сословій дѣтямъ богатство полезно: они могутъ и имѣютъ право быть богатыми, чтобы дѣлать всякія мерзости. Мѣщанамъ же это отнюдь не полагается. Но мало того, что Лохвицкій встревожился за нравственность мѣщанъ, даже за нравственность дочери г-жи Куколевской заранѣе обезпокоился почтенный прелюбодѣй мысли: «не повліяетъ ли богатство вредно на нравственность дочери г-жи Куколевской?» спрашивалъ онъ тревожно судей. Комическая гнусность этихъ заботъ и безпокойствъ за нравственность мѣщанскихъ дѣтей, за нравственность дѣвушки просто кажется неизмѣримой, когда подумаешь, что эти заботы и безпокойство имѣютъ цѣлью сохранить сотню тысячъ въ карманѣ «нравственнаго» его кліента, сотню тысячъ, изъ которой часть пойдетъ на вознагражденіе «нравственнаго» прелюбодѣя мысли, а другая, вѣроятно, на «награды» будущихъ безпорочныхъ дѣвъ и женъ, которыхъ такъ возлюбилъ блудный кліентъ блуднаго адвоката.

Всѣ приведенные перлы защиты г. Лохвицкаго

достаточно блестящи; но самый блестящій перлъ почтенный адвокатъ пустилъ, какъ водится, въ концѣ своей вполнѣ постыдной рѣчи. «Надо, воскликнулъ онъ къ судьямъ, чтобъ вышла она (г-жа Куколевская) отсюда съ опущенной головой, какъ подобаетъ кающейся женщинѣ, а не съ гордо поднятымъ челомъ, получивши такой богатый подарокъ за порокъ». Съ гордымъ и даже нагло приподнятымъ челомъ должны были, конечно, выдти изъ суда гг. Солодовниковъ и Лохвицкій, эти образцы нравственности и добродѣтели: одинъ — семейной и отеческой, другой — адвокатской!

Однако, къ чести правосудія, они вышли изъ суда если не съ поникнутымъ челомъ, то навѣрно заклейменнымъ клеймомъ общественнаго омерзенія и презрѣнія.

РАЗГОВОРЪ ВЪ РЕДАКЦІИ.

Пріемный день въ редакціи ежемѣсячнаго журнала. Редакторъ сидитъ за редакціоннымъ столомъ. На ликѣ редактора неописанное уныніе, точно его приговорили къ смертной казни и обѣщали приговоръ исполнить черезъ двадцать четыре часа. Звонокъ. Входитъ нѣкто, угреватый, мрачнаго и всклокоченнаго вида, съ весьма увѣренными манерами. Едва кланяется редактору и не то что подаетъ, а просто суетъ ему подъ носъ небольшую тетрадку.

— Это что же-съ такое? вопросительно обращается къ нему редакторъ.

— Очеркъ, отвѣчаетъ отрывисто угреватый.

— Вашъ?

— Мой.

— Какого рода очеркъ?

— Изъ народнаго быта.

— Гм... а въ чемъ же вашъ очеркъ заключается?

— Про мужика.

— Что же однако про мужика?

— Напечатайте. Когда прочтутъ, тогда узнаютъ.

— Хорошо-съ, конечно тогда узнаютъ. Но я желалъ бы сначала отъ васъ самихъ узнать содержаніе вашего произведенія.

— Содержанія нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтъ, потому этого не нужно. Все это пустяки одни.

— Да-съ, положимъ. Но что же у васъ есть въ разсказѣ?

— Дѣло.

— Какое же такое дѣло?

— Обыкновенно какое: жратва.

— Какъ-съ? Что такое?

— Жратва. Мужикъ жрать хочетъ. Жрать нечего.

— Да-съ... Ну и что же-съ?..

— Ну и больше ничего. Околѣваетъ. Фактъ.

— Такъ этотъ фактъ вы и воспроизвели въ вашемъ разсказѣ?

— Воспроизвелъ.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Хорошо-съ. Я просмотрю. Зайдите недѣльки черезъ двѣ.

— Зайду.

Редакторъ приподнимается съ кресла и протягиваетъ руку угреватому, но тотъ вмѣсто того, чтобы протянуть свою, лѣзетъ за пазуху, выни-

имѣть другую тетрадь, гораздо объемистѣе, и опять суетъ ее редактору подъ носъ.

— Это что же, еще очеркъ?

— Разсказъ.

— Вашъ тоже?

— Нѣтъ. Парамона Ободдѣнскаго.

— Кого?

— Парамона Ободдѣнскаго, говорю.

— Это кто же г. Парамонъ Ободдѣнскій?

— Пріятель мой будетъ. Вмѣстѣ конину ѣли.

— Какъ конину? какую конину?

— Жареную.

— Гдѣ же вы это ѣли?

— На Петербургской сторонѣ.

— Гм... Для чего же вы ѣли конину?

— Понятно для того, что дешевая.

— А... Разсказъ вашего пріятеля тоже изъ народнаго быта?

— Нѣтъ. Буржуй тутъ у него изображенъ.

— Буржуй?

— Да. Сытый буржуй.

— Ну и что же?

— Ну и... само собой, кулакъ, эксплоататоръ.

— Кого же онъ эксплоатируетъ?

— Тутъ прописано кого.

— Хорошо-съ. Такъ потрудитесь зайдти черезъ двѣ недѣли.

— Зайду.

Угреватый круто оборачивается и уходитъ, сту-

пая такъ крѣпко ногами, что паркетъ трещитъ. Въ дверяхъ онъ вдругъ оборачивается.

— А какъ на счетъ гонорара? спрашиваетъ угреватый, пронзительно воззрѣвъ на редактора.

— О гонорарѣ можно условливаться только по прочтеніи вашего произведенія.

— А ежели бы впередъ цапнуть... рубликовъ этакъ пятокъ?

— Нѣтъ, этого нельзя.

— И подъ Парамоновъ разсказъ нельзя?

— И подъ Парамоновъ.

— Мм... ну да ничего... Все одинъ чортъ: черезъ двѣ недѣли зайду.

Угреватый уходитъ. Редакторъ развертываетъ рукопись и начинаетъ пробѣгать ее. Очеркъ называется «Жрать дайте!» Описывается великорусская деревня Головешка, бѣдная, голодная, холодная, занесена снѣгомъ. Всѣ жители Головешки отъ бѣдности, холода и голода обратились въ дикихъ звѣрей. Въ деревенскихъ семьяхъ совершаются разныя безобразія и даже злодѣйства. Сыновья проклинаютъ и ругаютъ стариковъ-отцовъ самыми послѣдними словами, дерутъ ихъ безжалостно за бороды и за волосы, не даютъ имъ ѣсть, потому «имъ, старымъ чертямъ, помирать пора, а они нако-те, жрать какъ охочи». Мужья привязываютъ женъ къ оглоблямъ и бьютъ ихъ возжами, вырываютъ имъ косы. Матери бросаютъ голодныхъ младенцевъ на прокормъ свиньямъ. Крестьянинъ Ѳома Зубъ ожесточается отъ холода и голода до того, что

сжигаетъ въ печкѣ взамѣнъ топлива собственную жену и питается ея обгорѣлыми остатками. Семидесятилѣтняя старуха Агафья Кочерга ходитъ по дворамъ, хватаетъ грудныхъ младенцевъ и ѣстъ ихъ. И что всего ужаснѣе—матери и отцы этихъ младенцевъ не только не препятствуютъ ей, но даже поощряютъ звѣрскую старуху.

— Пошто ее жалѣть-то, Паранюшку-то, говоритъ одна крестьянка, у которой Кочерга заѣла полугодовалую дочку:—все на одно и то же выйдетъ: съ голоду поколѣла-бъ. Гликося, жалѣть! Да Господь съ ней совсѣмъ: и младенцу-то облегченіе, да и старушкѣ все же пишша... Не замай, пущай ее кушаетъ... Она старушка божья...

— Божья не божья, замѣчаетъ отецъ Паранюшки,—а препятствовать ей въ этомъ дѣлѣ намъ невозможно. Потому, какъ мы воспрепятствуемъ? Ей младенца не дашь, а она тебѣ избу спалитъ. Что съ нее, съ оглашенной, взыщешь. Песъ съ ней!.. А между прочимъ отъ младенца ослобонила. А младенецъ что? Младенецъ ровно возгря. Пиششитъ, да и больше ничего. Какая отъ его радость...

— Это вѣрно, рѣшаетъ «міръ» и на общемъ совѣтѣ полагаетъ впредь не препятствовать Кочергѣ въ ея людоѣдскихъ наклонностяхъ, потому «отъ ея этой самой пакости по нынѣшнимъ днямъ польза».

Картина общаго отупѣнія и озвѣрѣнія цѣлой деревни заканчивается эффектной заключительной

главой. Въ этой главѣ изображается кулакъ-кабатчикъ, который во время всеобщаго бѣдствія, голоданія, злодѣйствъ, ужасовъ, сидитъ въ своемъ тепломъ углу и жретъ бараній бокъ съ кашей, пирогъ съ сяжкой, да высчитываетъ свои барыши...

— Тьфу, какая возмутительная нелѣпица! проговорилъ редакторъ, бросивъ съ досадою «очеркъ» на столъ, и хотѣлъ было уже приняться за просмотръ повѣсти Парамона Оболдѣнскаго, какъ въ это время вошелъ одинъ изъ его друзей, не принадлежащій къ «задорному цеху»

Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу,

но тѣмъ не менѣе слѣдящій за современной литературой и ея теченіями.

— Что это у тебя такой кислый видъ? спросилъ другъ, поздоровавшись съ редакторомъ.

— Да вотъ сейчасъ принесъ какой-то мрачный господинъ свое твореніе — очеркъ изъ народнаго быта. Объявилъ мнѣ, что въ очеркѣ его нѣтъ никакого содержанія, потому что содержаніе пустяки, а одно только дѣло. При этомъ сообщилъ мимоходомъ, что онъ конину ѣстъ... Ну, я вотъ и заинтересовался, какъ питаніе кониной отражается на творчествѣ и принялся читать его очеркъ.

— И что же?

Редакторъ махнулъ рукой.

— Ужасъ что за ерунда оказалась... Представь себѣ...

Е онъ подробно передалъ, какъ воспроизведенъ народный бытъ пріятелемъ Парамона Ѳоллѣнскаго.

— Откуда только такіе беллетристы завелись въ послѣднее время, откуда такіе «очерки» нарождаются? заключилъ редакторъ свой пересказъ о бѣдствіяхъ обитателей деревни Головешки.

— Какъ откуда? А ты это спрашиваешь? подхватилъ другъ редактора.—Вотъ ужъ не вамъ бы, господамъ, составляющимъ толстые журналы и фабрикующимъ разныя современныя направленія въ литературѣ, не вамъ бы объ этомъ спрашивать, не вамъ бы удивляться появленію такихъ беллетристовъ и такихъ очерковъ изъ народнаго быта. Вѣдь вы-то именно и породили, и расплодили ихъ во множествѣ. Вы вотъ уже лѣтъ пятнадцать, а то и всѣ двадцать, только и дѣлаете, что кричите во всѣхъ статьяхъ политико-экономическихъ, публицистическихъ, критическихъ, что теперь все должно сводиться къ изученію мужика и его бѣдствій, что спасеніе нашего отечества и чуть ли не всего міра зависитъ именно отъ того, на сколько мы изучимъ мужика и на сколько съумѣемъ устранить его бѣдствія въ настоящемъ и превратить его теперешнее прискорбное существованіе въ блаженное существованіе въ будущемъ. Вы неустанно и непрестанно рекомендуете имѣть въ виду эту цѣль, то-есть изученіе мужика и его бѣдствій и превращеніе ихъ въ блаженство; рекомендуете всѣмъ и каждому и, между прочимъ, искусству. Вы одобряете и поощряете только такіе научные

и публицистическіе труды и такія произведенія искусства, въ которыхъ прежде всего и послѣ всего преслѣдуется эта великая цѣль. Правда это или нѣтъ?

— Правда. Только какое же это имѣетъ отношеніе къ дикимъ авторамъ и дикимъ очеркамъ изъ народнаго быта?

— Самое прямое отношеніе. Дикіе авторы вовсе не такъ дики, какъ они вамъ кажутся, и ихъ очерки вовсе не такъ безсмысленны, какъ вы думаете. Они, эти авторы, отвѣчаютъ только на тотъ спросъ, который вы предъявляете, они усердствуютъ въ своемъ дикомъ творчествѣ на счетъ той морали, которой вы требуете. Вѣдь, сознайтесь, вы всегда предпочтете такое произведеніе искусства, въ которомъ хотя бы въ самой грубой и самой первобытной формѣ проводился вопросъ о бѣдствіяхъ мужика, такому произведенію, въ которомъ при необыкновенномъ изяществѣ техники этотъ вопросъ отсутствуетъ? Что-жъ мудреннаго, если разныя невѣжды и бездарности жаждутъ воспользоваться вашимъ потворствомъ излюбленной тенденціи, если они спѣшатъ съ своими грубо-лубочными картинами на замѣну изящныхъ картинъ, отвергаемыхъ вами. Нечего вамъ обижаться и огорчаться тѣмъ, что порой лубочная живопись невѣждъ и бездарностей отдаетъ такою грубостью, что переходитъ совсѣмъ въ нелѣпость. Это только усердіе, доведенное до крайности по совершенному неразумію или по элементарному отсутствію вся-

кихъ свѣдѣній въ техникѣ литературной. Но вы, въ сущности, должны бы восхищаться такимъ крайнимъ усердіемъ: оно необыкновенно наглядно и ярко говоритъ объ успѣхѣ вашей вѣчной журнальной проповѣди на счетъ необходимости главенства бѣдствующаго мужика въ произведеніяхъ искусства. Я бы на твоемъ мѣстѣ не унывалъ и не досадовалъ, читая очерки, въ родѣ измышленнаго потребителемъ конины, а напротивъ радовался бы и торжествовалъ. Я бы даже непремѣнно напечаталъ этотъ очеркъ для того, чтобы показать читателямъ до какихъ «чертиковъ» можетъ довести постоянная журнальная проповѣдь извѣстной идеи. И повѣрь мнѣ, нашлись бы тысячи читателей, которымъ ужасные нравы обитателей голодающей и бѣдствующей деревни Головешки показались бы столь же вѣрными и яркими, какъ та мораль, которую авторъ очерка, очевидно, желаетъ выразить изображеніемъ столь ужасныхъ нравовъ. Вѣдь мораль-то эта, любезный другъ, вами изобрѣтена и пущена въ ходъ и заключается она ни больше, ни меньше, какъ въ слѣдующемъ: современное бѣдственное положеніе народа таково, что онъ постепенно и вѣрно, роковымъ образомъ, обращается въ звѣря, въ скота, лишеннаго человѣческаго образа.

— Позволь, никогда такой морали въ нашихъ журналахъ не проповѣдывалось и не проповѣдуется.

— Нѣтъ, ужь это ты позволь, а мнѣ позволять

нечего. Я говорю правду. Мнѣ случалось читать десятки разсказовъ изъ народнаго быта именно съ такой моралью. Правда, мораль эта проводится не въ такихъ дикихъ и грубо-нелѣпыхъ образахъ, какъ у разогорчившаго тебя потребителя конины, но все-таки же въ достаточно лубочныхъ. Да вотъ еще не дальше какъ на дняхъ я познакомился въ послѣдней книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» съ однимъ разсказомъ изъ народнаго быта, въ которомъ авторъ тоже по мѣрѣ силъ напрягается выразить ту же пресловутую мораль и дѣлаетъ это не безъ извѣстнаго умѣнья. Въ разсказѣ, упомянутомъ мною, изображена деревня, въ которой, по увѣренію автора, «общественная жизнь равнялась нулю. Какъ будто совсѣмъ не было ни дѣла, ни интересовъ общественныхъ. Жители отбывали повинности, иногда скопомъ собирались по приказу рѣшать дѣла, но своихъ мыслей не имѣли и никакихъ собственныхъ дѣлъ не знали». «Изрѣдка крестьяне собирались, чтобы спить съ какого нибудь провинившагося человѣка. Въ этомъ случаѣ, по возможности, всѣ являлись, получали свою порцію и, выпивъ, уходили прочь». Изъ этой краткой, но выразительной характеристики цѣлой деревни, читатели должны сразу уразумѣть, что въ ней живутъ не люди, хотя бы и дикіе, но во всякомъ случаѣ склонные къ общественнымъ инстинктамъ, а просто какое-то стадо, которое сгоняютъ «по приказу» и которое само сбѣгается только зачуявъ запахъ водки. Въ такомъ стадѣ

возможны, конечно, всякія дикія явленія и вотъ авторъ сейчасъ же и изображаетъ одно изъ такихъ явленій. Дай-ка мнѣ книжку «Отечественныхъ Записокъ», я тебѣ прочту одну интересную страничку. Вотъ она:

«Есть въ деревнѣ старуха Лапа, дожившая до такой старости, что перестала помнить свои лѣта. Дома у ней нѣтъ; родственники — перемерли; работать она не въ силахъ: руки не дѣйствуютъ. Когда она увидала, что руки ея безсильны заработать кусокъ, то сильно озлилась. Вообще презлая стала бабка. Въ деревнѣ моталась порядочная куча такихъ бездомныхъ птицъ, но Лапа изо всѣхъ выдѣлялась. Въ то время, какъ тѣ жалобно напѣвали на обычный мотивъ, она требовала себѣ кусокъ и притомъ со злостью. Записной нищей она не считала себя, никогда не ходитъ съ мѣшкомъ и не поетъ. Войдя въ избу, она грозно спрашиваетъ: «Есть, что ли, кусокъ лишній»? И смотритъ на хозяйку или на хозяина со злостью. Получивъ кусокъ, она злобно благодаритъ и больше въ этотъ день уже никуда не явится. Ночуетъ она по очереди. Приходитъ въ намѣченный ею домъ и безъ спросу залѣзаетъ на печь въ уголъ. Если кто изъ хозяевъ вздумаетъ ее потревожить, она огрызается. «Вѣдьма!» говорили про нее. Но она считаетъ своимъ прирожденнымъ правомъ ѣсть и обладать печью. Это она постоянно высказывала при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, грозно требуя себѣ у міра мѣста, избы, мазанки, бани, вообще какого нибудь

жилья. Но міръ отказывалъ. «Вотъ опять идетъ Лапа», говорилъ кто-нибудь на сходкѣ, завидя бабку.

— Ты опять пришла лаяться, кочерга? спрашивали ее.

— Опять. Помяните мое слово: ежели не будетъ у меня мѣста—спалю я васъ! начинала свою просьбу старуха.

— Ахъ ты, вѣдьма! развѣ можно говорить такія слова? За такія слова, знаешь ли, тебя можно куда спровадить?

Но никто не хотѣлъ придавать значенія съумасшедшимъ угрозамъ полоумной Лапы. Между тѣмъ, Лапа говорила въ «сурьезъ» и когда ей надоѣло ходить по очереди ночевать, она взяла да спалила нѣсколько дворовъ, что̀ весьма удивило жителей. Разъ одна хозяйка поручила ей вынести горячую золу изъ избы, а Лапа бросила золу къ плетню и ушла со двора, грозно оглянувъ деревню. Къ вечеру показался возлѣ забора дымокъ, тонкой струйкой поднимаясь вверхъ; потомъ, по двору поползли густые клубы; наконецъ, сквозь черную тучу смрада прорвался чудовищный языкъ огня и не успѣли жители оглянуться, какъ онъ слизнулъ два дома, одни задворки и нѣсколько хлѣвовъ. Едва потушили.

Всѣ знали, что это Лапа подпалила, но только удивлялись злости ея, не зная, что̀ съ ней дѣлать.

— Что же намъ съ ней дѣлать? Эдакая, прости Господи, чертовка навязалась! Вѣдь уродится же

такой идолъ! говорили одни черезъ нѣсколько дней послѣ пожара.

— Никакъ не можетъ помереть кочерга, говорили другіе.—Хоть бы поскорѣй померла! Ну, какъ намъ теперь съ ней поступить?

Но никому не хотѣлось подумать, какъ поступить съ Лапой. Рѣшили: «Песъ съ ней! неужто-жъ ее судить? Шутъ ее возьми!» и забыли. На мѣстѣ пожара долго валялись головешки, торчали обгорѣлые столбы, зіяли какія-то ямы. Когда незнакомый, видя это мѣсто, спрашивалъ объясненія пожара, ему отвѣчали:

— Старуха тутъ одна есть... Такая вѣдьма, не приведи Богъ! Она спалила.

— Какъ спалила?

— Взяла, да спалила.

— И ничего ей за это не было?

— Чего же ей! Спалила—и права. Что съ нее, съ оглашенной, взыщешь! Песъ съ ней! А, между прочимъ, никакъ скоро помретъ... Ну, ее»!..

Видишь, какіе одичалые нравы. Авторъ не хочетъ допустить предположеніе, что старуху ея односельчане допускали въ свои избы изъ жалости, изъ милосердія: такія чувства показывали бы, что въ стадѣ говорящихъ звѣрей, имъ изображенномъ, господствуетъ нѣчто человѣческое. Нѣтъ, этого не нужно, этого не полагается по той журнальной морали, которая рекомендуетъ изображать народъ въ конецъ оскотинившимся отъ невыносимаго бѣдственнаго состоянія. Далѣе авторъ въ своей повѣсти—

нѣтъ, не повѣсти, а, точнѣе сказать, въ своемъ сочиненіи на установленную журнальную тему — показываетъ наглядно, какъ одинъ изъ членовъ общины звѣрей, называемыхъ мужичками, оскотинивается подъ вліяніемъ бѣдственныхъ условій, тяготѣющихъ надъ всѣмъ строемъ жизни этой изумительной общины. Крестьянинъ Иванъ Чихаевъ, перетерпѣвъ рядъ всякихъ бѣдствій, принудившихъ его даже къ нѣкоторымъ, какъ выражается авторъ, негодяйствамъ, незначительнымъ, впрочемъ, неожиданно находитъ свое «счастіе». Счастіе это онъ основываетъ на усилившемся бѣдствіи цѣлой деревни. Дѣло, по объясненію автора, происходитъ вотъ какимъ образомъ. У Чихаева случайно скопился большой стогъ соломы. Эта солома и послужила основаніемъ его благополучія. «Въ ту самую минуту — повѣствуетъ авторъ — когда Чихаевъ уже былъ близокъ къ концу своего земного существованія, кто-то изъ сосѣдей пришелъ къ нему за соломой, заклиная Христомъ-Богомъ одолжить ему хоть полвоза этого корма до слѣдующаго лѣта. Иванъ одолжилъ. Но вслѣдъ за тѣмъ ему пришла блестящая мысль: воспользоваться соломой для поправленія своихъ отчаянныхъ дѣлъ. Придумано и рѣшено. Чихаевъ проникается неописанной радостью.

Положеніе его, какъ собственника соломы, было великолѣпное. Безкормица давала себя знать. Истощенный скотъ падалъ. Появились особенныя болѣзни, еще быстрѣе уничтожавшія коровъ и ло-

[illegible] Постоянно пропадали [illegible]. Бывший [illegible] его выбрасывали [illegible] в столицу [illegible] [illegible] [illegible]

принимать въ закладъ человѣческія головы—до такой степени остервенился отъ запаха денегъ. Ночью онъ, не взирая на лютость мороза, спалъ въ своей драгоцѣнной соломѣ и караулилъ ее. Вообще онъ жилъ въ какомъ-то бреду. Да и большинство въ деревнѣ находилось въ горячкѣ. Многіе буквально бредили соломой. Несчастную деревню охватилъ какой-то соломенный ажіотажъ. Вопросъ—есть солома? сдѣлался жгучимъ. Успѣвшій купить у Ивана Чихаева вязанку, или полвоза корма, считалъ себя счастливымъ, не успѣвшій—впадалъ въ глубокое уныніе. Чихаеву платили сумасшедшія деньги, или дѣлали у него не менѣе сумасшедшія обязательства».

Я не стану обсуждать, на сколько правдоподобенъ случай «соломеннаго ажіотажа», изобрѣтеніе котораго я прочиталъ тебѣ: очень можетъ быть, что онъ возможенъ въ деревенскомъ быту, хотя не въ такой преувеличенной степени. Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ: относительно разбогатѣвъ насчетъ общаго бѣдствія, Иванъ Чихаевъ изъ околѣвавшаго отъ истощенія силъ и отчаянія звѣря дѣлается звѣремъ сытымъ и поэтому еще болѣе невѣроятнымъ. Вотъ какъ авторъ разрисовываетъ его звѣрское превращеніе въ новомъ родѣ: «Мысль, что у него все есть, а у другихъ ничего, дѣлала его гордымъ. На дворѣ стоялъ жгучій морозъ, или свистѣла буря, а ему ничего. И онъ зналъ, что въ это время многіе коченѣютъ, и несказанно радовался. Сосѣдомъ съ лѣвой руки у него былъ

Василій Чилигинъ; Иванъ представлялъ себѣ, какъ Чилигинъ дрожитъ отъ холода и чавкаетъ картошку за отсутствіемъ хлѣба—и былъ радъ.

— А Васька-то теперь сидитъ не жрамши, говоритъ онъ женѣ.

— Должно, что не жрамши, нехотя, съ печалью въ голосѣ, отвѣчаетъ жена.

— Чай, морозъ-то такъ и ходитъ у него по избѣ! продолжаетъ радоваться Иванъ.

— Извѣстно, коли дровъ нѣту...

На глазахъ жены навертываются слезы. Морщинистое лицо ея, изборожденное слѣдами переворотовъ деревенской жизни, заволакивается грустью. Она уже нѣсколько разъ подъ фартукомъ, тайно отъ мужа, носила короваи Чилигину.

Не смотря на благополучіе, Иванъ дѣлался, къ удивленію жены, необыкновенно сердитъ, когда видѣлъ постороннее человѣческое лицо. Только сидя одинъ у себя въ избѣ, онъ благодушествовалъ. День онъ проводилъ такимъ порядкомъ. Встанетъ, поѣстъ горячаго хлѣба и начнетъ копаться надъ чѣмъ-нибудь по домашности. Потомъ обѣдаетъ горячую похлебку; а послѣ обѣда грѣется на печкѣ. Вотъ и все. Свѣсивъ голову съ печки, отъ времени до времени сплевываетъ на полъ, наблюдая, какъ жена прилаживаетъ къ его рубахѣ заплату. Или болтаетъ босыми ногами, и проектируетъ планы одинъ другого радостнѣе.

— На ту весну поставлю новую избу, говоритъ

онъ женѣ, которая вскидываетъ глазами, но молчитъ.

Недалеко отъ него стоитъ изба Тимофея, который, шутъ его знаетъ, гдѣ пропадаетъ. Ивану приходитъ въ голову, что хорошо бы завладѣть Тимофѣевой избой. Онъ рѣшаетъ, что непремѣнно захватитъ, если только Тимофей пропадетъ куда-нибудь совсѣмъ.

— А Тимошка-то, должно думать, на-чисто пропадетъ! говоритъ онъ неожиданно женѣ. Послѣдняя опять вскидываетъ глазами.

— Кто его знаетъ...

— Бездѣльникъ! добавляетъ онъ.

Планы, выдумываемые имъ на печкѣ, были нерѣдко положительно безчеловѣчны».

По свидѣтельству автора, Иванъ, лежа въ своей теплой избѣ, мечтаетъ только о томъ, чтобы вся деревня пропала, сгорѣла, чтобы онъ одинъ остался. Онъ гонитъ отъ себя всѣхъ односельчанъ. Даже ужасную старуху Лапу, явившуюся къ нему пригрѣться, онъ прогналъ, отчего она схватила на морозѣ горячку и умерла. «Мысли Чихаева, свидѣтельствуетъ самъ авторъ, сдѣлались звѣриными, поступки безчеловѣчными. Домъ свой онъ превратилъ въ нору. А развѣ въ норѣ можетъ быть совѣсть, которая мыслима только среди общества людей? Единственная нравственность въ норѣ состоитъ только въ томъ, чтобы не повредить себѣ самому. И Чихаевъ у себя въ избѣ, отрѣшенный отъ всего міра, планировалъ самыя

противообщественныя, вредныя дѣянія на будущее». Ну, вотъ видишь—излюбленная мораль высказана авторомъ и на ней можно проститься съ его разсказомъ. Я, конечно, не сравниваю этотъ разсказъ съ дикимъ очеркомъ потребителя конины, нелѣпостью котораго ты такъ возмущаешься: тамъ, очевидно, работало совсѣмъ невѣжественное, первобытное перо, а тутъ перо литературное, быть можетъ даже даровитое. Но я хочу только сказать вотъ что: если вы въ вашихъ журналахъ поощряете и восхваляете «сочиненія» изъ народнаго быта, искусно фабрикуемыя на излюбленную идею объ озвѣрѣніи народа, обусловливаемомъ его бѣдственнымъ положеніемъ, то вамъ нечего претендовать на то, что такихъ сочиненій расплодается невѣроятное количество и что, въ концѣ концовъ, они принимаютъ характеръ какихъ-то нелѣпыхъ беллетристическихъ кошмаровъ. Да, любезный другъ, нечего претендовать: сами вы довели до этого кошмара и начинающихъ писателей, да и нѣкоторую часть читателей даже. Потому что вѣдь, сознайся, среди вашихъ читателей есть очень много такихъ, которые упиваются всласть беллетристическими кошмарами о народѣ и признаютъ настоящими современными художниками только однихъ кошмарныхъ беллетристовъ.

* * * * * * * *

СТАТЬИ.

Обыкновенные истории . . . . . [illegible]
«Суда нравственной чистки» 30
«Протестующие» увлеченія 49
Лассаль молодого поколѣнія 58
Дружба добраго стараго времени 79
Послѣдній романъ изъ жизни Лассаля 86
Литературный процессъ 108
Послѣ бури... въ стаканѣ воды 130
Еще разъ 161
«Тургеневъ Семидесятыхъ годовъ» 181
Неудачная трагедія 218
Знакомый типъ 286
«Средній» драматургъ 251
Г. Михайловскій и г. Боборыкинъ 317
Не вымышленный романъ 352
Разговоръ въ редакціи 367

Stanford University Libraries
3 6105 012 273 129

PE
2912
B8

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D JUN 21 1996

JUN 12 1997

JUN 03 1997

Stanford University Libraries
3 6105 012 273 129

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D JUN 21 1996

JUN 12 1997

JUN 03 1997